

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

2021 Том 8 № 1

DOI 10.22363/2312-8313-2021-8-1

Научный журнал

Издается с 2014 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Иванов В.Г.,
доктор политических наук,
доцент кафедры
государственного и
муниципального управления
Российского университета
дружбы народов (г. Москва,
Россия)

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА**

Масленникова Е.В.,
кандидат социологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
государственного и
муниципального управления
Государственного университета
управления (г. Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Осипов В.А.,
кандидат политических наук,
ассистент кафедры государственного
и муниципального управления
Российского университета
дружбы народов (г. Москва,
Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Велиева Д.С. – доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт управления РАНХиГС, (г. Саратов, Россия)

Вертинский И. – доктор философии, профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии (г. Ванкувер, Канада)

Войташич К.А. – доктор политических наук, профессор и заведующий кафедры права и европейских институтов факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета (г. Варшава, Польша)

Вольманн Х. – PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта (г. Берлин, Германия)

Ворончук И. – доктор экономических наук, профессор, глава Департамента публичного администрирования Факультета экономики и менеджмента Латвийского университета (г. Рига, Латвия)

Кочегура А.П. – доктор философии (PhD), член Европейской Ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA) (г. Москва, Россия)

Марголин А.М. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС (г. Москва, Россия)

Прокофьев С.Е. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Ропрег М. – PhD, профессор кафедры государственного управления Университета Любляны (г. Любляна, Словения)

Сорокин Д.Е. – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, проректор по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, первый заместитель директора Института экономики РАН (г. Москва, Россия)

Стриелковский В. – PhD, профессор. Управляющий директор Пражского института повышения квалификации (г. Прага, Чехия), почётный профессор Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург, Россия)

Хоппе Р. – PhD, почётный профессор Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления (г. Энсхеде, Нидерланды)

Шедлер К. – PhD, профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена (г. Санкт-Галлен, Швейцария)

Шульц Д. – PhD, профессор кафедры политических наук Университета Хэмлин (г. Сент-Пол, США)

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

4 выпуска в год

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 08.00.01, 08.00.05, 23.00.02, 23.00.04.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, ВАК, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions, East View, EBSCOhost, DOAJ.

Цель и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление» – специализированное издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основными рубриками журнала являются: «Государственное управление: теория и практика», «Зарубежный опыт управления», «Становление и развитие местного самоуправления в России», «Культура управленческой деятельности», «Антология государственного управления» и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации и других странах мира.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов и практиков, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>.

Электронный адрес: pubadmj@rudn.ru.

Литературный редактор К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова
Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Подписано в печать 28.02.2021. Выход в свет 15.03.2021. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 8,78. Тираж 500 экз. Заказ № 21. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2021

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2021 Volume 8 Issue 1

DOI 10.22363/2312-8313-2021-8-1

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

EDITOR-IN-CHIEF

Ivanov V.G.,

Dr.Sci. (Political Sciences), Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russian Federation)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Maslennikova E.V.,

PhD in Sociology, Head of the Department of State and Municipal Administration, State University of Management; Leading Researcher of the Center of Public Administration Technologies, Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)

EXECUTIVE SECRETARY

Osipov V.A.,

PhD in Political Science, Assistant of the Department of Public Administration, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Barabashev A.G. – Dr.Sci. (Economics), Professor, Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

Velieva D.S. – Doctor of Law, Professor, Povolzhsky Institute of Management RANEPa (Saratov, Russian Federation)

Vertinsky I. – PhD, Professor, Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia (Vancouver, Canada)

Wollmann H. – PhD, Professor of Public Administration and Public Policy, Berlin Humboldt University (Berlin, Germany)

Wojtaszczyk K.A. – Dr.Sci. (Political Sciences), Professor and Head of the Department of European Law and Institutions, Faculty of Political Sciences and International Studies, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Voronchuk I. – Dr.Sci. (Economics), Professor, Head of the Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University (Riga, Latvia)

Kotchegura A.P. – Dr.Sci. (Philosophy), Member of the European Association of Professionals in Public Administration (EGPA) (Moscow, Russian Federation)

Margolin A.M. – Dr.Sci. (Economics), Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)

Prokofiev S.E. – Dr.Sci. (Economics), Professor, Head of State Public Administration Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Deputy Head of the Federal Treasury of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Ropret M. – PhD, professor of the Department of Public Administration, University of Ljubljana (Ljubljana, Slovenia)

Sorokin D.E. – Dr.Sci. (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Macroeconomics and Macroeconomic Regulation Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, First Deputy Director of the Institute of Economics (Moscow, Russian Federation)

Strielkowski W. – PhD, Professor, Managing Director of Prague Institute for Qualification Enhancement; Professor, Assistant Director of Prague Business School Centre for Energy Studies (Prague, Czech Republic); Emeritus Professor of Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation)

Hoppe R. – PhD, Professor of Politics and Knowledge of the School of Management and Governance, Department of Science, Technology and Police Studies, University of Twente (Enschede, Netherlands)

Schedler K. – PhD, Professor, Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen (St. Gallen, Switzerland)

Schultz D. – PhD, Professor of Political Science, University of Hamlin (St. Paul, USA), Editor in Chief of Public Affairs Education (JPAE)

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed in Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, East View, EBSCOhost, DOAJ.

Aim and Scope

"RUDN Journal of Public Administration" is a specialized peer-reviewed scientific journal established in 2013, and a quarterly publication. The Editorial Board of the journal includes renowned researchers from Russia, Canada, Germany, Poland, Latvia, Slovenia, Czech Republic, Netherlands, Switzerland and the USA.

The mission of the journal is boosting research efficiency in the field of public administration on theoretical and applied levels, as well as creation of an international platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives and best practices of public administration.

The journal encourages the authors to discuss current concepts, ideas and problems of public administration, analyze contemporary issues of public administration, the trends and prospects of local government development, evaluate and conceptualize international practices and experience of public administration and management.

The main journal sections are: "Current Problems of Public Administration", "Theory and Practice of Public Administration", "International Experience of Public Administration", "Formation and Development of Local Government", "Academic Life" and others.

The journal is designed for publishing the results of independent and original research works by researchers, officials in the sphere of public administration, professors of Universities and other scientific centers in the form of articles, review materials, scientific reports, and bibliographical reviews on certain subjects and within selected scientific areas.

The target international audience of the journal are researchers, practitioners and postgraduate students who are interested in problems and perspectives of public administration. The Journal can be useful for decision-making experts, information and analytical departments of governments, political and public organizations and commercial institutions.

The journal editorial board includes leading scientists and experts on international and national levels. Further information regarding notes for contributors, editorial policies, subscription and archive is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>.

E-mail: pubadmj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Yu.N. Efremova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

- Гукасян Г.Л.** Урбанизация и пандемия COVID-2019 в городах мира: утрата преимуществ города или переосмысление городского развития? 7
- Muslim M.A., Prasojo E., Jannah L.M.** Collaborative Governance for Poverty Alleviation: A Systematic Mapping Study (**Муслим М.А., Прасойо Э., Джанна Л.М.** Совместное управление для борьбы с бедностью: системное картирование) 20
- Татарина Л.Н., Масленникова Е.В.** Карьерные стратегии в контексте лично-профессионального развития резерва управленческих кадров 37
- Борхсениус А.В.** Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы 52

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Mengist A., Nurie E., Nega M.** Community Participation in the Reduction of Land Degradation: The Case Study of Shebel Berenta District, Amhara National Region State (**Менгист А., Нури Т., Нега М., Джмеберу Г.** Участие сообщества в сокращении деградации земель: на примере района Шебель-Берента, национальный региональный штат Амхара) 59
- Farida I., Lestari A.I.** Implementation of E-Government as a Public Service Innovation in Indonesia (**Фарида И., Лестари А.** Внедрение электронного правительства как инновации государственной службы в Индонезии) 72
- Абдуллаев И.И.** Каспийский регион в условиях новых геополитических вызовов и новые задачи государственного управления 80
- Okolie U.C.** Employees' Post-service Plans and Options in Nigeria (**Околе У.Ч.** Планы и возможности сотрудников по окончании службы в Нигерии) 89

CONTENTS

PUBLIC ADMINISTRATION: THEORY AND PRACTICE

Gukasyan G.L. Urbanization and the COVID-2019 Pandemic in the World's Cities: Losing the Benefits of the City or Rethinking of Urban Development?	7
Muslim M.A., Prasojo E., Jannah L.M. Collaborative Governance for Poverty Alleviation: A Systematic Mapping Study	20
Tatarinova L.N., Maslennikova E.V. Career Strategies in the Context of Personal and Professional Development of Management Personnel	37
Borkhsenius A.V. Infodemia: Concept, Social and Political Consequences, Methods of Managing	52

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

Mengist A., Nurie E., Nega M. Community Participation in the Reduction of Land Degradation: The Case Study of Shebel Berenta District, Amhara National Region State	59
Farida I., Lestari A.I. Implementation of E-Government as a Public Service Innovation in Indonesia	72
Abdullaev I.I. The Caspian Region in the Conditions of New Geopolitical Challenges and New Tasks of Public Administration	80
Okolie U.C. Employees' Post-service Plans and Options in Nigeria	89

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

PUBLIC ADMINISTRATION: THEORY AND PRACTICE

DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-7-19

Научная статья / Research article

Урбанизация и пандемия COVID-2019 в городах мира: утрата преимуществ города или переосмысление городского развития?

Г.Л. Гукасян

Институт востоковедения РАН,
107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, 12

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Аннотация. Пандемия COVID-2019 вызвала волну дискуссий по вопросу дальнейшего осмысления положительных и отрицательных сторон урбанизации, о возможной утрате преимуществ города. Проблема имеет социально-экономические, экологические, медицинские, архитектурные, управленческие аспекты и рекомендации по изменению стратегии развития хозяйства, застройки территорий и расселения. Во многом проявляется необходимость пересмотра различных решений и видов социально-экономической политики и регулирования.

Ключевые слова: урбанизация, пандемия COVID-2019, экологические и эпидемиологические угрозы, модели развития поселений, предотвращение

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 01.11.2020. Статья принята к публикации: 20.11.2020.

Для цитирования:

Гукасян Г.Л. Урбанизация и пандемия COVID-2019 в городах мира: утрата преимуществ города или переосмысление городского развития? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1. С. 7–19. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-4-7-19

© Гукасян Г.Л., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Urbanization and the COVID-2019 Pandemic in the World's Cities: Losing the Benefits of the City or Rethinking of Urban Development?

G.L. Gukasyan

The Institute of Oriental Studies,
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russian Federation, 107031
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The COVID-2019 pandemic has sparked a wave of discussions on further understanding the positive and negative aspects of urbanization, and the possible loss of the city's advantages. The problem has socio-economic, environmental, medical, architectural, managerial aspects and recommendations for changing the strategy of economic development, development of territories and settlement. The need to revise various decisions and types of socio-economic policy and regulation is largely manifested.

Keywords: urbanization, COVID-2019 pandemic, environmental and epidemiological threats, settlement models, prevention

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.11.2020. The article was accepted on 20.11.2020.

For citation:

Gukasyan G.L. Urbanization and the COVID-2019 Pandemic in the World's Cities: Losing the Benefits of the City or Rethinking of Urban Development? *RUDN Journal of Public Administration*. 2021; 8(1): 7–19. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-4-7-19

По информации Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам ООН-Хабитат в мире в городах проживает более 55% населения, и к 2050 г., при существующем тренде, доля городского населения достигнет 70%. Сегодня в городах создается более 70% валового мирового продукта. Вместе с тем города стали эпицентрами пандемии COVID-2019, 95% заражений во время пандемии были выявлены в урбанизированных территориях.

Как известно, города стали притягательным местом для населения благодаря создаваемым в них преимуществам для экономического развития и прогресса, обусловленным эффектом концентрации, эффектом масштаба производства.

В рамках Конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат-III), состоявшейся в Кито 17–20 октября 2016 г., была принята Новая программа развития городов. В предельно кратком выражении ее целью объявлено создание таких городов, в которых люди будут пользоваться равными правами и возможностями, должна быть искоренена нищета, должны быть обеспечены широкий доступ к социальным благам, вовлечение в общественное взаимодействие всех слоев населения, устойчи-

вый экономический рост и благоприятная экологическая среда. При этом устойчивое развитие городской экономики, согласно указанной программе, должно было происходить за счет преимуществ агломерации, порождаемых именно благодаря хорошо спланированной урбанизации [1].

Наступление пандемии COVID-2019 вызвало волну мнений и публикаций, ставящих под сомнение положительные стороны урбанизации в целом. Например, исследователи из Наньянского технологического университета (Сингапур) ставят вопрос: не означает ли пандемия поворотный пункт для процесса урбанизации, после которого она начнет уходить в прошлое? Вначале города возникли как оборонительные центры вокруг замков, а также выполняли роль торгово-экономических центров, распределяющих ограниченные ресурсы. Модель «летающих гусей», разработанная в 1930-е годы японским экономистом К. Акамацу для страны с догоняющим типом развития при ее переходе к индустриальной стадии, также объясняла тренд урбанизации в развивающихся странах, обусловленный передачей из развитых стран в развивающиеся страны капитала, технологий и способов менеджмента. Такая передача вела к созданию там урбанизированных производственно-экспортных кластеров. Кроме того, в XX в. урбанизация стимулировалась технологическим прогрессом в сельском хозяйстве, повысившим производительность труда на селе и вытолкнувшим массы населения в города. С 2008 г. городское население мира впервые превзошло сельское. А в конце XX в. и первых декадах XXI в. города стали центрами производительности и инноваций, проживание в городе превратилось в символ успеха и обретения возможностей.

Однако отмеченный подход к преимуществам города в условиях 2020 г. резко претерпел изменения: нынешняя пандемия подтвердила, что города неустойчивы к угрозам эпидемий и изменений климата, а кроме того, усиливают неравенство и расслоение. Нью-Йорк, Лондон и Мадрид стали крупнейшими центрами пандемии. Но и города так называемого глобального «Юга» (новый эпитет для обозначения стран «Третьего мира») давно находятся в худшем состоянии, чем города Севера. В частности Мехико, Манила и другие города в развивающихся странах известны своими трущобами и отсутствием чистой воды, санитарных систем. Одни только эти факторы усиливают распространение пандемии [2].

Помимо перечисленного выше, следует отметить и другие доводы против урбанизации.

1. Из-за беспрецедентного роста населения городов в Азии, Латинской Америке, Африке для наращивания продовольственного обеспечения мясными и молочными продуктами продовольственные компании все более крупномасштабно применяют антимикробные препараты, антибиотики в животноводстве и птицеводстве. Это привело к снижению естественного иммунитета населения и стало мощным фактором возникновения и распространения неконтролируемых пандемий, ежегодно уносящих жизни более 10 млн человек. Прогнозируется общемировой рост зоонозных инфекций, передаваемых от животных.

Автор Карла Джоан Нейдеруд пишет, что ведущими причинами смертности в 2000-х годах стали ишемическая болезнь сердца, инсульт, респираторные инфекции нижних дыхательных путей, хронические болезни легких, желудочно-кишечные инфекции, СПИД (прежде всего в Африке) [3].

2. Урбанизация создает идеальные условия для пандемии и распространения инфекций через общие системы вентиляции, водоснабжения, сточные воды и за счет самой по себе высокой плотности населения в урбанизированных районах, частых личных контактов и передвижений (как полагают во Всемирной организации здравоохранения). Из 3 млрд человек, живущих в урбанизированных центрах стран мира, примерно 1 млрд проживает в неблагоприятных районах в условиях трущоб. Они являются рассадниками болезней, особенно в развивающихся странах. Примерами являются вспышки холеры в Дар-эс-Саламе (крупнейшем городе Танзании), туберкулеза в Даке (столица Бангладеш). Конечно, еще не все аспекты эпидемий статистически изучены. В частности, в Польше уровень заболеваемости туберкулезом в городе и на селе оказался примерно одинаковым: 21,9 на 100 тыс. человек на селе и 22,4 на 100 тыс. в городах, а в США в 1992 г. вспышка туберкулеза наблюдалась именно в городах среди неблагополучных слоев населения, бездомных, а также в тюрьмах. Однако обобщенные данные по странам говорят о превышении заболеваемости в урбанизированных районах над сельскими в 2 раза, и, при сравнении, уровень здоровья населения в сельских районах чаще всего выше, чем в городах. Туризм также связан с урбанизацией и эпидемиями, с 1950 до 2013 г. число международных перемещений туристов возросло с 25 млн до 1,087 млрд [4. С. 2–13]. В 2019 г. – 1,5 млрд поездок.

3. Еще один довод против урбанизации состоит в том, что города в значительной мере ответственны за увеличение выбросов в атмосферу парниковых газов, а климатические катастрофы: цунами, наводнения, землетрясения наибольший урон наносят в крупных городах. Особенно сильно они ударили по городам Юга, Азии. Прогнозируется, что к 2050 г. такие катастрофы затронут 570 прибрежных городов с 800 млн человек населения, в основном в Азии.

4. Вопиющее углубление неравенства, прежде всего в городах так называемого Юга, ведет к росту криминализации, нестабильности, из-за чего города, особенно крупные, вряд ли в перспективе можно рассматривать как «драйверов» экономического роста. Даже в городах Севера, таких как Нью-Йорк и Париж, налицо рост криминализации. Меры ответа на пандемию COVID-2019 были крайне осложнены из-за криминализации, ненадлежащей жилищно-коммунальной инфраструктуры, неготовности систем здравоохранения и слабого местного самоуправления.

Каковы же уроки, преподанные пандемией COVID-2019 в отношении концепции урбанизации как магистрального пути развития? Долгое время расширение экономической деятельности в городах выступало ключом к экономической устойчивости и социально-экономическому прогрессу, как для развитых, так и развивающихся стран. Теперь же нарастает количество доводов в пользу того, что пандемия COVID-2019 разрушает привязку эко-

номической активности к городу, а значит саму основу урбанизированной экономики. Ее важные сферы, такие как торговля, услуги, переходят в киберпространство. Даже медицина все шире опирается на телеконсультации.

Явный вывод, который напрашивается и сейчас поддерживается многими членами экспертного сообщества, следующий – ослабить вызванные пандемией угрозы и риски можно путем децентрализации и деконцентрации, снижения зависимости развития от города. Вместо больших городов лучше иметь сеть небольших самодостаточных интеллектуальных городов или сельских районов, оснащенных цифровой инфраструктурой, надлежащими системами очистки воды и канализации, надежным энергоснабжением (особенно с опорой на возобновляемые источники энергии). Такой тип децентрализации мог бы стать ответом на новые угрозы и открыть более стабильное будущее для человечества.

Характерно, что такие подходы уже имелись и были заявлены еще до пандемии COVID-2019. Например, мэр Парижа Анна Идальго в ходе предвыборной кампании еще в феврале 2020 г. заявила о необходимости деконцентрации города. Она предложила модель, когда каждый житель мог бы удовлетворить свои насущные потребности, включая потребность в трудоустройстве, в пределах 15-минутной досягаемости при поездке на велосипеде или за 15 минут движения пешком (концепция «15-минутного города») [5]. Вообще движение пешком является не только способом передвижения (избавляющим от риска передвижения в общественном транспорте, где вирус быстро распространяется, как показала эпидемия COVID-2019), но и способом повысить двигательную активность человека, что важно для укрепления здоровья. Кроме того, смещение центра тяжести на передвижение пешком может укрепить местную экономику, в том числе переориентировать спрос на местное предпринимательство, местные школы, местные услуги.

Коммерческую деятельность, бизнес также лучше вести из небольших поселений, при условии, что имеются развитая цифровая и транспортная инфраструктура, энергетические мощности на базе возобновляемых источников, которые будут обеспечивать необходимые потребности. Наряду с этим в таких поселениях будет много возможностей для оздоровления, спортивных занятий, прогулок на природе, где чище воздух. Здесь же можно наладить экологически чистое сельскохозяйственное производство для местных потребностей, наконец, затраты на содержание жилья для населения будут ниже. В результате уязвимость для пандемии будет меньше, а готовность к эпидемии будет лучше контролируема, также, как и преступность.

Другой аспект урбанизации в связи с борьбой с пандемией состоит в том, что пандемия – не только биологическая, но и социальная проблема. Неравенство, бедность внутри самой урбанизации играют огромную роль в распространении пандемии. Яркий пример – Нью-Йорк, где уровень заражений COVID-19 в богатом районе Манхэттен составил около 925 на 100 тыс. человек, в то время как в Куинсе это 4125 тыс. на 100 тыс. человек. Все это подтверждает, что наиболее опасна урбанизация без создания условий без-

опасной экологической среды, надлежащего качества и доступной всем слоям населения инфраструктуры, особенно, медицинской, а также урбанизация без обеспечения социальной устроенности, благоприятного уровня занятости и социального обеспечения. Сегрегация по доходам сильно сказывается на социальном положении: в тех же США из числа обладателей дипломов высшей школы в пандемию COVID-2019 работать удаленно смогли 47%, а из числа населения без высшего образования – лишь 4% [6].

Предотвращение является лучшим способом действий, чем борьба с уже начавшейся пандемией. Для этого нужно менять планирование урбанизированного развития, дополнить его учетом новых условий, сложившихся в 2020 году. Планирование может осуществляться разными путями. Один из самых простых и прямых – это городская политика зонирования [6]. Отметим, что она предполагает запрещения или ограничения тех или иных видов в деятельности в определенных зонах территории. Она успешно применялась в том же Нью-Йорке в начале XX в. для ограничения притока мигрантов, ищущих работу в текстильной промышленности (через запрет на многоэтажную застройку).

Помимо простого ограничения урбанизации можно отметить и ряд предлагаемых в рамках Всемирного экономического форума, ООН Хабитат и ряда других организаций и центров рамочных направлений и мер. Среди них:

1) общая рекомендация строить города, готовые к будущим вызовам, с высоким уровнем социально-экономического развития, фокусируясь на секторах деятельности экологически дружелюбного типа с созданием в них же качественных рабочих мест, города с экологически устойчивыми типами застройки, системами сбора и очистки отходов, с опорой на возобновляемую энергетику, на местное продовольственное снабжение;

2) сочетание выгод от урбанизации с мерами экономической политики по ограничению плотности населения. Среди них такие, как увеличение штрафов и компенсаций за выбросы парниковых газов, снижение транспортных субсидий для ограничения миграции город – пригород, ведущей к росту мегаполисов, смещение центра активности в сторону компактных городов;

3) базирование планов предотвращения эпидемий на повышении качества сбора и обработки информации с целью наиболее приемлемой и рациональной организации жизнедеятельности в урбанизированных территориях, с опорой на логистику, цифровые технологии;

4) разработка многоцелевых планов противодействия стихийным бедствиям, катастрофам, эпидемиям, так, чтобы ограниченные ресурсы распределялись наиболее эффективно, а также перенаправление инвестиций в соответствии с такими планами, инвестирование в новые устойчивые методы строительства, наряду с улучшением условий труда и финансового обеспечения работников здравоохранения и социальной сферы;

5) сочетание централизации управления важнейшими вопросами в сфере безопасности и жизнеобеспечения территорий городов и районов с децентрализацией, децентрализацией сопровождающейся передачей на мест-

ный уровень (муниципальные органы управления) конкретных полномочий и ресурсов для решения проблем противодействия эпидемиям и другим бедствиям, с учетом местных условий. При этом следует укреплять и совершенствовать механизмы координации между центральными и местными органами управления.

Указанные выше направления обозначены в плане противодействия пандемии COVID-19 ООН Хабитат [7].

Как еще более конкретно отмечается в публикациях под эгидой Всемирного экономического форума (ВЭФ), необходимо переосмысление всего комплекса архитектурных решений в урбанизированных районах, поскольку они не обеспечивают возможностей для социального дистанцирования. Выше уже упоминались предложения мэра Парижа. Кроме того, возникают различные новые архитектурные решения. Так, в Нидерландах дизайнеры предложили организовать торговые продуктовые ярмарки в парках, разделенных на 16 квадратных секций для обслуживания отдельно групп не более 6 покупателей, причем каждая секция должна реализовывать только три закрепленных товарных группы, а покупатели двигаются разными маршрутами [8]. Архитектурная студия Precht (Вена) предлагает организацию дистанционных парков с дорожками шириной не менее 2,4 метра и разделительной полосой 90 см. Имеется много других новых архитектурных предложений. Например, изменение дизайна улиц, еще большее расширение части улиц, предназначенных для движения пешком и на велосипедах (что уже практикуется в городах стран мира), но потребуются проектирование более широких улиц, тротуаров, расширение существующих за счет других объектов инфраструктуры, с целью снижения плотности для дистанцирования людей, в том числе в очередях. Кроме того, предлагается строительство лестниц, раздельно ведущих на разные этажи, реконструкция систем вентиляции с отдельной вентиляцией каждого помещения наружным воздухом, регулярное тестирование сточных вод на наличие вируса.

Совершенно по-другому должны использоваться или быть реконструированы общественные места, такие как школы, больницы, театры, стадионы, аэропорты, вокзалы. Они должны проектироваться в расчете на повышение эпидемиологической устойчивости, помимо переориентирования процедур регистрации на рейсы в электронную среду, в аэропортах, на вокзалах требуется изменить направления потоков передвижения пассажиров, организовать разделительные механизмы и барьеры и т.п. Наиболее сложным будет необходимое изменение в целях обеспечения эпидемиологической безопасности в автобусах, метро, поездах, самолетах, на морских и речных судах.

Следует добавить, что важным аспектом представляется переосмысление и переработка строительных норм и правил, стандартов строительства, ибо те же системы вентиляции в многоквартирных и офисных зданиях с точки зрения защиты от эпидемии, по мнению врачей, надо реконструировать. Конечно, реализация таких решений потребует изыскания значительных финансовых средств [9]. В многоэтажных зданиях распространяются болезни, известные как «синдром больного здания», это болезненное состо-

яние, при котором люди в одном здании, квартире, офисе страдают от симптомов болезни без видимой причины. Данный синдром свидетельствует о связи между временем нахождения в помещениях и нарастанием различных видов болезней (прежде всего респираторных). Это подтверждается исследованиями: так, в 2004 г. в Гонконге были проведены исследования распространения атипичной пневмонии (SARS) в жилых районах, которые показали, что заболевание распространялось через вентиляционные системы апартаментов [10]. Борьба с распространением пандемии должна вестись не только на уровне медицины и регулирования дистанцирования населения, но и на уровне строительных решений.

Сегодня укрепляется мнение о том, что из-за пандемии уже не будет возвращения к прежним подходам в области жилищного строительства и строительства прочих объектов городской инфраструктуры [11]. По сути, опровергается концепция целесообразности многоэтажной жилой застройки с типовыми одинаково расположенными квартирами или апартаментами. Тем более, что во время пандемии те, кто остаются в городах, должны работать дистанционно и находиться в изоляции. Семьи, находясь в одном и том же месте в своих квартирах, должны использовать это пространство и для работы, учебы, и для отдыха, сна одновременно, что не отвечает назначению этих помещений. Нарастает волна исследований, свидетельствующих о том, что длительное нахождение множества людей в квартирах и апартаментах в многоэтажных зданиях ведет к увеличению как психических, так и иных заболеваний.

При этом не может не быть пересмотрена концепция жилой застройки и организации жилых районов, которая, по существу, зарождалась при минимальном учете всего комплекса угроз для здоровья человека. Так, после эпидемии холеры во Франции в 1848 г. Наполеон Третий принял решение о перестройке улиц Парижа с целью обеспечения полноценной рециркуляции воздуха и повышения освещенности солнечным светом. Более 12 тысяч зданий было снесено, были сооружены просторные парки и другие территории [12. С. 5]. Сегодня, вероятно, требуется переход к зданиям, в которых имеются отдельные выходы на улицу из каждого жилого помещения, дополнительные помещения для изоляции больных, требуется ликвидация в рамках архитектурных решений замкнутых пространств, в которых могут накапливаться вирусные частицы, а также должны быть уже упоминавшиеся отдельные системы вентиляции каждого помещения. Необходимо и изменение подхода к строительным материалам, так как вирус неодинаково по времени сохраняет жизнеспособность на разных видах поверхностей.

Также представляется важным отметить, что в этой связи более дешевым направлением может стать строительство экологических городов и поселений, ряд проектов которых уже осуществляется. Примерами, в частности, являются город Масдар в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), отчасти воспринявшее его концепцию Сколково в России и другие. Пандемия 2020 года поставила под вопрос прежние подходы к устойчивому городскому строительству.

Так, в ОАЭ продолжается строительство «Масдар-сити», который должен полностью обеспечиваться энергией из возобновляемых источников. Ее излишки планируется продавать, выбросы углекислого газа утилизировать, отходы подвергать максимальной степени переработки. В Масдаре есть просторные помещения и площади с качественным охлаждением и вентиляцией, в частности, использованы конструкция и дизайн древней вентиляционной башни – Бадгир (ветролов). Бадгир представляет собой традиционный персидский архитектурный элемент, служащий для качественной вентиляции зданий и поддержания нормального температурного баланса, естественным путем засасывающий воздух с высоты и отдающий его обратно. Народные традиции архитектуры в принципе основаны на местных ресурсах, на стремлении использовать возможности атмосферы и солнечного света, сохранить окружающую природу. Такие подходы отчасти вполне эффективны для противодействия распространению инфекции.

Электро- и тепловую энергию в Масдаре будут полностью вырабатывать с помощью ветра, а также за счет использования биомассы, геотермальных источников и отходов. Надо отметить, что власти ОАЭ отводят городу Масдар важное место в борьбе с пандемией. Здесь находится Масдарский технологический институт, где ведется широкий спектр исследований в сфере биотехнологий для противодействия пандемии. При этом данный город оснащен мощной системой тестирования на коронавирус, на несколько тысяч тестов в сутки, что должно позволить оградить проживающее здесь небольшое по численности население от проникновения эпидемии [13].

В принципе, пандемия COVID-2019 показала особенно важную роль независимых жилых зданий, обладающих собственными системами энергоснабжения и снабжения водой, большое значение открытых зеленых пространств, что в настоящее время может быть дополнено продуманными архитектурными и технологическими решениями.

В настоящее время можно выделить некоторые стратегические линии действий в области строительных решений в связи с реагированием на пандемию COVID-2019. Во-первых, необходимо подготовить новые строительные концепции для будущего периода с учетом уроков пандемии. Во-вторых, уже сейчас необходимо проводить реконструкцию территорий городов с целью противодействия пандемии в рамках подходов, доступных уже в настоящий момент. В-третьих, необходимо увязать новые типы жизнедеятельности и занятости населения, порожденные условиями пандемии, с решениями в области строительства и землепользования на населенных территориях [14].

К примеру, Копенгаген также уже к 2025 г. планирует стать углеродно-нейтральным городом. К эффективным для существования в условиях пандемии архитектурным решениям в Сколково можно отнести ограниченное число жителей, возможность длительного проживания без выезда за пределы города (рабочие места), цифровую инфраструктуру, зеленые зоны, помещения для обучения и научной работы со свободно изменяемой плани-

ровкой, отдельные коттеджи для проживающих, просторные помещения для конференций, идею опоры на возобновляемые источники энергии, наличие «Зеленого кодекса» города. Однако проект Сколково, как и проект Масдар, создавался как наукоград, для конкретных видов занятости, а также без учета возможности пандемии, в свете которой такие проекты требуют реновации. Вспомним также идеи проекта «Одноэтажная Россия», требующие нового осмысления.

Таким образом, пандемия COVID-19 ставит много вопросов к процессу урбанизации и требует переосмысления идей развития города, прежде всего крупного города как основного звена экономического роста и благосостояния. Один из главных вопросов состоит в том, не утрачиваются ли преимущества крупных городов и какой должна быть стратегия развития в отношении городов?

В заключении можно отметить некоторые обобщающие выводы. Пандемия COVID-2019 выявила хрупкость модели глобализации и заставляет думать о самодостаточных государствах, и, в особенности, о самодостаточных городах и регионах, при этом не снижается роль обмена знаниями, технологиями и производимой продукцией, роль производственной кооперации. Встал вопрос о том, как взаимно увязать возникшие до пандемии COVID-2019 концепции «умных городов» и моделей управления такими городами с необходимостью ограничения контактов, вызванной условиями пандемии?

Вероятно, ограничение контактов и физических перемещений, все больший переход к электронным платформам общения и распределения продукции могут открыть возможности для прорыва в сфере экологически дружелюбной экономики, и данный вопрос требует изучения. Кризис COVID-2019 указывает на необходимость пересмотра концепции развития городов, с переносом центра тяжести с планирования материальной инфраструктуры на планирование роли и схем участия человека в пространстве и экономике города, это требует иной модели планирования и вовлечения населения в развитие поселений.

Следует ли вообще по-прежнему развивать и пропагандировать саму концепцию мегаполисов и крупных городов? Малые поселения могут быть гораздо проще защищены от природных или техногенных катастроф и кризисов. Тем более, в малых поселениях чувство сопричастности к местным делам и местному развитию у человека сильнее и получает реальное подтверждение. Скорее, следует сместить концепцию развития на малые поселения, связанные транспортной и коммуникационной инфраструктурой. При этом для смягчения проблемы продовольственного обеспечения нужно развивать экологически дружелюбную сельскохозяйственную деятельность в таких поселениях на микроуровне.

Целесообразно изменение транспортной модели с переносом центра тяжести на пешие прогулки, перемещение пешком, а не на транспорте. Тем более, что именно в городах интенсивное нарастание загрязнения воздуха автомобильным транспортом привело к ухудшению здоровья населения.

Безусловно, планирование городов должно быть пересмотрено в целях обеспечения социального дистанцирования, обеспечения возможностей изоляции, снижения плотности населения, наряду с обеспечением доступа населения к природным территориям и местным ресурсам.

Вероятно, что в целом необходима новая концепция развития, контуры которой проявляются в следующем: необходимость отхода от идеологии потребительского общества, снижение интенсивности перемещений, путешествий; изыскание возможностей замещения местным воспроизводственным механизмом глобальных цепей поставок продукции, усиление социально-экономической роли местных сообществ. Кроме того, для мирового сообщества особое значение приобретает пересмотр подхода к борьбе с климатической катастрофой, так как изменение климата вызывает нарастание инфекционных заболеваний [15].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Sustainable Urbanization Critical to COVID-19 Recovery, Better Quality of Life // UN News. 31.10.2020. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/10/1076532#:~:text=Cities%20have%20been%20at%20the,development%20and%20combating%20climate%20change>. Дата обращения: 31.10.2020.
- [2] Post COVID-19. Will Urbanization Be a Thing of the Past? // Asia Global On-line. 15.10.2020. URL: <https://www.asiaglobalonline.hku.hk/post-covid-19-will-urbanization-be-thing-past>. Дата обращения: 31.10.2020.
- [3] Neiderud C.-J. How Urbanization Affects the Epidemiology of Emerging Infectious Diseases // Infection Ecology & Epidemiology. 2015. № 1 (5). DOI: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.3402/iee.v5.27060>
- [4] No Time to Wait. Securing Resistance from Drug-Resistant Injections. Report to the Secretary-General of the UN // IACG. April 2019. URL: https://www.who.int/antimicrobial-resistance/interagency-coordination-group/IACG_final_report_EN.pdf?ua=1. Дата обращения: 31.10.2020.
- [5] O'Sullivan F. Paris Mayor: It's Time for a "15-Minute City" // Bloomberg City Lab. 18.02.2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-02-18/paris-mayor-pledges-a-greener-15-minute-city>. Дата обращения: 31.10.2020.
- [6] Perry G., De Silva G. Urbanization in the Age of Pandemic // New Security Beat. 20.05.2020. URL: <https://www.newsecuritybeat.org/2020/05/urbanization-age-pandemic/>. Дата обращения: 31.10.2020.
- [7] План реагирования ООН-Хабитат на COVID-19 // ООН Хабитат. Апрель 2020.
- [8] Frearson A. Shift Architecture Urbanism Designs Social Distancing into the Food Market // De Zeen. 03.04.2020. URL: <https://www.dezeen.com/2020/04/03/shift-architecture-urbanism-designs-social-distancing-into-the-food-market/>. Дата обращения: 31.10.2020.
- [9] Фролова Н. Парк для соблюдения дистанции // Archi.ru. 17.04.2020. URL: <https://archi.ru/world/86051/park-dlya-soblyudeniya-distancii>. Дата обращения: 31.10.2020.
- [10] Eltarably S., Elghezanwy D. Post-Pandemic Cities – The Impact of COVID-19 on Cities and Urban Design // Architecture Research. 2020. № 10 (3). P. 75–84. DOI: <http://article.sapub.org/10.5923.j.arch.20201003.02.html#Sec3.1>
- [11] Cortright J. Is COVID-19 the End of Cities? // City Observatory. 21.04.2020. URL: <https://www.strongtowns.org/journal/2020/4/21/is-covid-19-the-end-of-cities>. Дата обращения: 31.10.2020.
- [12] Duarte Pinheiro M., Cardoso L.N. COVID-19 Could Leverage a Sustainable Built Environment // Sustainability. 2020. № 12. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12145863>

- [13] What Is the Future for Smart Cities after Covid-19? // Oxford Business Group. 16.06.2020. URL: <https://oxfordbusinessgroup.com/news/what-future-smart-cities-after-covid-19>. Дата обращения: 31.10.2020.
- [14] Ghaid A. Future of Sustainable Architecture: Rethinking COVID-19 a Pandemic or Turning Point? DOI: 10.13140/RG.2.2.33693.74722
- [15] Knowledge the Better Cities // ISOCARP. 20.02.2020. URL: <https://isocarp.org/post-covid-19-urbanism/>. Дата обращения: 31.10.2020.

REFERENCES

- [1] Sustainable Urbanization Critical to COVID-19 Recovery, Better Quality of Life. *UN News*. 31.10.2020. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/10/1076532#:~:text=Cities%20have%20been%20at%20the,development%20and%20combating%20climate%20change>. Accessed: 31.10.2020.
- [2] Post COVID-19. Will Urbanization Be a Thing of the Past? *Asia Global On-line*. 15.10.2020. URL: <https://www.asiaglobalonline.hku.hk/post-covid-19-will-urbanization-be-thing-past>. Accessed: 31.10.2020.
- [3] Neiderud C.-J. How Urbanization Affects the Epidemiology of Emerging Infectious Diseases. *Infection Ecology & Epidemiology*. 2015; 1 (5). DOI: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.3402/iee.v5.27060>
- [4] No Time to Wait. Securing Resistance from Drug-Resistant Injections. Report to the Secretary-General of the UN. *IACG*. April 2019. URL: https://www.who.int/antimicrobial-resistance/interagency-coordination-group/IACG_final_report_EN.pdf?ua=1. Accessed: 31.10.2020.
- [5] O’Sullivan F. Paris Mayor: It’s Time for a “15-Minute City”. *Bloomberg City Lab*. 18.02.2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-02-18/paris-mayor-pledges-a-greener-15-minute-city>. Accessed: 31.10.2020.
- [6] Perry G., De Silva G. Urbanization in the Age of Pandemic. *New Security Beat*. 20.05.2020. URL: <https://www.newsecuritybeat.org/2020/05/urbanization-age-pandemic/>. Accessed: 31.10.2020.
- [7] *The Plan of Reaction of UN Habitat to COVID-19*. *UN Habitat*. April 2020.
- [8] Frearson A. Shift Architecture Urbanism Designs Social Distancing into the Food Market. *De Zeen*. 03.04.2020. URL.: <https://www.dezeen.com/2020/04/03/shift-architecture-urbanism-designs-social-distancing-into-the-food-market/>. Accessed: 31.10.2020.
- [9] Frolova N. Park dlja sobljudenija distancii [A Park to Keep the Distance]. *Archi.ru*. 17.04.2020. URL: <https://archi.ru/world/86051/park-dlya-soblyudeniya-distancii>. Accessed: 31.10.2020 (In Russ.).
- [10] Eltarabily S., Elghezanwy D. Post-Pandemic Cities – The Impact of COVID-19 on Cities and Urban Design. *Architecture Research*. 2020; 10(3): 75–84. DOI: <http://article.sapub.org/10.5923.j.arch.20201003.02.html#Sec3.1>
- [11] Cortright J. Is COVID-19 the End of Cities? *City Observatory*. 21.04.2020. URL: <https://www.strongtowns.org/journal/2020/4/21/is-covid-19-the-end-of-cities>. Accessed: 31.10.2020.
- [12] Duarte Pinheiro M., Cardoso L.N. COVID-19 Could Leverage a Sustainable Built Environment. *Sustainability*. 2020; 12. DOI: <https://doi.org/10.3390/su12145863>
- [13] What Is the Future for Smart Cities after Covid-19? *Oxford Business Group*. 16.06.2020. URL: <https://oxfordbusinessgroup.com/news/what-future-smart-cities-after-covid-19>. Accessed: 31.10.2020
- [14] Ghaid A. Future of Sustainable Architecture: Rethinking COVID-19 a Pandemic or Turning Point? DOI: 10.13140/RG.2.2.33693.74722
- [15] Knowledge the Better Cities. *ISOCARP*. 20.02.2020. URL: <https://isocarp.org/post-covid-19-urbanism/>. Accessed: 31.10.2020

Информация об авторе:

Гукасян Гурген Леонович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0001-5930-6870) (e-mail: gukasyan_gl@pfur.ru).

Information about the author:

Gurgen L. Gukasyan – PhD in Economics, Senior Research Fellow, The Institute of Oriental Studies; Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-5930-6870) (e-mail: gukasyan_gl@pfur.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-20-36

Research article / Научная статья

Collaborative Governance for Poverty Alleviation: A Systematic Mapping Study

M.A. Muslim, E. Prasajo, L.M. Jannah

University of Indonesia,
Jl. Salemba Raya No. 4, RW. 5, Jakarta, Indonesia, 10430

Abstract. The study of poverty reduction is very relevant in the 21st century. The rapid development of technology has proven to improve various quality of life but has not been able to solve the problem of poverty in a total scale. On the other hand, the development of public administration science, especially regarding collaborative governance, provides hope for poverty reduction through the active role of various parties. Many experts explain that poverty is a complex problem. Poverty reduction efforts must be carried out in a holistic and participatory manner. Furthermore, there needs to be an active contribution from various parties, namely the government, the private sector and the community. This requires researchers to conduct further studies on how Collaborative Governance can be an alternative solution to solving the problem of poverty. This study aims to delineate the development of Collaborative Governance studies through the Systematic Mapping Study and associate it to the poverty alleviation to obtain the current research position. The study shows that research on Collaborative Governance for Poverty Reduction is included in Social Issues in Community concentration and it has the lowest percentage. The most widely used method in the research concentrated on Collaborative Governance is qualitative, and the publication trend shows a very significant development, especially in 2014-2018. Therefore, research on collaborative governance for poverty alleviation is still very limited and the opportunity to produce variety of renewals is very large.

Keywords: collaborative governance, poverty alleviation, systematic mapping study

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 19.10.2020. The article was accepted on 15.11.2020.

For citation:

Muslim M.A., Prasajo E., Jannah L.M. Collaborative Governance for Poverty Alleviation: A Systematic Mapping Study. *RUDN Journal of Public Administration*. 2021; 8(1): 20–36. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-20-36

© Muslim M., Prasajo E., Jannah L., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Совместное управление для борьбы с бедностью: системное картирование

М.А. Муслим, Э. Прасойо, Л.М. Джанна

Университет Индонезии,
10430, Индонезия, Джакарта, Салемба Райя № 4, Jl, RW.5

Аннотация. Изучение сокращения бедности очень актуально в XXI веке. Доказано, что быстрое развитие технологий улучшает различные аспекты качества жизни, но не может в полном объеме решить проблему бедности. С другой стороны, развитие науки о государственном управлении, особенно в том, что касается совместного управления, дает надежду на сокращение бедности благодаря активной роли различных действующих сторон. Многие исследователи и эксперты указывают на комплексный характер проблемы бедности. Усилия по сокращению бедности должны осуществляться комплексно и на основе широкого участия. Более того, необходимо активное участие различных сторон, а именно правительства, частного сектора и общества. Это требует от исследователей проведения дальнейших исследований того, как совместное управление может выступать в качестве альтернативного решения проблемы бедности. Представленное исследование очерчивает развитие исследований по совместному управлению с помощью метода системного картирования и связывает его с сокращением бедности для определения текущей исследовательской позиции. Проведенное исследование показывает, что изучение совместного управления для сокращения бедности не вызывает большого интереса у современных ученых. При анализе совместного управления наиболее широко используются качественные методы, на развитие которых указывает тенденция публикаций в рамках данной темы в изданиях, индексируемых в международных базах данных, особенно в 2014–2018 годах. Таким образом, авторы приходят к выводу о том, что исследований в области совместного управления в целях сокращения масштабов нищеты все еще недостаточно, а возможность разработки инновационных подходов и технологий в этом направлении, напротив, очень велика.

Ключевые слова: совместное управление, борьба с бедностью, системное картирование

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 19.10.2020. Статья принята к публикации: 15.11.2020

Для цитирования:

Муслим М.А., Прасойо Э., Джанна Л.М. Совместное управление для борьбы с бедностью: системное картирование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1. С. 20–36. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-20-36

Introduction

The global problem encountered by all countries in the world is poverty, and there have been many attempts made by each country to resolve it. However, still almost half of the world's population lives in poverty [1; 2]. The poverty issue is complex and multidimensional [2; 3; 4]. To handle it requires a multidimensional, integrated, and sustainable approach. Poverty by the World Bank [5] is defined as a deprivation in welfare, while Amartya Sen [6] explains that poverty can occur due to capability deprivation; the freedom to achieve something in one's life.

Close attention to the poverty issue is shown through a historical declaration called the Millennium Development Goals (MDGs) by the United Nations (UN). This declaration was the result of a meeting by the United Nations (UN) in New York in September 2000, called the Millennium Summit. Subsequent to the end of MDGs implementation in 2015, an advanced international agenda called the *Sustainable Development Goals* (SDGs) emerged. Inherently, all of the goals of the SDGs are the continuation of the MDGs, this can be seen from the relationship between the two, for instance the issue of poverty alleviation that still occupies the first priority [7].

Various programs initiated by the United Nations, both inscribed in the MDGs and SDGs, have more or less shown results. The World Bank as one of the special institutions under the United Nations made a report stating that the world poverty rate decreased by 10% from 804.2 million in 2016, to 735.9 million in 2018 [8]. Corresponding with the report, World Bank President Jim Yong Kim at the IMF Annual Plenary Meeting – World Bank Group 2018 in Bali acknowledged that the progress of poverty reduction at the global level was still relatively slow, hence according to him, it needed to be pushed so that the poverty rate could be further reduced through the three points that become the strategic keys. These three points are encouraging inclusive and sustainable economic growth through private sector investment, taking immediate actions to climate change, and investing more in human resources.

In the practice of handling various poverty issues, it will be influenced by the dynamics that occur in governance more or less. The large numbers of policies and programs prepared, and the involvement of many institutions are meaningless when they are not equipped with good governance [9]. Cooperation involving many parties that aims the same goals can be understood as a collaboration, as explained by Mattessich *et al* [10] that a collaboration is an attempt to unite several organizations, that has not previously known each other, merged into a new structure with a commitment to cooperate in an attempt to achieve similar goals.

Collaborative Governance has been implemented to deal with various complex issues such as handling the environment, security, corruption and various other problems, as revealed by Donahue [11] that when the government has a task that depends on the capacity of external parties, one of the methods used is by doing collaboration, involving actors according to the required capacity. The distinguishing factors are on the focus of the problem, the structure, the process, the objectives and the impact [12]. The differences remained in conducting studies on collaborative governance practices have become the attraction for conducting further studies on different issues.

However, there are still very few studies on collaborative governance that deal with poverty. Thus, we need a systematic study to find out the development of the concept of *Collaborative Governance*, especially in relation to the topic of poverty. Even though the two concepts are related to each other [4]. *Collaborative Governance* is believed by the experts as the solution to chronic social issues that were previously difficult to solve through various pragmatic attempts. Therefore, this study uses the concept of *Collaborative Governance* and the concept of Poverty to see the dynamics of the development of *Collaborative Governance*

studies and its relation to the concept of poverty that is interesting to be studied, and to study further about its implementation as a new trend and phenomenon.

In this mapping study, five sources are used as references. The five sources are Scopus, Oxford Academic, ProQuest, Sage, JSTOR. These sources were chosen as the ground theory to look at the problem of Collaborative Governance in answering the issue of poverty holistically. Furthermore, this article is solely used to answer these following three research questions:

1. What is the focus of collaborative governance research?
2. What are the method and the research type of the mapping that have been completed?
3. What is the publication trend on collaborative governance research from 2013 to 2019?

The concept used in this study is Collaborative Governance, and the concept of poverty. The two concepts are interrelated. Collaborative Governance is trusted by experts as a solution to chronic social problems that were previously difficult to solve through various pragmatic efforts. One of these problems is poverty.

Collaborative Governance

The first concept to be explained is Collaborative Governance. The understanding of the concept of Collaborative Governance can be viewed from several aspects. Firstly, from the etymology side. Collaborative Governance consists of two entities, namely the “Collaborative” entity and the “Governance” entity. “Governance” as the main pillar with its complement called “Collaborative”. The United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific notes “Governance” as a process of making decisions by which the decision is implemented. Emerson, Tina and Stephen [12] noted “Governance” as an activity “to govern” or govern / rule / manage. “Collaborative” in the context of public administration is a condition when every stakeholder cooperates with the government to develop a public policy to solve public problems [13]. The two entities then merged into the concept of “Collaborative Governance” described by Purdy [13] as: “a process that seeks to share power in decision making with stakeholders in order to develop shared recommendations for effective, lasting solutions to public problems”.

The concept of Collaborative Governance is seen by Purdy [13] as a collaborative process of power from several stakeholders to develop effective and sustainable solutions. Emerson, Tina and Stephen [12] define Collaborative Governance as: *“the processes and structures of public policy decision making and management that engage people contractively across the boundaries of public agencies, levels of government, and/or the public, private and civic spheres in order to carry out a public purpose that could not otherwise be accomplished”*.

The points that can be drawn from the definition by Emerson, Tina and Stephen [12] are that Collaborative Governance is a process that occurs across borders (across the boundaries); involving several executors from various sectors and strive to achieve a vision that cannot be achieved without collaboration between them. Cross-border means that the activities of achieving mission and the preparation of solutions are not only done in a fragmented manner separated by

lines of separation of authority. The problems faced by public are not faced by individuals but instead together as a group. These cross-border points are related to the next point, namely the actors involved in Collaborative Governance. Emerson, Tina and Stephen [12] explained that there are three parties involved, namely public sector and government, private sector and civic spheres. Authority, power, and resources are merged in collaboration to achieve solution. This is what is meant by the third point in the definition of Collaborative Governance by Emerson, Tina and Stephen [12] that there is a goal that can only be achieved when there is performance collaboration between actors / authorities / stakeholders. Therefore, etymologically, Collaborative Governance is a decision-making process that involves the stakeholders from the public sector, the private sector, the non-private sector, and the community to solve public problems.

McDougall [14] asserted that the parties or the sectors project have three distinct characteristics, which are: 1) consciously and explicitly base decision making in social learning and critical reflection, 2) emphasize inclusion and equity in governance and 3) strive for balanced and strategic relations with other actors or groups, including seeking to effectively manage conflict.

Emerson and Nabatchi [12] explained further about Collaborative Governance through illustrations of interrelated component boxes. The components in the Collaborative Governance framework are three main boxes. The outer box is called the system context, the box in the middle is the Collaborative Governance regime, and the inner box or core box is the dynamics of collaboration. System context is an environment where public problems occur or can be understood as the context in which the collaboration process is carried out. The context of this system includes social conditions that occur at a particular place and time. These conditions include political aspects, applicable regulations or legalities, socioeconomic conditions of the community, geographical conditions, and other environmental factors. The context of this system gives influences in two forms, which are opportunities and constraint. The two forms of influence directly affect two boxes within the Collaborative Governance framework, namely the collaboration regime and the dynamics of collaboration. The two influences metamorphose into the drivers that provide input and determine the direction of the dynamic process of collaboration that occurs. Drivers that appear can be public problems or shared problems, uncertainty, interdependence, and so on.

The second box is the Collaborative Governance regime. Drivers that emerge from the outermost box (context) are then adapted by the existing regime to be further processed in the box of collaboration dynamics. The regime referred to is “*sets of implicit and explicit principles, rules, norms, and decision-making procedures around which actors*” [12]. The principles, rules, norms and procedures adopted by a particular regime in a particular region at certain times directly influence the process of collaboration dynamics that occurs in the next box in the Collaborative Governance framework.

The third box or core box of the Collaborative Governance framework is a box of collaboration dynamics. There are three components that interact with each other in this dynamic box, namely principled engagement, shared motivation, and

capacity for joint action. The first component is the principle relationship, which is a basis that becomes the foundation of the binding collaboration between the actors involved. This component consists of several things, namely discovery, definition, deliberation and determination. Discovery is when the actors find a problem. Definition is a defining process of a problem that is found. Deliberation is an in-depth discussion between actors to consider collaborative activities. Determination is the intention / determination between actors to be involved in a collaborative problem solving. The second component is collective motivation which is held firmly with commitment. The things covered in this second component are mutual trust, mutual understanding, internal legitimacy, and shared commitment. Illustration of the form of a Collaborative Governance framework can be seen in Figure 1. below.

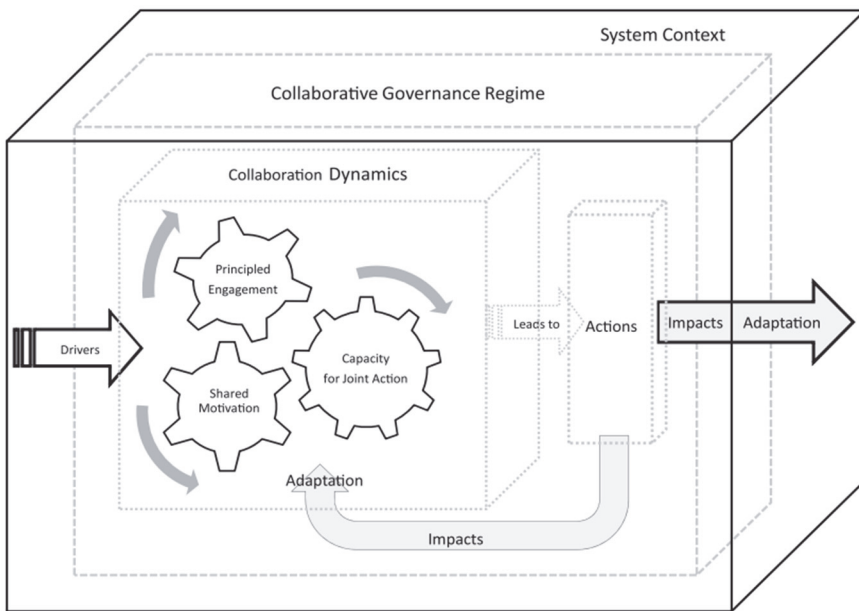

Fig. 1. Collaborative Governance sebagai Kerangka Kerja

Source: Emerson and Nabatchi [12].

Ansell and Gash [15] have previously developed a Collaborative Governance model. The visible characteristics also dwell on a process from input to output. The input component described by Ansell and Gash [15] is called the “Starting Conditions”. This initial condition is formed from two main factors, namely the existence of asymmetry of power, resources, and knowledge; and the history of cooperation and also conflicts that have occurred. Ansell and Gash [15] refer to the factors as “Incentives for and Constraints on Participation”. This condition is a bargaining power that encourages or inhibits the intention between actors to initiate collaboration. The existing input components become influences or materials which then enter into the process component. The process component is called “Collaborative Process” and it consists of five stages. First, the stage of interface dialogue or direct dialogue between collaborating actors. Second, developing trust between actors. Third, the stage of implementing commitment to the collaborative process consists of three things, namely the awareness of mutual

dependence between actors, the sense of belonging of the process (shared ownership of process), and mutual openness. Fourth, the stages of achieving mutual understanding. The fourth stage consists of three things, namely the existence of a clear mission, the existence of a clear problem definition, and the existence of mutually agreed values. Fifth, short-term output stages of production. Long-term products from “Collaborative Process” are long-term output or outcomes. “Collaboration Process” is influenced by the institutional design of the actors involved. The point that distinguishes the opinion of Ansell and Gash [15] with Emerson [12] is the “Facilitative Leadership” component that influences, empowers, and develops the process stage of the “Collaboration Process”. The description of the Collaborative Governance model by Ansell and Gash [15] is illustrated in Figure 2.

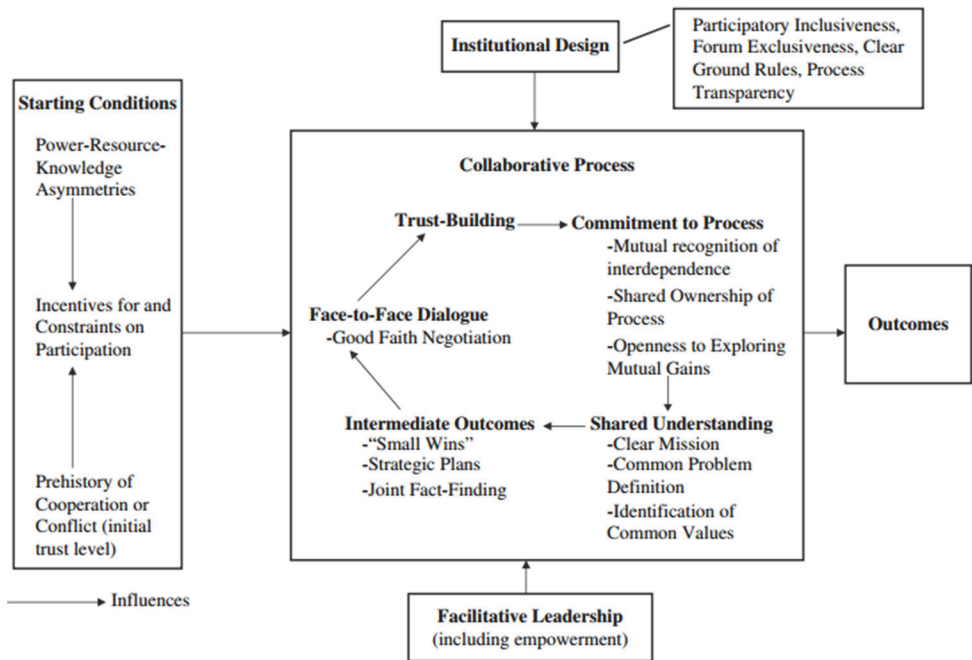

Fig. 2. Model of Collaborative Governance According to Ansell and Gash
 Source: Ansell and Gash [15].

Poverty

The next concept in this research is the concept of poverty. The definition of poverty has different meanings depending on the culture and level of economic development of a region [16]. The definition of poverty is a minimum standard of quality of life. The context of minimum here is the lack of meeting an individual’s needs compared to the standard of needs that are common in the area or in the community where the person is living. The impact of the lack of quality of life for individuals who experience it is health disorder, morals, and feelings towards the level of self-esteem that is branded as poor [17]. Furthermore, Suparlan [17] defines poverty as a state of shortage of valuable assets and objects suffered by a person or group of people living in a poor environment, so that various fulfillment of needs as human beings becomes completely limited or inadequate. In line with

the previous view, Gilarso [18] states that poverty is a condition where the population cannot fulfill basic needs because there is no income to obtain them. Chamsyah [19] explains: “*Poverty is a concern with absolute standards of living of the poor in the equality of standards across the whole society*”. To put it simply, the World Bank in the year 2000 sees poverty as a deficiency, which is often measured by the level of welfare.

Marianti and Munawar [20] argue that poverty is a multidimensional phenomenon, defined, and measured in many ways. In many cases, poverty has been measured by welfare terminology related to the economy, such as income and consumption. A person is said to be poor if he what makes is below the minimum level of welfare that has been agreed upon. It is true that poverty is a problem arises from low income, but it is not the only source of poverty, which is a complex problem. By incorporating more comprehensive considerations such as health and education, the United Nations defines poverty as a condition where individuals have no choice and opportunity to develop their life capabilities. In other words, poverty is a pronounced deprivation in well-being condition or a continuous decline in quality of life [21].

Tostensen and Kessy [22] explain that poverty has three dimensions, which are deprivation where the condition of poverty can indicate that someone is deprived of basic needs such as food, shelter, education, or health. Second, vulnerability where the poor are vulnerable to the ever-changing situations, such as economic fluctuations, natural disasters, or war. Third, powerlessness is a condition characterized by a lack of skills, so that the person is struggling be get out of the poverty line.

Normatively, poverty can be divided into two categories [19]. First is absolute poverty that is if the level of income is lower than the defined poverty line, or in other words the amount of income is insufficient to meet the minimum living needs reflected in the absolute poverty line. The lowest income level or commonly known as the minimum wage is the dividing point between two conditions, namely poor conditions and non-poor conditions. This point is also known as the poverty line [23]. Second, relative poverty is a state of comparison between income groups in society, namely groups that may not be poor because they have higher income than the poverty line, and relatively richer community groups. The point is when an individual is above the poverty line but when compared to the general ability of the community where the individual lives is still lower, it can be said that the individual can still be categorized as poor [23]. Another view explains poverty can be divided into three categories [24]. First, natural poverty is poverty caused by natural causes. For example, geographical conditions that do not support basic fulfillment or slow technological development. Second, structural poverty, namely poverty caused by the inability of a group or community to form an institution capable of mastering production factors or economic facilities. Third is cultural poverty, namely poverty related to tradition or the mentality of a lazy population. Another category of poverty is the level of vulnerability of poverty, where poverty is divided into chronic poverty or structural poverty and temporary poverty [25]. Structural poverty or also called chronic poverty generally takes place in a sustainable manner. Temporary poverty usually takes place in a shorter period of time and is caused by sudden economic

changes or an economic crisis [19]. Third is cultural poverty, namely poverty related to tradition or the mentality of a lazy population. Another category of poverty is the level of vulnerability of poverty, where poverty is divided into chronic poverty or structural poverty and temporary poverty [25]. Structural poverty or also called chronic poverty generally takes place in a sustainable manner. Temporary poverty usually takes place in a shorter period of time and is caused by sudden economic changes or an economic crisis [19].

Research Method

Understanding the research position (State of the Art) is important in conducting a study. Based on this, researchers can find out whether the research carried out really has novelty or something new in its findings. Thus, in order to find a research position on the topic of Leadership in Collaborative Governance for Poverty Reduction, researchers conducted a Systematic Mapping Study. Researchers use electronic databases to find articles that discuss Collaborative Governance (CG).

The tools of analysis used in this study are the Systematic Mapping Study. According to Kitchenham [26] the Systematic Mapping Study (SMS) is a secondary study rooted in Study Literature Review (SLR), which was initially introduced to medical research. The implementation of SLR is to identify, evaluate, and interpret all available and relevant literature related to research questions or domains of interest [26, 27]. Kitchenham [28] states that the main reasons for conducting SLR are: first, summarize the available evidence on the topic; second, to identify gaps in current research and provide suggestions for future investigations; and third, to provide a background for positioning new research activities.

Research Questions

The research question in this paper is to concentrate on categorizing research with the topic of Collaborative Governance and the position of poverty research as one of the focuses in Collaborative Governance research. Below is Table 1 that shows the overall research questions:

Table 1

Research Questions and Descriptions

Questions	Descriptions
How is the spread of research focus on the topic of Collaborative Governance? What is the position of research on poverty as one of the focuses of Collaborative Governance?	The result provides a general description of the distribution of the focus of Collaborative Governance research. In addition to that, the results also show how the position of poverty research is one of the focuses in Collaborative Governance research.
What are the methods and types of research from mapping that have been done?	Investigation of methods and types of research. The results of the investigation can show the research gap from previous research.
What is the trend of the publication of Collaborative Governance research from time to time (2013 to 2019)?	This question shows trends from the publication of Collaborative Governance research from time to time (2013 to 2019)

Source: Modified by the researcher according to Banaeianjahroni & Smolander [29].

Steps of Findings

The SMS study in this research adopted an investigation process from Petersen et al. [27]. In this SMS process, every step that is taken has results and systematic maps. In Figure 3, the researcher illustrates the complete SMS process used in research, referring to research conducted and according to instructions by Kitchenham [28] and Petersen et al [27].

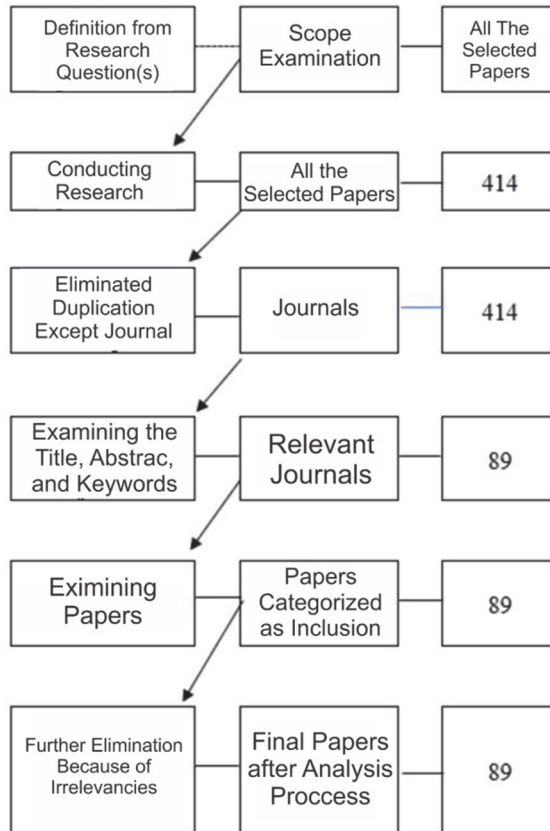

Fig. 3. SMS Inclusion Process

Source: [28; 27].

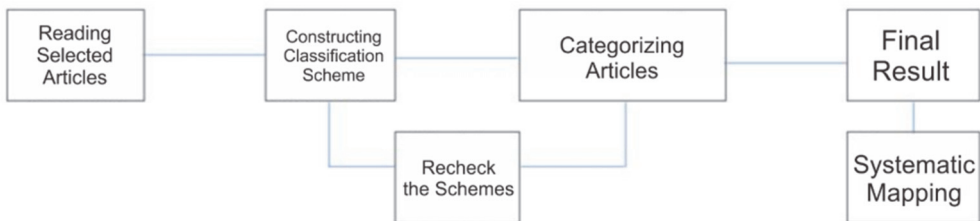

Fig. 4. Classification Process

Source: [27].

Source of Data

Researchers conduct searches online on electronic databases with the following description:

Table 2

The Result of Journals from Electronic Database

Source Name	All CG Journals	Journals	Relevant Journals
Scopus	331	331	37
Oxford Academic	14	14	11
ProQuest	29	29	18
Sage	20	20	12
JSTOR	20	20	11
Total	414	414	89

In the research of the Systemic Mapping Study, the researcher collected 89 articles, which were then analyzed to find the focus of the research, the scope of the research and the trends of publication from year to year.

Classification Scheme

In this study, the researcher developed a classification scheme. This scheme later became the basis for conducting analysis and classification of articles from Petersen et al. (2008) as shown in Figure 4. The table provided below (table 3) describes the process of article classification.

Table 3

Classification Categories

Research Type	Explanation
Validation Research	New investigation methods and have not been applied in practice. (experiment / observation)
Evaluation Research	The investigation method is implemented in practice and is presented in the evaluation method
Solution Proposal	The solution to the problem is proposed, the proposed solution can be a new or applicable approach and the existing approach.
Philosophical Paper	This research introduces a new perspective on something that exists using taxonomy or conceptual framework.
Experience Paper	This research is based on the author's personal experience of what and how something has been done in practice.
Methods	Explanation
Qualitative Method	Qualitative methods are presented Rapid Assessment Process, journals and language analysis.
Quantitative Method	Quantitative methods are presented with sample designs, hypotheses and tests, all of which are statistical formulations.

Source: [30; 27]

Result and Discussion

Focus Spread on Collaborative Governance. This section describes the focus of research. The researcher classified 89 articles in the research topic area with categories: Water Management, Health, Community Social Problems (Poverty, food security etc.), Regional Planning and Development, Collaborative Governance Actors, Collaborative Governance Dynamics, and Ecological or Natural Resources problems.

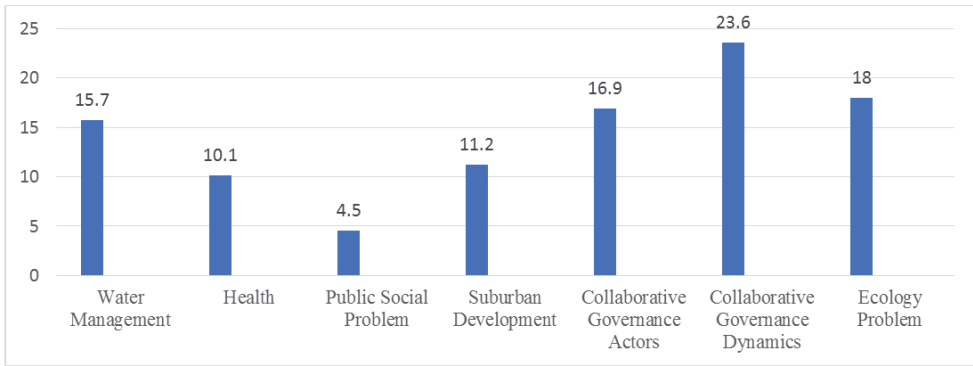

Fig. 5. The Percentage of Research Focuses
 Source: The Result of Systematic Mapping Study, 2019.

Figure 5 is an illustration of the distribution rate of research focus on the topic of Collaborative Governance. The most studied research focus is Collaborative Governance Dynamics as many as 21 (23.6%) articles, Ecology or Natural Resources Problems as many as 16 (18%) articles, Collaborative Governance Actors as many as 15 (16.9%), Water Management as many as 14 (15.7%) articles, Regional Planning and Development as many as 10 (11.2%) articles, Health as many as 9 (10.1%) articles, and finally Community Social Problems as many as 4 (4.5%) articles. Further elaboration in the form of a table of research focus can be seen in Table 4 below.

Table 4

The Spread of Research Focus

Research Focus	Amount	Percentage
Water Management	14	15,7
Health	9	10,1
Social Issue of the Public	4	4,5
Regional Development	10	11,2
CG actor	15	16,9
CG dynamics	21	23,6
Ecology/Natural Resources Issue	16	18
Total	89	100

If one were to see the existing classification scheme, it can be understood that the position of research on poverty in the topic of Collaborative Governance is included in the focus of research on the public’s social issues. Based on search results, the focus on it has the lowest percentage of only 4.5%.

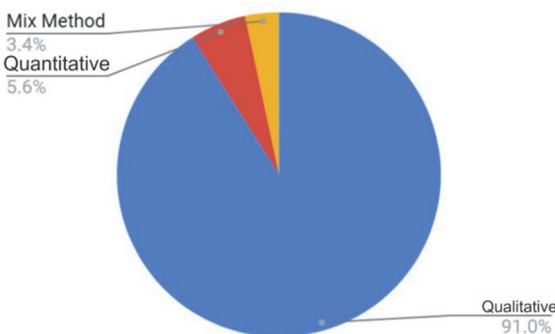

Fig. 6. The Spread of Research Based on Research Method
 Source: The Result of Systematic Mapping Study, 2019.

Based on data from the Systematic Mapping Study, it was revealed that the majority of research on Collaborative Governance was carried out using qualitative methods, shown in Figure 6. The number of studies using qualitative methods reached 81 studies or 91% of the total research mapped. The other two methods, namely quantitative methods and mixed methods occupy a small portion. A total of 5 researches or 5.6% were carried out using quantitative methods and a total of 3 studies or 3.4% were carried out by the mixed method.

Further discussion was carried out by mapping the types of research from mapped researches. There are five types of research from Collaborative Governance research, namely 1) Validation Research; 2) Evaluation Research; 3) Proposal Solution; 4) Philosophical Paper; 5) Experience Paper. Figure 7 below illustrates the distribution of research mapped based on the type of research.

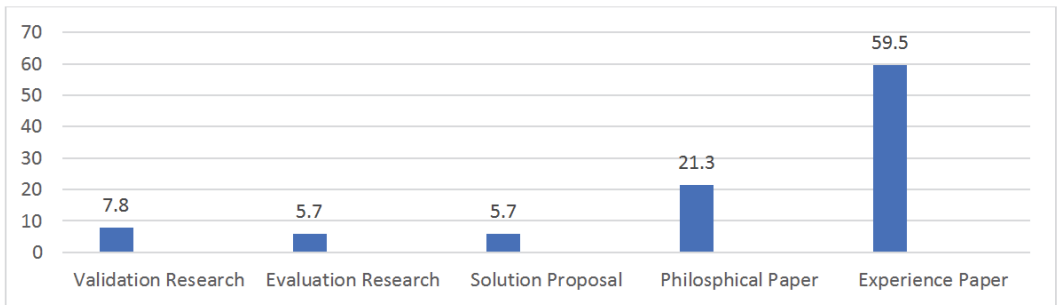

Fig. 7. The Spread of Research Method

Source: The Result of Systematic Mapping Study, 2019.

The research type that is most often done is Experience Paper, which is as much as 59.5% or 53 studies. The second largest type of research on the research mapped was Philosophical Paper which was 21.3% of the total research or as many as 19 studies. Three other types of research occupy a small portion of merely 5.7% or 5 studies for the type of research Evaluation Research and Solution Proposal, while Validation Research only amounted to 7 studies or 7.8% of the total mapped.

The description of further mapping is done by a combination of research type mapping and research methods. The Systematic Mapping Study revealed that:

1) Collaborative Governance Research that uses qualitative research methods with the type of Experience Paper research is the most widely conducted research (50 research).

2) The second most widely carried out research is research with the Philosophical Paper type of research using Qualitative research methods (18 research).

3) Furthermore, the type of Evaluation Research and Solution Proposal research using qualitative methods each amounted to (5 research).

4) On the other hand, Validation Research that uses quantitative research methods and Validation Research that uses qualitative research methods each amounted to (3 research).

5) Next is research with the type of Experience Paper research that uses mixed methods with a total of (2 research).

6) The amount of research that only amounts to (1 research) is Philosophical paper type research with quantitative methods, Experience Paper with quantitative methods, and Validation Research with mixed methods.

7) Research that has never been done is Evaluation Research with quantitative method, Solution Proposal with quantitative method, Evaluation Research with mixed method Evaluation Research, Solution Proposal with mixed method, and mixed method Philosophical Paper.

Figure 8 and Table 5 below illustrate the distribution of research maps seen through the type of research and research methods.

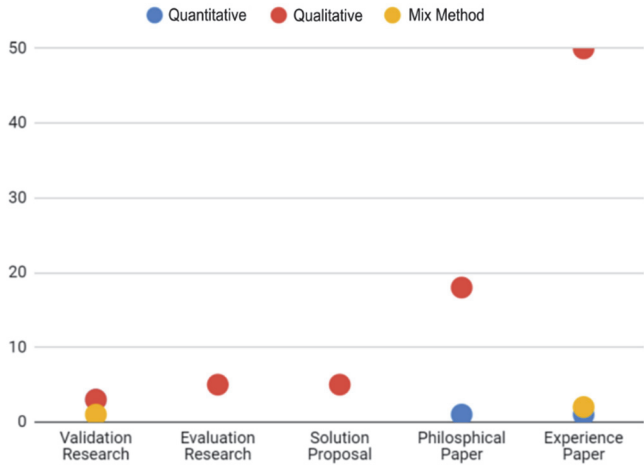

Fig. 8. The Spread of Method Types dan Research Methods
 Source: The Result of Systematic Mapping Study, 2019.

Table 5

Method Spread and Research Type

Research Type	Quantitative	Qualitative	Mix Method
Validation Research	3	3	1
Evaluation Research	-	5	-
Solution Proposal	-	5	-
Philosophical Paper	1	18	-
Experience Paper	1	50	2

Source: The Result of Systematic Mapping Study, 2019.

Publication Trends of Collaborative Governance (2013-2019)

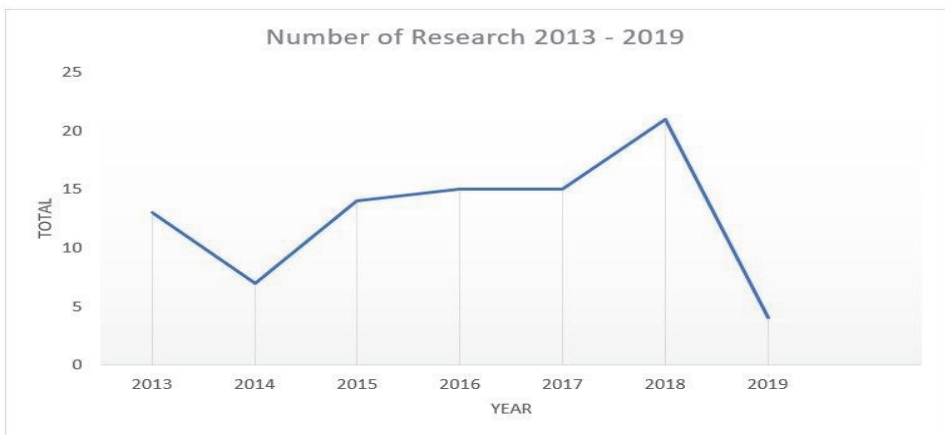

Fig. 9. The Spread of Research Focus
 Source: The Result of Systematic Mapping Study, 2019.

Figure 9 illustrates the research trends published in electronic media: Scopus, Oxford Academic, ProQuest, SAGE Publisher, and Jstor in 2013 to 2019. Based on the search, the publication of Collaborative Governance research decreased from 2013 to 2014 and shows an upward trend from 2014 to 2018. Meanwhile, the publication in 2019 still cannot be concluded since it is still ongoing. Based on these graphs, we can see the highest publication was in 2018, which were 21 publications. Further explanation can be seen in table 6 below.

Table 6

Publication Trend	
Year	Research Amount
2013	13
2014	7
2015	14
2016	15
2017	15
2018	21
2019	4
Total	89

Conclusion

Based on the results of the discussion above, here are some points that can be drawn: 1) The most studied ‘research focus’ is the *Collaborative Governance Dynamics* (23.6%) and the least studied ‘research focus’ is the Social Issues of the Community (4.5%). The research theme entitled *Collaborative Governance for Poverty Alleviation* is included in the research focus of Social Issues in the Community. The research focus of Social Issues in the Community in the study has the lowest percentage with 4.5%. 2) The widely used method is the qualitative method with 91% and the least used method is the mixed method with 3.4%. Whilst the type of research that is widely used is the *Experience Paper* with 59.5% and the least is the *Evaluation Research* and *Solution Proposal* with 5.7%; 3) Publication trend shows that the number of publications on *Collaborative Governance* keep increasing from year to year, with the highest number of researches in 2018.

Future Research

Collaborative Governance Research with a focus on Social Issues in the Community still shows a research *gap*. Hence the research on Collaborative Governance for Poverty alleviation has the *novelty* and deserves to be submitted as a study. Meanwhile, research that has never been conducted is the research with *Evaluation Research* type with quantitative method, *Solution Proposal* with quantitative method, and *Philosophical Paper* with mixed method, thus can be used the method in the future research.

REFERENCES

- [1] Martin K.D., Hill R.P. Life Satisfaction, Self-Determination, and Consumption Adequacy at the Bottom of the Pyramid. *Journal of Consumer Research*. 2012; 38(6): 1155–68.

- [2] Blocker C.P. Understanding Poverty and Promoting Poverty Alleviation through Transformative Consumer Research. *Journal of Business Research*. 2013; 66: 1195–1202.
- [3] World Development Report 2009: Agriculture for Development. *World Bank*. Washington: World Bank; 2008.
- [4] Lantika A. Collaboration as a Strategy for Poverty Alleviation. *International Journal of Social Sciences and Humanities*. 2017; 1(3): 40–48.
- [5] World Development Report 2005: A Better Investment Climate for Everyone. *World Bank*. Washington: World Bank; 2005.
- [6] Sen A. *Development as Freedom*. Oxford University Press; 1999.
- [7] Florini A., Pauli M. Collaborative Governance for the Sustainable Development Goals. *Asia Pac Policy Stud*. 2018; 5: 583–598.
- [8] World Development Report 2018: Education. *World Bank*. Washington: World Bank; 2018.
- [9] Booher D.E. Collaborative Governance Practices and Democracy. *National Civic Review*. 2005; 93(4): 32–46
- [10] Mattessich P.W., Murray-Close M., Monsey B.R. *Collaboration: What Makes It Work*. 2nd ed. St. Paul, MN: Amherst H. Wilder Foundation; 2001.
- [11] Donahue J. On Collaborative Governance. *Corporate Social Responsibility Initiative. Working Paper No. 2*. Harvard University; 2004.
- [12] Emerson K., Nabatchi T., Balogh S. An Integrative Framework for Collaborative Governance. *Journal of Administration Research and Theory*. 2012; 1(22): 1–29.
- [13] Purdy J.M. A Framework for Assessing Power in Collaborative Governance Processes. *Public Administrative Review*. 2012; 72(3): 409–417.
- [14] McDougall C. Engaging Women and The Poor: Adaptive Collaborative Governance of Community Forests in Nepal. *Agriculture and Human Values*. 2013; 30: 569–585.
- [15] Ansell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice. *Journal of Public Administration Research and Theory (JPART)*. 2007; 18: 543–571.
- [16] Gupta S.P. *Structural Dimensions of Poverty in India*. Delhi: Mittal Publications; 1987.
- [17] Suparlan P. *Kemiskinan di Perkotaan*. Jakarta: Sinar Harapan dan Yayasan Obor Indonesia; 1984 (In Indon.).
- [18] Gilarso *Pengantar Ilmu Ekonomi Makro*. Yogyakarta: Kanisius; 2004 (In Indon.).
- [19] Chamsyah B. *Teologi Penanggulangan Kemiskinan*. Jakarta: PT Gramedia; 2006 (In Indon.).
- [20] Marianti R., Wawan M. *Moving Out of Poverty: The Case of Desa Branta Pesisir, Kabupaten Pamekasan*. Smeru Research Institute; 2006 (In Indon.).
- [21] Stamboel K.A. *Panggilan Keberpihakan Strategi Mengakhiri Kemiskinan di Indonesia*. Jakarta: PT Gramedia; 2012 (In Indon.).
- [22] Kessy F.L., Arne T. *Out of Poverty: Comparative Poverty Reduction Strategies in Eastern and Southern Africa*. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers Ltd; 2008.
- [23] Esmara H. *Perencanaan dan Pembangunan di Indonesia*. Jakarta: Gramedia; 1986 (In Indon.).
- [24] Chalid M. *Pelaporan Zakat Pengurang Pajak Penghasilan*. Jakarta: Raja Grafindo; 2006 (In Indon.).
- [25] Sumodiningrat G. *Mewujudkan Kesejahteraan Bangsa: Menanggulangi Kemiskinan dengan Prinsip Pemberdayaan Masyarakat*. Jakarta: Penerbit Buku Kompas; 2009 (In Indon.).
- [26] Kitchenham B., Charters S. Guidelines for Performing Systematic Literature Reviews in Software Engineering. *Technical Report EBSE-2007-01*. Keele University; 2007.
- [27] Petersen K. et al. Systematic Mapping Studies in software engineering. *12th International Conference on Evaluation and Assessment in Software Engineering*. 2008; 17: 68–77.
- [28] Kitchenham B.A., Dyba T., Jorgensen M. Evidence-based Software Engineering. *Software Engineering, 2004. ICSE 2004. Proceedings. 26th International Conference*. 2004: 273–281.
- [29] Banaeianjahromi N., Kähkönen T., Alanne A., Smolander K. Integration Obstacles during ERP Development. *2016 49th Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS)*. 2016: 4697–4706.

- [30] Musianto L. Perbedaan pendekatan kuantitatif dan pendekatan kualitatif dalam metode penelitian. *Jurnal Manajemen & Kewirausahaan*. 2002; 4(2). DOI: <https://doi.org/10.9744/jmk.4.2.pp.%20123-136> (In Indon.).

Information about the authors:

Muh Azis Muslim – M.Sc., Doctoral Student and Lecturer of Faculty of Administrative Science, University of Indonesia (Indonesia) (ORCID ID: 0000-0001-8768-9100) (e-mail: muhazismuslim01@gmail.com).

Eko Prasajo – D.Sc., Professor and Dean of the Faculty of Administrative Science, University of Indonesia (Indonesia) (ORCID ID: 0000-0002-3904-0814) (e-mail: prasojo1@ui.ac.id).

Lina M. Jannah – D.Sc., Head of Academic Quality Assurance and Lecturer of the Faculty of Administrative Science, University of Indonesia (Indonesia) (ORCID ID: 0000-0002-0827-0369) (e-mail: miftahul@ui.ac.id).

Информация об авторах:

Мух Азис Муслим – магистр, докторант и преподаватель факультета административных наук Индонезийского университета (Индонезия) (ORCID ID: 0000-0001-8768-9100) (e-mail: muhazismuslim01@gmail.com).

Эко Прасойо – доктор наук, профессор и декан факультета административных наук Индонезийского университета (Индонезия) (ORCID ID: 0000-0002-3904-0814) (e-mail: prasojo1@ui.ac.id).

Лина М. Джанна – доктор наук, руководитель отдела обеспечения качества обучения и преподаватель факультета административных наук Индонезийского университета (Индонезия) (ORCID ID: 0000-0002-0827-0369) (e-mail: miftahul@ui.ac.id).

DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-37-51

Научная статья / Research article

Карьерные стратегии в контексте лично-профессионального развития резерва управленческих кадров

Л.Н. Татарина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
119571, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, д. 82

Е.В. Масленникова

Государственный университет управления,
109542, Российская Федерация, Москва, Рязанский пр., 99
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
119571, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, д. 82

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы лично-профессионального развития резерва управленческих кадров. Авторами акцентируется внимание на проблемах кадрового обеспечения системы государственного управления, в первую очередь государственной гражданской службы, и подчеркивается, что одним из ключевых вопросов, непосредственно влияющих на качество государственного управления и результативности государственной гражданской службы, является лично-профессиональное развитие управленческих кадров, эффективное руководство. На основе анализа результатов социологических исследований и статистических данных определяются ключевые проблемные зоны в кадровом обеспечении и реализации кадровой политики на государственной гражданской службе, возможности реализации кадровых стратегий. Отмечая роль резерва управленческих кадров, обосновываются направления совершенствования работы с кадровым резервом в контексте лично-ориентированного подхода, отмечаются тренды изменений в карьерных ожиданиях и возможности их учета в формировании развивающих мероприятий.

Ключевые слова: кадровый резерв, государственное управление, государственная гражданская служба, карьера, карьерные стратегии, карьерные ожидания, лично-профессиональное развитие

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 18.09.2020. Статья принята к публикации: 15.11.2020.

© Татарина Л.Н., Масленникова Е.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Татаринова Л.Н., Масленникова Е.В. Карьерные стратегии в контексте личностно-профессионального развития резерва управленческих кадров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1. С. 37–51. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-37-51

Career Strategies in the Context of Personal and Professional Development of Management Personnel

L.N. Tatarinova

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,
84, *prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571*

E.V. Maslennikova

State University of Management,
99, *Ryazanskiy Prospekt, Moscow, Russian Federation, 109542*
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,
84, *prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571*

Abstract. The article deals with the issues of personal and professional development of the management personnel reserve. The authors focus on the problems of staffing the public administration system, primarily the public civil service, emphasize that one of the key issues that directly affect the quality of public administration and the effectiveness of the public civil service is the personal and professional development of management personnel, effective leadership. Based on the analysis of the results of sociological research and statistical data, key problem areas in staffing and the implementation of personnel policy in the civil service, the possibility of implementing personnel strategies are determined. Noting the role of the managerial personnel reserve, the directions for improving the work with the personnel reserve in the context of a personality-oriented approach are substantiated, trends in changes in career expectations and the possibility of taking them into account in the formation of developmental activities are noted.

Keywords: public administration, state civil service, career, career strategies, career expectations, personal and professional development

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 18.09.2020. The article was accepted on 15.11.2020.

For citation:

Tatarinova L.N., Maslennikova E.V. Career Strategies in the Context of Personal and Professional Development of Management Personnel. *RUDN Journal of Public Administration*. 2021; 8(1): 37–51. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-37-51

Успешность достижения стратегических целей и обеспечение вектора устойчивого социально-экономического развития России в условиях современных вызовов неразрывно связаны с обеспечением качественного государственного и муниципального управления, привлечением в органы власти профессионалов (проблема нехватки квалифицированных кадров актуальна как на федеральном, так и региональном и особенно местном уровнях), что

обуславливает возрастающий исследовательский интерес к вопросам, связанным с разработкой и реализацией кадровой политики в органах власти, эффективностью принимаемых кадровых решений.

В программных документах, определяющих направления институционального развития государственного управления, за последнее время фокус существенным образом сместился в сторону развития человеческого капитала. Так, в качестве приоритетных выделяются управление кадровыми процессами, качество кадрового обеспечения и совершенствование системы профессионального развития гражданских служащих¹. Вместе с тем вопросы карьеры, управления карьерным развитием, по-прежнему относятся к числу неизменно политизированных и находятся на периферии целенаправленного управленческого воздействия. Необходимо отметить, что отчасти это обусловлено сохраняющимися негативными стереотипами, восприятием как синонимичных и/или со смешением понятий «карьера» и «карьеризм» (как способа служебного продвижения, использование в личных интересах системы норм).

Карьера выступает одним из механизмов, призванных обеспечить единство интересов всех субъектов социально-профессиональных отношений. Карьеру государственных служащих невозможно рассматривать вне социального контекста, процессов признания успешности в обществе, соотнесения результатов соответствия деятельности служащего со сложившимся в обществе ценностями, правовыми и моральными нормами. Интересы государства связаны с созданием условий, способствующих реализации карьерных стратегий и назначением на управленческие вакансии высокопрофессиональных служащих, своевременным замещением возникающих вакансий мотивированными на развитие профессиональными кадрами.

В исследованиях карьерных стратегий и каналов рекрутирования административной элиты в федеральных органах власти (в том числе на основе применения сравнительно-биографических методов) отмечается преобладание «карьерных бюрократов», «отраслевых экспертов», политических назначенцев, наряду с недостаточно широким проявлением командного принципа [1. С. 80–92]. В контексте осмысления карьерных стратегий руководителями в системе государственного управления важное значение имеет исследование факторов, условий и предикторов управленческой успешности. Так, результаты сравнения групп руководителей по ряду комплексных показателей в соответствии с уровнем занимаемых должностей позволили выявить ряд признаков, которые можно рассматривать как факторы успеш-

¹ «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (разработан Минэкономразвития России); Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года N 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; Указ Президента Российской Федерации от 24 июня 2019 г. N 288 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019 – 2021 годы»; Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 (утверждены Председателем Правительства РФ 29.09.2018).

ности: четкая ориентация на управленческую карьеру наряду с готовностью к обучению и саморазвитию, способность к риску и высокий уровень мобильности, выраженность стратегической идеи, способность к преодолению как внешних, так и внутренних препятствий и сопротивлений в процессе реализации собственных идей, ярко выраженная субъектность и высокая ориентация на поставленные задачи. Данные факторы имеют сложную детерминацию, процесс их формирования не связан исключительно с опытом профессиональной деятельности, они «могут по-разному объединяться между собой, образуя специфические комбинации – метафакторы управленческой успешности у различных групп руководителей» [2. С. 16].

Реальная возможность человека в конкретный момент времени эффективно осуществлять деятельность на определенном уровне управленческой иерархии, управленческая готовность как системное качество имеет сложную динамическую структуру, представляет собой не отдельные элементы, а их совокупность и взаимосвязанность. Готовность к эффективной управленческой деятельности в условиях неопределенности, потребность в решении нестандартных и несопоставимых по уровню сложности задач требует от руководителя особых способностей быстрого релевантного выбора стиля и методов управленческого воздействия, что определяется не набором тех или иных компетенций, а способностью переструктурирования личностно-профессиональных ресурсов в процессе управленческой деятельности, расширением стилевых особенностей управленческой деятельности. Управленческий опыт, личные достижения, способность на основе имеющегося профессионального опыта и знаний к глубокому разностороннему и системному анализу профессиональных и управленческих проблем являются важными показателями в системе оценки управленческой готовности и прогнозирования успешности управленческой деятельности.

Успешность управленческой деятельности не определяется исключительно карьерным ростом или должностным продвижением, механической суммой компетенций. Необходим комплексный подход к оценке личностно-профессиональных ресурсов руководителя, обеспечивающих успешность его управленческой деятельности в различных контекстах (индивидуальном, организационном, социальном) как на актуальном уровне, так и в перспективе. Успешность отражается в субъективно значимых достижениях, связана и с вкладываемым субъективным смыслом, и с объективной оценкой результативности и общественным признанием значимости выполняемых задач, определяется и спецификой деятельностного пространства, и масштабом, уровнем решаемых задач. Карьерные стратегии неразрывно связаны с уровнем субъектности в отношении собственной карьеры, внутренней определенностью, ценностями и смыслами, пониманием собственной роли в системе государственного управления. Результаты социологических исследований свидетельствуют, что в определении наиболее значимых и важных аспектов деятельности в профессиональной среде государственных служащих, наблюдается достаточно серьезная дифференциация в зависимости от уровня управления, от органа власти, области/сферы деятельности, занимаемой должности [3].

Среди значимых аспектов профессиональной деятельности лидирующие позиции занимают стабильность, доход, самореализация и продвижение по службе. Только четверть опрошенных государственных служащих выделяют ценности креативности и саморазвития. Смысл профессиональной деятельности большинство служащих (66%) связывает со служением. Жизненные ценности государственных служащих также различаются в зависимости от группы должностей: так, для лиц, замещающих должности категории «руководители», наиболее значимы социальные контакты и удовлетворение духовных потребностей, тогда как для обеспечивающих специалистов материальное благополучие выходит на первый план [4].

Социальная эффективность, достижение социально значимых результатов уже не являются просто метафорой, активно включаются в модели и технологии оценки эффективности и результативности в системе государственного управления. Желание приносить пользу обществу в качестве мотива снижается, данная тенденция отмечается и гражданами, и экспертами [3].

Рис. 1. Распределение ответов респондентов о мотивах при поступлении на госслужбу (2017), %

Fig. 1. Distribution of respondents' answers about motives for entering the civil service (2017), %

Источник: [3] / Source: [3].

В исследовании карьерных траекторий государственных и муниципальных служащих фиксируется снижение значимости мотива профессиональной реализации (с 42 до 13%), снижение значимости мотива реализации профессиональных качеств. В качестве ключевого аспекта надежность и социальные гарантии отмечают 56,4% респондентов, на втором месте по значимости – получение опыта работы (39,8%), на третьем – оплата труда и общественная значимость работы (29,4 и 27,2% соответственно), построение долгосрочной карьеры отметили 19,3 % респондентов. Чем выше должность, тем в большей степени проявляется ориентированность на реализацию карьеры на службе, чем ниже положение в должностной иерархии, тем выше неопределенность карьерных установок, перспектив профессиональной самореализации на государственной службе. 56% респондентов для себя считают предпочтительным оставаться на замещаемой должности, возможно с неким расширением полномочий [5].

Социальная направленность как система «устойчивых побуждений личности при принятии решений ориентироваться не на собственные инте-

ресы, а на интересы общества и государства» рассматривается как одна из ключевых составляющих управленческой готовности руководителя. При этом социальная направленность руководителя – это не только способность понимать, какие последствия принимаемые решения будут иметь для широкого круга различных групп людей, но и реальная потребность учитывать эти последствия, «рассматривать их в качестве реального и весомого фактора принятия любых решений, затрагивающих интересы, цели и ценности других людей» [6. С. 40–45].

Результаты исследований в рамках личностно-профессиональной диагностики управленческих кадров, которые на протяжении многих лет проводятся научно-исследовательской лабораторией «Диагностика и оценка руководителей» Института ВШГУ РАНХиГС при Президенте РФ, свидетельствуют, что «социальная направленность, будучи элементом общей направленности личности участников исследования, не является при этом преобладающей в структуре их направленности» [7. С. 204–216].

В мониторинговых исследованиях фиксируется, что карьерный мотив становится все более выраженным (16% в 2003 г.; 27% – в 2006 г., 29% – в 2009 г., 31 % – в 2012 г. И 36% в 2017 г.) [3]. Изменение самооценки «карьерной готовности», карьерных ориентаций отмечается и среди резервистов. «Резервы управленческих кадров в Российской Федерации – сформированные в установленном порядке группы граждан Российской Федерации, обладающих необходимыми профессиональными и личностными качествами для назначения на целевые управленческие должности в системе государственного управления и местного самоуправления, включая организации федерального, регионального и местного подчинения» [8].

Карьерные установки резервистов федерального управленческого резерва в 2020 году в большей степени связаны с должностным ростом (выборка: составила 170 человек. Из них участники программы базового и перспективного уровня – 110 человек, 60 человек – участники проекта высшего резерва управленческих кадров). Свою готовность к должностному росту отметили 94% резервистов.

Рис. 2. Карьерная готовность (% от ответивших)

Fig. 2. Career readiness (% of respondents)

Источник: Авторское исследование (2020) / Source: Researchers Own Survey (2020).

Карьерные перспективы в сознании резервистов связаны преимущественно с замещением должностей в федеральных органах исполнительной власти по профилю профессиональной деятельности, в госкорпорациях; в меньшей степени ориентированы на замещение более высокой должности на уровне субъекта Российской Федерации, должностей, связанных с исполнением организационно-административных функций; бизнес-организации практически вообще не рассматриваются резервистами.

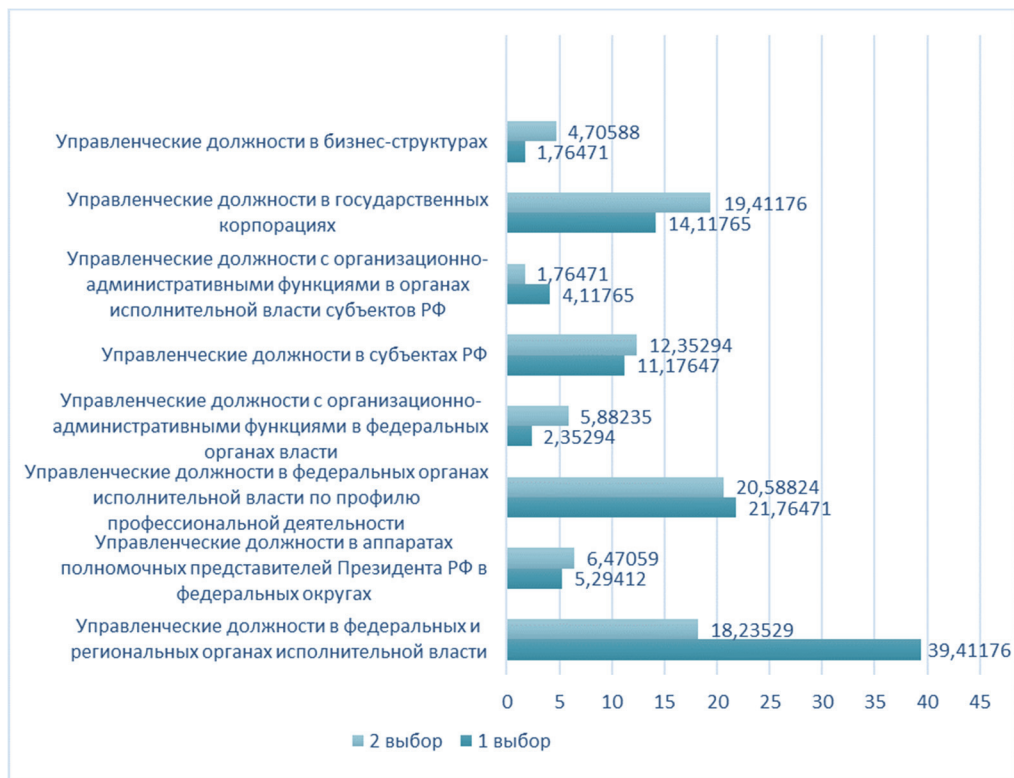

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «С Вашей точки зрения, по какому из направлений применение Ваших лично-профессиональных ресурсов будет наиболее эффективным при назначении на новую должность?»

(1 выбор, % от ответивших)

Fig. 3. Distribution of answers to the question:

“From your point of view, in which of the directions will the use of your personal and professional resources be most effective when appointing to a new position?”

(1 choice, % of respondents)

Источник: Авторское исследование (2020) / Source: Researchers Own Survey (2020).

Необходимо отметить, что как на федеральном, так и региональных уровнях рекрутирование как политической, так и административной элиты существенно трансформируется. Как отмечают исследователи, данный процесс становится все более многогранным, меняются практики, формы и модели, связанные с изменением статуса, формируются новые разновидности профессионально-политического карьерного развития [9].

Карьерная самореализация не только выступает «важнейшим механизмом интеграции индивидов и общества» [10. С. 159], модифицируются и факторы, и условия, влияющие на построение карьеры представителей раз-

личных сегментов управленческой элиты [11. С. 398]. Также результаты исследования свидетельствуют о достаточно серьезных различиях в ожиданиях резервистов региональных резервов управленческих кадров. Это во многом обусловлено особенностями элитогенеза на региональном уровне и спецификой региона. Так, к примеру, в ряде случаев резерв воспринимается именно как «карьерный лифт», связанный с вхождением в команду первого лица, что свидетельствует о формировании командного принципа в рекрутировании административной элиты региона в качестве определяющего.

В целом результаты исследований свидетельствует о том, что резервисты в настоящий момент ориентированы на развитие собственных личностно-профессиональных ресурсов или отдельных компетенций. Так, среди мероприятий профессионального развития, которые вызывают максимальный интерес у резервистов, выделяются: связанные с приобретением практического опыта, прохождением образовательных программ по личностно-профессиональному развитию, или узконаправленные мероприятия, ориентированные на развитие конкретных компетенций. Важным представляется артикулированный запрос резервистов на индивидуальное карьерное сопровождение (индивидуальная работа с экспертами по следующим направлениям: построение индивидуальных образовательных траекторий, коучинг, оценка эффективности выбранных подходов профессионального развития для достижения жизненных и карьерных целей).

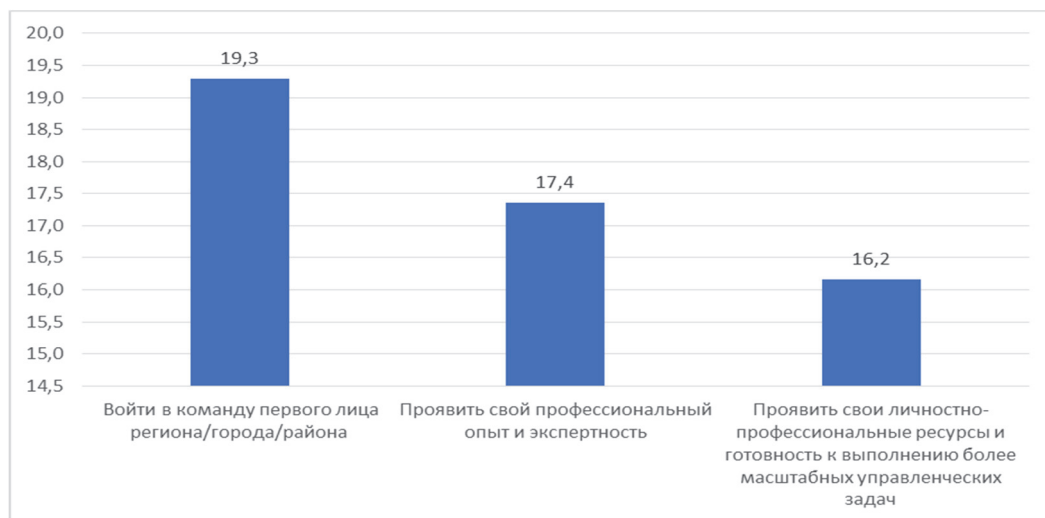

Рис. 4. Наиболее популярные среди резервистов утверждения (в % от общей выборки, 171 респондент, из числа кандидатов в региональный резерв управленческих кадров)

Fig. 4. The most popular statements among reservists (in% of the total sample, 171 respondents, from among candidates for the regional managerial personnel reserve)

Источник: Авторское исследование (2020) / Source: Researchers Own Survey (2020).

Исследование восприятия резервистами роли и предназначения резерва, самооценка готовности к карьерному развитию и должностному росту, оценка перспективных направлений личностно-профессионального развития

позволяет не только выделить особенности восприятия собственной карьерной стратегии, но и выделить значимые и приоритетные направления личностно-профессионального развития, что позволит сделать более осознанным процесс участия резервиста в образовательных и развивающих мероприятиях, повысить его субъектность, обеспечить возможность формирования треков личностно-профессионального развития с учетом ожиданий, более дифференцированно подойти к формированию условий, позволяющих реализовывать различные сценарии карьерного и личностно-профессионального развития.

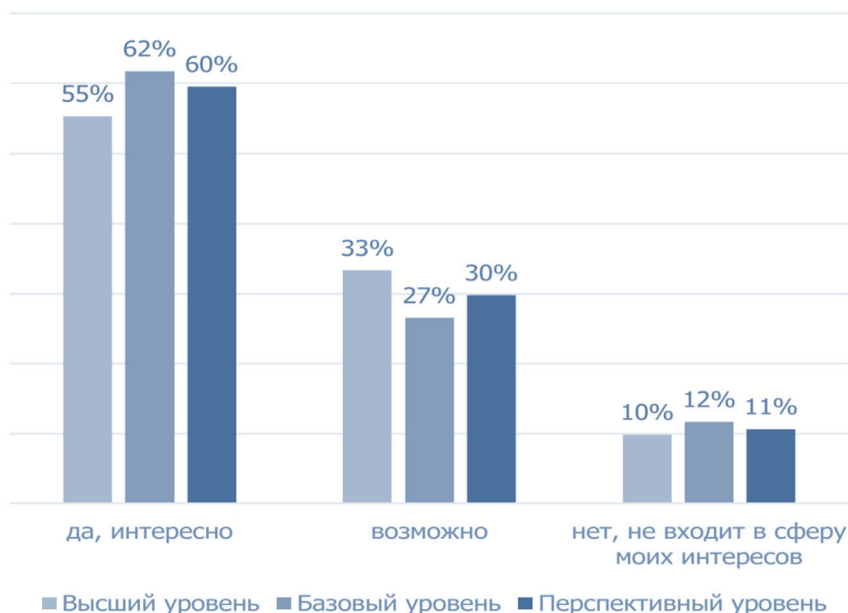

Рис. 5. Степень заинтересованности резервистов в участии в мерах профессионального развития

Fig. 5. Degree of interest of reservists in participation in professional development measures

Источник: Авторское исследование (2020) / Source: Researchers Own Survey (2020).

Формирование карьерных траекторий не линейный процесс, на который оказывают влияние как объективные, так и субъективные факторы. Выбор карьерной стратегии, реализация карьеры основаны на индивидуальной Я-концепции руководителя, его картине мира. Индивидуальная траектория карьерного развития, особенно в условиях изменений, связана с множественностью выбора аттрактора (переход на более высокий уровень или «остановка» в точке бифуркации и корректирование выбранной стратегии, определение нового маршрута или альтернативного пути).

Возникает вопрос о возможностях и реальности реализации гибкой карьерной траектории в системе государственного и муниципального управления, традиционно ориентированной на вертикальное продвижение. Но в настоящий момент меняется и сам процесс административного элитогенеза, и механизмы рекрутирования, и каналы, и способы «вхождения» в административную систему. Понимание собственных ресурсов, жизненной стратегической идеи, рефлексивность в отношении собственного опыта повышает

осознанность и целенаправленность управления собственной карьерой, а формирование комплексного видения возможного горизонта развития снижает влияние «эффектов бабочки», бифуркационного каскада, профессионального выгорания. Возможности реализации гибкой стратегии связываются с личностными особенностями, с навыками самоменеджмента, готовностью к риску, силой личности, с возможностью самостоятельно выбирать методы и способы своего личностно-профессионального развития.

Рассматривая личностно-профессиональное развитие, необходимо отметить, что в настоящее время данное понятие является одним из самых полисематичных, процесс личностно-профессионального развития характеризуется различными практиками суевого наполнения. Это во многом обусловлено радикальными социальными изменениями, цивилизационными сдвигами, трансформацией институциональной матрицы общества, изменением социальной и профессиональной структуры общества в условиях социокультурных флуктуаций [12]. «Множественность» картины мира, изменение механизмов идентификации, в том числе и профессиональной, обуславливают поиск новых интегративных моделей и подходов.

Применительно к сфере государственного управления данная проблема приобретает особую остроту и социальную значимость в силу масштабности влияния на ключевые процессы жизнеобеспечения общества и возможности социального развития. В последние годы вопросы профессионализации и профессионального развития находились в центре институциональных реформ государственного управления, особенно в части государственной гражданской службы. Внесены изменения в законодательные акты, приняты нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы профессионального развития государственных служащих, разработан целый ряд методических рекомендаций. Некоторые исследователи отмечают, «что разработанных законодательных актов и методических предложений уже достаточно, необходимо переходить к конкретным мероприятиям по развитию профессиональных компетенций современных государственных служащих» [13. С. 34].

Авторы статьи считают, что перенос акцента с дополнительного профессионального образования на профессиональное развитие, сам по себе знаковый, так как профессиональное развитие намного шире, связано с формированием профессионального мировоззрения и самосознания, профессиональной культурой и системой профессиональных ценностей, это более синтетическое понятие нежели дополнительное образование. Однако, в соответствии законом (в частности, ст. 62 федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [14]), профессиональное развитие гражданского служащего направлено на поддержание и повышение уровня квалификации, «необходимого для надлежащего исполнения должностных обязанностей», и, несмотря на установление принципа непрерывности («в течение всего периода прохождения им гражданской службы» [14], данный процесс жестко ограничивается квалификационными требованиями по должности, что свидетельствует о необоснованном сужении понимания сущности профессионального развития, за рамками данного определения остаются и личностные характеристики.

По сути, в гражданской службе воспроизводятся устоявшиеся традиционные подходы к повышению квалификации и дополнительному образованию служащих, характеризующиеся высоким формализмом. По-прежнему нивелируется роль и самого государственного служащего как субъекта личностно-профессионального развития. Достаточно ярко данный факт проявляется в основаниях для направления гражданского служащего для участия в мероприятиях по профессиональному развитию: решение представителя нанимателя, результаты аттестации, назначение на иную должность, поступление на гражданскую службу впервые [14]. В этой связи приходится констатировать, что системный подход к личностно-профессиональному развитию находится на начальном уровне становления, актуальной остается проблема переосмысления общей концепции в контексте личностно-профессионального развития, выработки подхода к объективной оценке динамики личностно-профессионального развития. Необходимо отметить взаимообусловленность личностно-профессионального развития и профессиональной карьеры, необходимость создания условий для более полной самореализации как в масштабе отдельных органов власти, так и государства в целом. Личностно-профессиональное и карьерное развитие определяются целым рядом условий и факторов (интрапсихологическими, внешне-внутренними (интер-интрапсихологическими), внешними (интерпсихологическими) [15], что требует построения новых подходов в области личностно-профессионального развития, акцентирования внимания на развитие профессионального самосознания и его имплементацию в карьерное развитие наиболее талантливых и перспективных служащих.

Онто- и социогенез личностно-профессионального развития представляют собой взаимосвязанные процессы и должны быть направлены на раскрытие личностно-профессионального потенциала субъекта в контексте достижения социально значимых результатов управленческой деятельности, «как движение личности к профессиональному и карьерному „акме“ в условиях профессиональной деятельности» [16]. Объективно возникающая стагнация карьеры, редукция карьерных ожиданий и ценностей, рассогласование личностно-профессиональных характеристик с необходимыми качествами в новых условиях могут выступать серьезными барьерами личностно-профессионального развития.

Проблемы ориентированности исключительно на компетентностный подход (ориентация на недостаточно проработанные компетентностные модели без учета стратегического горизонта и новых вызовов, недоучет ограниченности бизнес-инкрементов), различный уровень зрелости диагностического инструментария, формализм применяемых оценочных технологий (как деятельности, так и при формировании кадровых резервов), серьезная дифференциация в ресурсах и возможностях (органов власти, регионов, органов местного самоуправления) в области оценки и профессионального развития, а зачастую и неготовность к переходу к объективной оценке на локальном уровне приводят к еще большему дисбалансу, снижая возможность прорывных изменений в области кадровой политики в системе государственного и муниципального управления.

Актуальным представляется реализация системного подхода к профессиональному развитию кадров для государственной сферы на основе единых принципов (с учетом требований к управлению в условиях изменений, общего подхода к «карьерным назначениям»). Единая логика способствует более активному включению самих резервистов в процесс конструирования программы развивающих действий (обеспечивается возможность выбора тех или иных развивающих мероприятий, возможность использования образовательных сертификатов (например, победителями кадровых конкурсов, или государственными служащими).

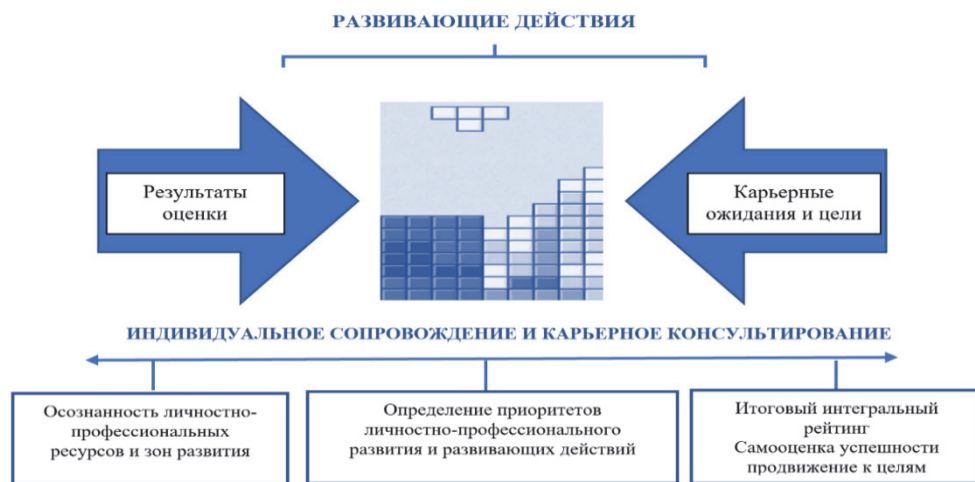

Рис. 6. Возможности моделирования развивающих действий

Fig. 6. Possibilities of modeling developmental actions

Источник: Авторское исследование (2020) / *Source:* Researchers Own Survey (2020).

Кроме того, у резервистов появляется возможность самостоятельно влиять на процесс, самому определять траекторию личностно-профессионального развития, инициировать дополнительные виды оценки для корректировки карьерных целей, для определения соответствия квалификационным требованиям и определению шагов, например, в случае выбора конкретной должностной позиции и необходимости дополнительной подготовки. Принципиально важным моментом является изменение самой роли оценки динамики личностно-профессионального развития, переориентация с фиксации того или иного уровня компетентности на формирование прогнозных моделей, связанных с реализацией целенаправленной стратегии личностно-профессионального и карьерного развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Борцевский Г.А. Механизмы рекрутирования и эффективность федеральной административной элиты // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 80–92. DOI: 10.31857/S013216250001962-1
- [2] Синягин Ю.В. Факторы, условия и биографические предикторы успешной управленческой карьеры в системе государственной гражданской службы // Государственная служба. 2019. № 4 (120). С. 6–21.

- [3] Барциц И.Н., Борщевский Г.А., Магомедов К.О. Современное состояние и тенденции развития государственной гражданской службы в России: аналитический доклад / И. Н. Барциц, Г. А. Борщевский, К. О. Магомедов. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
- [4] Бушуева И.П., Богдан Н.Н., Зубов В.Е. Карьера в государственной гражданской службе: прошлое, настоящее, будущее // Управленческое консультирование. 2014. № 7 (67). С. 7–18.
- [5] Костина С.Н., Зайцева Е.В. Карьерные траектории государственных и муниципальных служащих // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 3 (55). С. 93–98.
- [6] Синягин Ю.В. Социальная направленность как характеристика личности руководителя государственной службы // Личность в системах управления. 2019. № 1. С. 40–45.
- [7] Селезнева Е.В., Баркова Ю.К. Социальная направленность личности и ценностные стратегии руководителей системы государственной службы // Вопросы управления. 2019. № 4 (59). С. 204–216.
- [8] Общая концепция формирования и использования резервов управленческих кадров в Российской Федерации. URL: <https://gosszlzhba.gov.ru/rezerv>. Дата обращения: 10.09.2020.
- [9] Покатов Д.В., Антонова О.Г., Дыльнова З.М. Рекрутирование региональной политической элиты: эволюция этапов, форм и карьерных стратегий // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. № 4. С. 419–425.
- [10] Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006.
- [11] Шентякова А.В. Модели и факторы карьеры представителей политической и административной региональной элиты // Власть и элиты: альманах. 2014. Т. 1. С. 385–398.
- [12] Митина Л.М. Психология личностного и профессионального развития человека в современном социокультурном пространстве // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2015. № 3 (15). С. 79–86.
- [13] Четверикова Н.А., Колмыкова М.А. Современные тенденции профессионального развития государственных гражданских служащих // Вестник ГУУ. 2019. № 9. С. 33–38.
- [14] Федеральный закон от 27.07.2004 (с изменениями и дополнениями) № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004 г. № 31. Ст. 3215.
- [15] Митина Л.М. Профессиональное развитие и профессиональная карьера: конфликт или синтагма // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. № 2. С. 129–133.
- [16] Москаленко О.В. Футурологическая имплементация профессионального самосознания в карьерном развитии высококвалифицированных специалистов // Акмеология. 2017. № 2 (62). С. 54–61.

REFERENCES

- [1] Borshchevskij G.A. Mekhanizmy rekrutirovaniya i effektivnost' federal'noj administrativnoj elity [Recruitment Mechanisms and Effectiveness of the Federal Administrative Elite]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018; 9: 80–92. DOI: 10.31857/S013216250001962-1 (In Russ.).
- [2] Sinyagin Yu.V. Faktory, usloviya i biograficheskie prediktory uspešnoj upravlencheskoj kar'ery v sisteme gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby [Factors, Conditions and Biographical Predictors of a Successful Managerial Career in the State Civil Service System]. *Public Administration*. 2019; 4(120): 6–21 (In Russ.).
- [3] Barci I.N., Borshchevskij G.A., Magomedov K.O. *Sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby v Rossii: analiticheskij doklad* [Current

- State and Development Trends of the Civil Service in Russia: Analytical Report]. Moscow: Publishing House “Delo” RANEPА; 2018 (In Russ.).
- [4] Bushueva I.P., Bogdan N.N., Zubov V.E. Kar’era v gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Career in the Public Service: Past, Present, Future]. *Upravlencheskoe konsul’tirovanie*. 2014; 7(67): 7–18 (In Russ.).
- [5] Kostina S.N., Zajceva E.V. Kar’ernye traektorii gosudarstvennyh i municipal’nyh sluzhashchih [Career Paths of Civil and Municipal Employees]. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2019; 3(55): 93–98 (In Russ.).
- [6] Sinyagin Yu.V. Social’naya napravlennost’ kak harakteristika lichnosti rukovoditelya gosudarstvennoj sluzhby [Social Orientation as a Characteristic of the Head’ Personality in the Government Service]. *Personality Formation*. 2019; 1: 40–45 (In Russ.).
- [7] Selezneva E.V., Barkova Yu.K. Social’naya napravlennost’ lichnosti i cennostnye strategii rukovoditelej sistemy gosudarstvennoj sluzhby [Social Orientation of the Person and Value Strategies of Civil Service Executives]. *Management Issues*. 2019; 4(59): 204–216 (In Russ.).
- [8] *Obshchaya koncepciya formirovaniya i ispol’zovaniya rezervov upravlencheskih kadrov v Rossijskoj Federacii* [General Concept of the Formation and Use of Reserves of Management Personnel in the Russian Federation]. URL: <https://gosslužba.gov.ru/rezerv>. Accessed: 10.09.2020 (In Russ.).
- [9] Pokatov D.V., Antonova O.G., Dyl’nova Z.M. Rekrutirovanie regional’noj politicheskoj elity: evolyuciya etapov, form i kar’ernyh strategij [Recruiting the Regional Political Elite: Evolution of the Stages, Forms and Career Strategies]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2018; 4: 419–425 (In Russ.).
- [10] Luman N. *Differenciaciya* [Differentiation]. Moscow: Logos; 2006 (In Russ.).
- [11] Shentyakova A.V. Modeli i faktory kar’ery predstavitelej politicheskoj i administrativnoj regional’noj elity [Patterns and Factors of Regional Politicians’ and Bureaucrats’ Career]. *Authorities and Elites*. 2014; 1: 385–398 (In Russ.).
- [12] Mitina L.M. Psihologiya lichnostnogo i professional’nogo razvitiya cheloveka v sovremennom sociokul’turnom prostranstve [Psychology of Personal and Professional Development in Contemporary Sociocultural Space]. *Gumanitarnye Vedomosti of TSPU*. 2015; 3(15): 79–86 (In Russ.).
- [13] Chetverikova N.A., Kolmykova M.A. Sovremennye tendencii professional’nogo razvitiya gosudarstvennyh grazhdanskih sluzhashchih [Current Trends in the Professional Development of Civil Servants]. *Vestnik SUM*. 2019; 9: 33–38 (In Russ.).
- [14] Federal’nyj zakon ot 27.07.2004 (s izmeneniyami i dopolneniyami) № 79-FZ “O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii” [Federal Law of July 27, 2004 (as amended and supplemented) No. 79-FZ “On the State Civil Service of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel’stva Rossijskoj Federacii*. 2004; 31: 3215 (In Russ.).
- [15] Mitina L.M. Professional’noe razvitie i professional’naya kar’era: konflikt ili syntagma [Professional Development and Professional Career: Conflict or Syntagma]. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2016; 2: 129–133 (In Russ.).
- [16] Moskalenko O.V. Futurologicheskaya implementaciya professional’nogo samosoznaniya v kar’ernom razvitii vysokokvalificirovannyh specialistov [Futurologic Implementation of Professional Self-consciousness in Career Development of Highly Qualified Specialists]. *Acmeology*. 2017; 2(62): 54–61 (In Russ.).

Информация об авторах:

Татарина Людмила Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии личности в системах управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ORCID ID: 0000-0003-4623-5246) (e-mail: ln.tatarinova@yandex.ru).

Масленникова Елена Викторовна – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Государственного университета управления (ORCID ID: 0000-0001-6291-0411) (e-mail: m_elenav@mail.ru).

Information about the authors:

Lyudmila N. Tatarinova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Personality Psychology in Control Systems, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-4623-5246) (e-mail: ln.tatarinova@yandex.ru).

Elena V. Maslennikova – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of State and Municipal Administration, State University of Management (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-6291-0411) (e-mail: m_elenav@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-52-58

Научная статья / Research article

Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы

А.В. Борхсениус

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена «инфодемия» как результата массовых вбросов фэйков, связанных с пандемией 2019-nCoV. Автор анализирует глобальные социальные и политические последствия дезинформации в социальных сетях и мессенджерах на тему здоровья, официальной медицинской статистики и государственных методов борьбы с распространением вируса. Отмечается снижение доверия к органам государственной власти и официальным источникам информации при увеличении популярности конспирологических нарративов. Автор выделяет методы борьбы с инфодемией и анализирует их эффективность.

Ключевые слова: инфодемия, фейк, дезинформация, медиаграмотность, цифровые права, свобода слова

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 20.09.2020. Статья принята к публикации: 15.11.2020

Для цитирования:

Борхсениус А.В. Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1. С. 52–58. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-52-58

Infodemia: Concept, Social and Political Consequences, Methods of Managing

A.V. Borkhsenius

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article is devoted to the consideration of the “infodemia” phenomenon as a result of massive fakes injections associated with the 2019-nCoV pandemic. Author analyzes the global social and political consequences of disinformation in social networks and messengers on

© Борхсениус А.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the topic of health, official health statistics and government methods to combat the spread of the virus. There is a decrease in trust to government authorities and official information sources and also an increase in the popularity of conspiracy narratives. Author identifies methods to deal with infodemia and analyzes their effectiveness.

Keywords: infodemia, fake, disinformation, media literacy, digital rights, freedom of speech

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 20.09.2020. The article was accepted on 15.11.2020

For citation:

Borkhsenius A.V. Infodemia: Concept, Social and Political Consequences, Methods of Managing. *RUDN Journal of Public Administration*. 2021; 8(1): 52–58. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-52-58

Человечество на протяжении всей своей истории сталкивается с различными типами вирусов и массовыми эпидемиями. Не в новинку также распространение дезинформации в политических целях. В последние десятилетия в связи с развитием глобального информационного пространства и социальных сетей мы все чаще сталкиваемся с феноменом фейка и фейковых новостей. Технологии передачи контента в сети Интернет, а также манипуляционная составляющая фейка позволяет говорить о его вирусном распространении от человека к человеку. В 2020 году опасность заражения коронавирусной инфекции (2019-nCoV) приобрела глобальные масштабы. В информационном пространстве пандемия в совокупности со страхами одних людей и экономическими и политическими целями других породила новую «болезнь» – инфодемию.

Во время пандемии в периоды максимальной изоляции Интернет и социальные сети стали основным источником новостной информации, а также виртуальным местом встреч и дискуссий. Для многих людей общественная жизнь трансформировалась в цифровое участие. Активнее рассылалась различного рода информация от пользователя к пользователю. В таких условиях ведущую роль в распространении фейков сыграли социальные сети и мессенджеры, где фактчекингу авторы и получатели сообщений уделяли минимум внимания. При этом модерация контента, которая велась в некоторых соцсетях, могла осуществляться предвзято, защищая политические и экономические интересы некоторых игроков.

Фейковые сообщения о болезни, ее распространении и последствиях при отсутствии уверенности в собственных правительствах и системах здравоохранения, при минимальных знаниях в области эпидемиологии, а также «невидимость» врага (вируса) спровоцировали подъем конспирологических теорий и настроений. По словам И. Яблокова, «теории заговора – это своего рода «креативный ответ» на вызов времени» [1]. В существующей ситуации многочисленные теории заговора, разгоняемые по интернет-пространству фейками, для многих становятся единственным объяснением ситуации с пандемией. Это спровоцировало появление многочисленных страхов, а также социальную и политическую разобщенность.

В начале марта в социальные сети Facebook и ВКонтакте, а также в мессенджеры WhatsApp и Telegram была вброшена дезинформация: на аудиозаписи некая девушка сообщила «о 20 тысячах заболевших коронавирусом в Москве» и попросила максимально распространить данную информацию [2]. Еще десятки сообщений, схожих по стилю подачи, были зафиксированы в русскоязычном сегменте Интернета.

Мы можем дать общую характеристику манипулятивным структурным элементам подобных фейков:

1) Личностная составляющая. Вбросы представляют собой голосовое сообщение и/или обращаются к своему якобы знакомому по имени, что может повысить уровень доверия к содержанию со стороны получателя;

2) «Источник, заслуживающий доверия». Обязательно указывается, что информация получена от кого-то, кто приближен либо к системе здравоохранения, либо к органам власти, но конкретные имена и фамилии не раскрываются;

3) Эмоциональная раскачка. Называются завышенные показатели по смертности, говорится о том, что «морги переполнены», а «власти скрывают информацию»;

4) Иллюзия действия. В конце сообщения получателя просят сделать нечто простое, но то, что может помочь спасти ситуацию – переслать всем родным и знакомым, репостнуть на страницу и т.д.

Таким образом, фейки подобного рода являются довольно эффективными в ситуации неопределенности, которую провоцирует эпидемиологическая обстановка.

Вопрос о борьбе со вбросами дезинформации о коронавирусе в России был поставлен и президентом страны В.В. Путиным. Вице-премьер Т. Голикова призвала граждан «не верить ложной информации, а опираться лишь на „истинные данные“ властей» [3]. Проблема в том, что к этому моменту доверие к официальным заявлениям властей резко снизилось, а популярными стали конспирологические нарративы.

Инфодемия как факт была признана на мировом уровне. Этот феномен представляет собой стремительное и неконтролируемое распространение в новых медиа необоснованной и ложной информации о кризисных событиях, усиливающее общественное беспокойство. Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Т. Гебрейесус официально заявил, что «мы не просто боремся с эпидемией, мы боремся с инфодемией». Фейковые новости распространяются «быстрее и легче, чем вирус» [4]. В связи с этим ВОЗ был вынужден выпустить информационный раздел «Мифы и ложные представления» [5], где специалисты опровергали самые популярные и опасные для жизни и здоровья фейки.

Важно отметить, что наплыв фейковых новостей спровоцировал активизацию гражданских и журналистских инициатив по фактчекингу. Например, в мае 2020 г. Free Press Unlimited (FPU) запустила кампанию «Вместе за НАДЕЖНУЮ информацию» [6]. Кампания фокусируется на важности деятельности свободных СМИ и влияния продолжающейся пандемии на работу журналистов. Также был создан портал COVID19MisInfo.org, который объ-

единил социологов, специалистов по коммуникациям и разработчиков ПО из разных стран для создания визуальной панели для отслеживания фейковой информации в режиме реального времени.

Специалисты из COVID19MisInfo.org изучили более 2300 фейковых сообщений о COVID-19 и выделили следующие общие темы:

- 1) Продвижение поддельных тестов и лекарств;
- 2) Предположения о происхождении нового вируса;
- 3) Приуменьшение опасности вируса и необходимости мер по борьбе с ним;
- 4) Расистская травля;
- 5) Мошенничество в сфере данных;
- 6) Фейки о причастности брендов и технологий к распространению вируса (например, 5G и Coca Cola);
- 7) Слухи о смертях и заражениях знаменитостей, в том числе политиков [7].

Важный для нас политический аспект несут в себе фейки о предположениях в отношении происхождения вируса, приуменьшение опасности вируса и важности мер по борьбе с ним, а также расистская травля.

Большинство теорий о происхождении новой коронавирусной инфекции имеют конспирологический характер. Самой популярной была версия о том, что вирус был создан искусственно в правительственных лабораториях. Затем в зависимости от целей фейка эти лаборатории объявлялись китайскими, американскими или даже канадскими.

Дезинформацией признавались комментарии ряда политиков (например, А. Г. Лукашенко и Д. Трампа), приуменьшавших опасность вируса. Некоторые сообщения с официальных аккаунтов президента США в Facebook и Twitter были объявлены фейками и удалены администраторами социальных сетей. Например, было удалено заявление о том, что необходимо возобновить работу школ, так как дети «обладают почти полным иммунитетом» от коронавируса [8], что не соответствовало действительности.

Расистские заявления, проанализированные COVID19MisInfo.org, послужили нарастанию напряженности в ряде регионов. Пользователи социальных сетей и мессенджеров реагировали даже на такие маловероятные сообщения, как «мусульмане в Индии облизывают тарелки и ложки для распространения коронавируса или что китайские кварталы по всему миру являются чашкой Петри для вируса» [7]. Таким образом, в краткосрочной перспективе инфодемия может усугубиться из-за расовой напряженности и политической нестабильности во всем мире [9].

Объединив имеющуюся информацию, мы можем заявить, что инфодемия имеет многочисленные и масштабные негативные последствия.

В период действия режима самоизоляции человек, находясь оторванным от реального мира, используя для коммуникации в основном социальные сети и мессенджеры, становится более внушаемым и менее критичным по отношению к источникам. Наплыв фейковой информации о большом количестве смертей, новых способах заражения провоцирует эффект «смерти от ожидания смерти» [10], что действует на психосоматику. Нейробиологи

отмечают, что «эмоциональной инфекцией» легче заразиться в социальных сетях, распространение аффекта от одного человека к другому может привести к массовой панике и неадекватным антисоциальным действиям [11].

Инфодемия привела к вытеснению новостей об актуальных политических, социальных и экономических событиях или их замалчиванию. Переизбыток информации о вирусе, а также большое количество фейков привело к возникновению информационной усталости.

По мнению специалистов ВОЗ, дезинформация может препятствовать выработке и внедрению эффективных мер в области борьбы с коронавирусом, а также вводить людей в замешательство и недоверие [4]. Были зафиксированы сообщения о различных «методах» лечения (продолжительное использование бактерицидных ламп, употребление спиртного, чеснока или имбиря), которые в худшем случае могли привести к возникновению дополнительных проблем со здоровьем, не относящихся к Covid-19.

К последствиям инфодемии мы можем отнести ускоренное внедрение цифровых мер контроля над гражданами и информационными потоками. Например, в ряде государств и отдельных городах широко были внедрены системы отслеживания граждан и их передвижений. Пандемия и инфодемия явились поводами для ограничения информационных потоков в некоторых государствах (например, Мьянме и Пакистане). В ряде стран публикация дезинформации о Covid-19 теперь является преступлением. В Намибии часть чрезвычайных постановлений правительства предусматривает суровые наказания до шести месяцев тюрьмы за публикацию ложной или вводящей в заблуждение информации о Covid-19 [12].

На наш взгляд, поспешное принятие мер и законов о противодействии инфодемии может привести к серьезным негативным последствиям: самоцензуре со стороны граждан и журналистов, ограничении свободы слова и подавлении цифровых прав. Как следствие, ситуация с пандемией и инфодемией в условиях закрытых границ провоцирует опасения, что злоупотребление властью и установление жесткого цифрового контроля перестанет быть характерной чертой авторитарных режимов. Свобода слова и цифровые права могут стать жертвами борьбы с глобальной эпидемией, а жесткий контроль – новой политической реальностью для многих государств.

Какие средства борьбы с инфодемией предлагаются на данный момент?

Весной 2020 г. Facebook, Youtube и Twitter активизировали свои усилия по мониторингу контента на своих платформах, расширили сотрудничество со специалистами по проверке фактов и начали направлять большую часть своей аудитории на сайты с официальной информацией о коронавирусе.

Также сотрудники Facebook заявили, что было размещено 40 миллионов предупреждений рядом с сообщениями, достоверность которых была под сомнением. Представители Youtube заявили об удалении тысяч единиц дезинформации на своей платформе [12]. Тем не менее, алгоритмы, которыми пользуются крупнейшие социальные сети, не могут справиться со всем объемом фейков. Это связано с тем, что создатели ложных сообщений каждый раз меняют технологии и формы контента, чтобы «обмануть» алгоритм.

Во многих странах существует система штрафов за создание и распространение ложной информации. Этот подход также нельзя считать эффективным, так как в распространении вирусного фейкового контента часто задействованы сотни и тысячи ничего не подозревающих пользователей, а первоначальный источник установить довольно трудно.

На данный момент наиболее разумным представляется активизация усилий по повышению медийной грамотности. Необходима пропаганда «здорового» и критичного информационного потребления. Важно, чтобы граждане умели выделять для себя значимые и заслуживающие доверия источники информации. Борьба с пандемией станет эффективнее после того, как будут приняты эффективные меры против инфодемии и налажен диалог между государством и обществом.

Таким образом, первоочередная задача для государства на данный момент, помимо продвижения правдивой информации об эпидемиологической обстановке, массовое привитие основ медиаграмотности и распространение информации о качественных и ответственных источниках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Яблоков И. Русская культура заговора. Конспирологические теории на постсоветском пространстве / Илья Яблоков; пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. С. 39.
- [2] Facebook и «ВКонтакте» удалили фейки о коронавирусе в России // Известия. 10.03.2020. URL: <https://iz.ru/985194/2020-03-10/facebook-i-vkontakte-udalili-feiki-okoronaviruse-v-rossii>. Дата обращения: 10.03.2020.
- [3] Коронавброс: Россия борется с ложной информацией об эпидемии COVID-19 // Известия. 04.03.2020. URL: <https://iz.ru/983363/dmitrii-laru/koronavbros-rossiia-boretsia-s-lozhnoi-informatsiei-ob-epidemii-covid-19>. Дата обращения: 04.03.2020.
- [4] UN Tackles ‘Infodemic’ of Misinformation and Cybercrime in COVID-19 Crisis // Организация Объединенных наций. URL: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/un-tackling-%E2%80%98infodemic%E2%80%99-misinformation-and-cybercrime-covid-19>. Дата обращения: 31.03.2020.
- [5] Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением нового коронавируса (2019-nCoV): мифы и ложные представления // Всемирная организация здравоохранения. 23.11.2020. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/myth-busters>. Дата обращения: 08.09.2020.
- [6] Free Press Unlimited. URL: <https://www.freepressunlimited.org/en/covid19>. Дата обращения: 16.09.2020.
- [7] Covid 19 Misinfo. URL: <https://www.covid19misinfo.org>. Дата обращения: 01.10.2020.
- [8] «Фейк о коронавирусе». Facebook впервые удалил пост Дональда Трампа, Twitter заблокировал его штаб // Британская вещательная корпорация. 06.08.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53674003>. Дата обращения: 06.08.2020.
- [9] Sittmann J. New Insights in the Battle against Misinformation // DW Akademie. 10.07.2020. URL: <https://www.dw.com/en/new-insights-in-the-battle-against-misinformation/a-54075437>. Дата обращения: 10.07.2020.
- [10] Медведев С. Эпидемия и инфодемия // Радио свобода. 18.03.2020. URL: <https://www.svoboda.org/a/30492846.html>. Дата обращения: 18.03.2020.
- [11] Brewer J. Anxiety Is Contagious. Here’s How to Contain It // Harvard Business Review. 18.03.2020. URL: <https://hbr.org/2020/03/anxiety-is-contagious-heres-how-to-contain-it>. Дата обращения: 18.03.2020.
- [12] Nitsche L. Digital Authoritarianism on the Rise? // DW Akademie. 15.05.2020. URL: <https://www.dw.com/en/digital-authoritarianism-on-the-rise/a-53445949>. Дата обращения: 15.05.2020.

REFERENCES

- [1] Yablokov I. *Russkaya kul'tura zagovora. Konspirologicheskie teorii na postsovetskom prostranstve* [Russian Culture of Conspiracy. Conspiracy Theories in the Post-Soviet Space]. Moscow: Alpina non-fiction; 2020: 39 (In Russ.).
- [2] Facebook i «VKontakte» udalili fejki o koronavirusе v Rossii [Facebook and VKontakte Have Removed Fakes about Coronavirus in Russia]. *Izvestiya*. 10.03.2020. URL: <https://iz.ru/985194/2020-03-10/facebook-i-vkontakte-udalili-feiki-o-koronaviruse-v-rossii>. Accessed: 10.03.2020. (In Russ.).
- [3] Koronavbros: Rossiya boretsya s lozhnoj informaciej ob epidemii COVID-19 [Coronavbros: Russia Is Fighting False Information about the COVID-19 Epidemic]. *Izvestiya*. 04.03.2020. URL: <https://iz.ru/983363/dmitrii-laru/koronavbros-rossiia-boretsya-s-lozhnoi-informacii-ob-epidemii-covid-19>. Accessed: 04.03.2020 (In Russ.).
- [4] UN Tackles ‘Infodemic’ of Misinformation and Cybercrime in COVID-19 Crisis. *United Nations*. URL: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/un-tackling-%E2%80%98infodemic%E2%80%99-misinformation-and-cybercrime-covid-19>. Accessed: 31.03.2020.
- [5] Rekomendacii VOZ dlya naseleniya v svyazi c rasprostraneniem novogo koronavirusa (2019-nCoV): mify i lozhnye predstavleniya [WHO Recommendations for the Public in Connection with the Spread of the New Coronavirus (2019-nCoV): Myths and Misconceptions]. *World Health Organization*. 23.11.2020. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/myth-busters>. Accessed: 08.09.2020. (In Russ.).
- [6] *Free Press Unlimited*. URL: <https://www.freepressunlimited.org/en/covid19>. Accessed: 16.09.2020.
- [7] *Covid 19 Misinfo*. URL: <https://www.covid19misinfo.org>. Accessed: 01.10.2020.
- [8] “Fake about the Coronavirus”. For the First Time, Facebook Deleted Donald Trump’s Post, Twitter Blocked his Headquarters. *BBC*. 06.08.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53674003>. Accessed: 06.08.2020 (In Russ.).
- [9] Sittmann J. New Insights in the Battle against Misinformation. *DW Akademie*. 10.07.2020. URL: <https://www.dw.com/en/new-insights-in-the-battle-against-misinformation/a-54075437>. Accessed: 10.07.2020.
- [10] Medvedev S. Epidemiya i infodemiya [Epidemic and Infodemic]. *Radio Svoboda*. 18.03.2020. URL: <https://www.svoboda.org/a/30492846.html>. Accessed: 18.03.2020 (In Russ.).
- [11] Brewer J. Anxiety Is Contagious. Here’s How to Contain It. *Harvard Business Review*. 18.03.2020. URL: <https://hbr.org/2020/03/anxiety-is-contagious-heres-how-to-contain-it>. Accessed: 18.03.2020.
- [12] Nitsche L. Digital Authoritarianism on the Rise? *DW Akademie*. 15.05.2020. URL: <https://www.dw.com/en/digital-authoritarianism-on-the-rise/a-53445949>. Accessed: 15.05.2020.

Информация об авторе:

Борхсениус Александра Викторовна – ассистент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-8592-3538) (e-mail: alex.borkhsenius@yandex.ru).

Information about the author:

Alexandra V. Borkhsenius – Assistant of the Department of State and Municipal Management, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-8592-3538) (e-mail: alex.borkhsenius@yandex.ru).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-59-71

Research article / Научная статья

Community Participation in the Reduction of Land Degradation: The Case Study of Shebel Berenta District, Amhara National Region State

A. Mengist, T. Nurie, M. Nega, G. Jmeberu

Debre Markos University,
A3, Debre Markos, Ethiopia

Abstract: Shebel Berenta district is one of the highland areas of Ethiopia highly prone to land degradation and drought by the report of the UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, (OCHA). Assessment of community participation to combat land degradation was the main objective of this study. Mixed research approach with concurrent triangulation design was followed. The target kebeles and the number of respondents were selected purposively. The sample size was found to be 368, which was determined by the Yemaneh (1967) formula and addressed through geographical listing method. Primary data was collected through Questionnaire, interview and FGD; whereas secondary data was also gained from researches, reports and different documents. The quantitative data was analyzed descriptively, and the qualitative data was analyzed using thematic analysis. The result shows that the trend of community participation is found to be decreasing/passive and dominated by the top down or planner centered approach of community participation as it was supported by 72.4% and 86.3% out of 149 and 219 total respondents from vulnerable and less vulnerable kebeles respectively. Incentives to inspire community participation are low and not adequate and resulted in the lack of willingness of the community. Lack of awareness, expansion of open grazing lands, lack of commitment from the people and government side, lack of consistency of Sustainable Land Management Practices (SLM), geographical barriers and others are the observed challenges of CP in the area.

Keywords: community, participation, land degradation, Ethiopia

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 19.10.2020. The article was accepted on 15.11.2020.

For citation: Mengist A., Nurie E., Nega M. Community Participation in the Reduction of Land Degradation: The Case Study of Shebel Berenta District, Amhara National Region State. *RUDN Journal of Public Administration*. 2021; 8(1): 59–71. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-59-71

© Mengist A., Nurie E., Nega M., Jmeberu G., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Участие сообщества в сокращении деградации земель: на примере района Шебель-Берента, национальный региональный штат Амхара

А. Менгист, Т. Нури, М. Нега, Г. Джмеберу

Университет Дебре Маркоса,
Эфиопия, Дебре Маркос, АЗ

Аннотация. Согласно отчету Управления ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ), район Шебель-Берента является одним из высокогорных районов Эфиопии, который сильно подвержен деградации земель и засухе. Оценка участия сообщества в борьбе с деградацией земель была основной целью этого исследования. В исследовании применялся смешанный подход с одновременным дизайном триангуляции. Кебеле (сельские коммуны), и количество респондентов были выбраны целенаправленно. Размер выборки составил 368, что было определено по формуле Йемана (1967) и определено с помощью метода географического перечисления. Первичные данные были собраны с помощью анкет, интервью и ДДГ (десульфуризация дымовых газов). Вторичные данные также были получены из исследований, отчетов и различных документов. Количественные данные были проанализированы с описанием, а качественные данные были проанализированы с использованием тематического анализа. Результат показывает, что тенденция участия сообщества снижается, преобладает подход к участию сообщества «сверху вниз» и плановый подход, поскольку его поддержали 72,4% и 86,3% из 149 и 219 респондентов из уязвимых и менее уязвимых кебеле соответственно. Стимулы, побуждающие к участию сообщества, невысоки и недостаточны, также проявляется отсутствие желания участия со стороны сообщества. Недостаточная осведомленность, расширение открытых пастбищ, отсутствие приверженности со стороны людей и правительства, непоследовательность практик устойчивого управления земельными ресурсами (УУЗР), географические барьеры и другие проблемы наблюдаются в этом районе.

Ключевые слова: сообщество, участие, деградация земель, Эфиопия

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 19.10.2020. Статья принята к публикации: 15.11.2020

Для цитирования:

Менгист А., Нури Т., Нега М., Джмеберу Г. Участие сообщества в сокращении деградации земель: на примере района Шебель-Берента, национальный региональный штат Амхара // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1. С. 59–71. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-59-71

Background of the study

Land is the most important natural resource all over the world. It is a place from which human beings are exploiting a number of resources [1]. The need to produce more is increasing from time to time due to an increase in population. However, land is losing its productivity due to a rising trend of land degradation [2]. It is estimated that 2/3rd of African land is already degraded to some degree and land degradation affects at least 485 million people or sixty-five percent of the entire African population [3].

Though Ethiopia is one of the well-endowed countries in sub-Saharan Africa in terms of natural resources and valuable diversity in the production

environment, it has been affected by the interlinked and reinforcing problems of land degradation [4; 5].

In Ethiopia, land degradation is a major cause of the chronic food insecurity widely experienced by the country’s largely rural population. In rural (mainly highland) areas, around 50 percent of the land is classed as degraded [6]. As the majority of Ethiopian agricultural lands are found in semi-arid regions, it makes the country to be susceptible to land degradation and desertification, given the fragility of dry land soils. 70% of Ethiopia is reported to be prone to desertification [7]. To overcome these problems, efforts have been made to launch afforestation and conservation programs; however, success to date has been limited.

Since 1970’s efforts have been made to rehabilitate degraded environments and stop the degradation processes. The largest work was that carried out between 1976 and 1988, in which communities were mobilized to participate either via food for work payments or just by force. Over this period, about 800,000 km of soil and stone bunds and 600,000 km of terraces were constructed; about 500 million tree seedlings were planted; about 100,000 ha of land with slopes of over 60% were closed for natural regeneration; and check dams were constructed along gullies over tens of thousands of km. The total area that was covered by these rehabilitation and conservation works was estimated at only 7% of the highlands that needed treatment. At that rate, it was feared, all the area in need of treatment could take some 70 years for rehabilitation.

The UN *OCHA* [8] draws the following map of Ethiopia and tries to show the drought affected areas and the causes. Accordingly, the Eastern part of East Gojjam zone is identified as one of the droughts affected areas because of the poor summer rain of 2015. As a result, many people were starved and since then the area is sensitive to drought and land degradation problems.

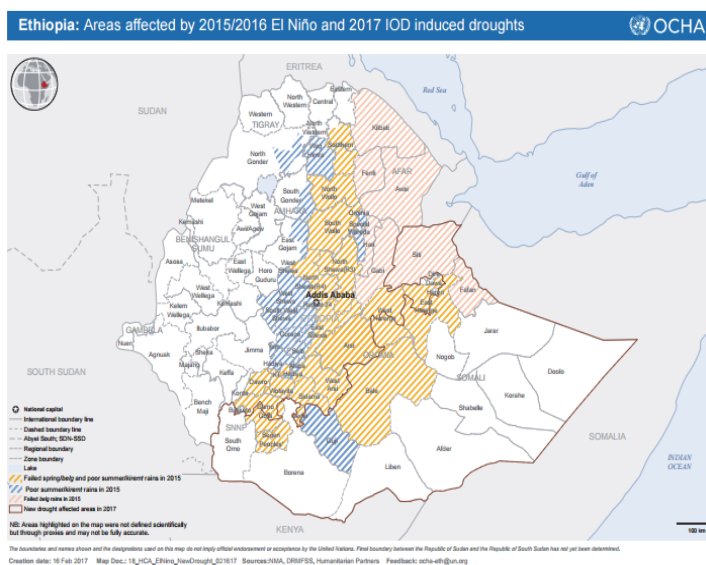

Fig. 1. Areas Affected by 2015/16 El Nino and 2017 IOD Induced Droughts by OCHA

This land degradation is mostly caused by soil erosion, deforestation, over grazing and population pressure. Therefore, assessing the level of community

participation towards combating land degradation is the main issue discussed in this paper.

Statement of the Problem

The concept of community participation (CP) is essential to the modern development processes. The governments and international community call for people involvement in development process that directly affect their life. Community may participate in different development activities such as building infrastructures such as roads, health services, environment protection, etc. The core issues related to CP are the involvement of people or community in development processes. It is the active voluntary engagement of individuals or group of people to change problematic conditions and to influence policies and programmes that affect the quality of their life and the life of others. Currently, participatory approach has been advocated as a modern approach of achieving development [9].

In Ethiopia, the heavy dependence of people's livelihoods on agriculture and inappropriate use of natural resources resulted in fast and vast land degradation [10]. On the other hand, development of agricultural sector partly depends on land productivity. However, this resource is seriously threatened by land degradation and aggravates the food insecurity problems in the country through its adverse impact on crop yield. The country could not feed its population at present and it will have difficulties doing in the near future partly due to serious land degradation [10].

To solve the problems of land degradation in the country, many efforts have been made since 1970s. A large number of soil and water conservation activities were implemented in different parts of the Ethiopian highlands in the 1970s and 1980s with a huge resource obtained from international community, particularly World Food Program (WFP).

Many researchers have done studies on land degradation in different parts of Ethiopia. For instance the study of Mesfin identified the challenges and prospects of land rehabilitation practices: a case of Angacha District, Kambata Tambaro Zone, SNNPR; Assessment of community participation in Sida's district support program activities in Amhara region: The case of Awabal district [9]; determinants of land degradation in the Lake Tana basin and its implications for sustain SLM: the case of Angereb and Gish-Abbay Watersheds [11]; CP and sustainable soil and water conservation management; the case of Zala-Daget Project: Dogu'a Tembien District, Tigray highlands [12]. Most of these researchers generally found out that there is High degree of LD in Ethiopia in general and in the highland areas in particular. However, as far as the researcher's knowledge is concerned, there is a research gap on the issue of what factors contributed behind the low participation of the community in combating LD. The study area however is identified as one of the places which were affected by El Niño and Indian Ocean Dipole (IOD) induced droughts for the last three years (2015–2017) by the study of the UN OCHA [8].

In an attempt to contribute in bridging the above stated gap, the study will focus on assessing CP in combating land degradation in East Gojjam Zone with specific case in Shebel Berenta District.

More specifically the study was interested to achieve the following objectives; to explore the extent of CP in combating LD, to identify the major challenges that hinders the participation of community in the reduction of LD in the study area, to assess the role of local government authorities in promoting CP towards the eradication of LD and, to examine the perception of the local community towards CP.

Theoretical and conceptual Frameworks

Several scholars recognized that real, people centered, active participation leads to development, which is truly empowering, whilst planner centered participation tends to be nominal with local people acting as the passive recipients of development [13]. The assumption is that local populations have greater interest in the sustainable use of natural resources around them than distant government.

The conceptual framework lies in explaining land degradation as the result of complex and multi-faceted factors; Ethiopia is among the poorest of countries and poverty and land and resource degradation appear to feed off each other [14]. The following chart explains such factors

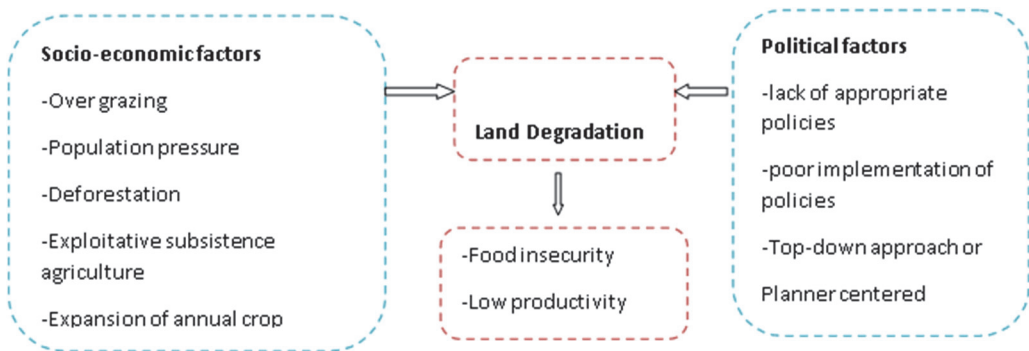

Fig. 2. Conceptual Framework
Source: [14].

Description of the Study Area

Shebel Berenta district is one of the 105 districts which is found in East Gojjam Administrative zone, Amhara National Regional State. It lies within 100 15' N to 100 30' N and 380 15' E to 380 27' E. It is found at about 293 km NE of Addis Ababa and about 28 km from Bichena. The district is bounded by South Wello zone in the east, Enargienawuga district in the north, Enemay and Dejen district in the northwest, and Oromia zone (Dera district) in the south. (Fig. 3). According to the 2007 Census, the total population of the district is 125,572 inclusive of the urban population. The district is organized into 19 kebeles (sub-districts) [15].

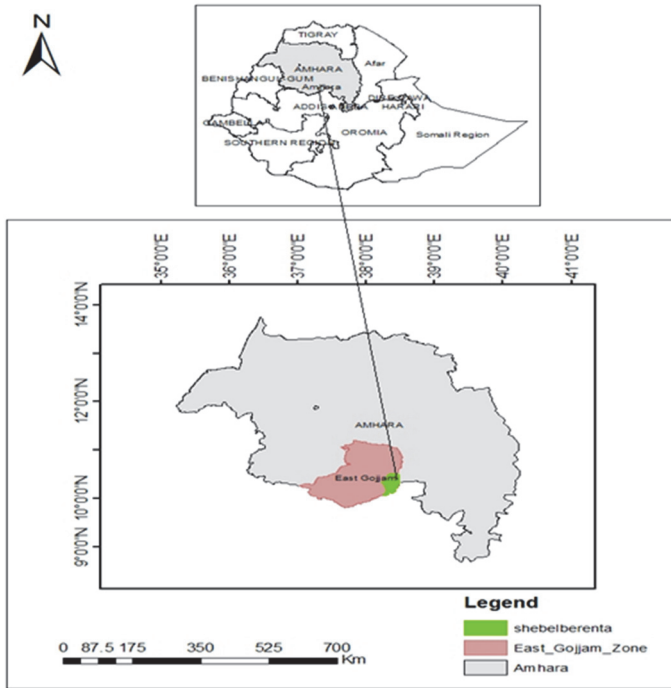

Fig. 3. Map of the Study Area
Source: [15].

Justification for Selection of the study Area

The reason behind the selection of Shebel Berenta District is due to the fact that the region is one of the highland areas of Ethiopia highly prone to land degradation and drought[8]. In an effort to alleviate this problem measures like soil conservation, afforestation, and other mechanisms were employed. Although these efforts were made the problem is still severe. According to the researcher’s empirical observation and informal interview with East Gojjam zone land administration department officers, the situation of land degradation in the region is worsening and lacks adequate community participation.

Methodology of the Study

Both quantitative and qualitative methods with concurrent triangulation design, seeking to confirm, cross-validate or corroborate findings and used to overcome a weakness in one method with the strengths of another, were adopted. Using a combined approach would therefore enable the researcher to “collect numerous forms of data and examine them from various angles to construct a rich and meaningful picture of a complex, multifaceted situation” [16].

The quantitative data was gathered from respondents resided in both vulnerable and less vulnerable kebeles of the study area (where the sample size was determined by Yemane, 1967 formula), and the qualitative type of data was gathered through FGD and interview. Farmers, officers from the District Agriculture and Rural Development Office has been participated. Finally, the data was analyzed through descriptive and thematic analysis. The trustworthiness of the study was assured by preparing the questionnaire and interview guideline and evaluates by professionals until the end of the data collection process. We also

used colleague and peer review throughout the whole research process. Furthermore, to maintain its reliability, triangulation was done.

Table 1

Sample Size

Kebele Name	Members of PA’s	Male	Female	Male samples	Female samples	Total
<i>Ansheb</i>	927	745	182	58	14	72
<i>Gebisit</i>	989	817	172	64	13	77
<i>Mozen</i>	1575	1227	348	96	27	123
<i>Gedaeyesus</i>	1234	1015	219	79	17	96
	4725	3804	921	297	71	368

Source: compiled based on the annual report of the district environmental protection office (Own survey, February 2019).

Interpretation of Results and Analysis

This study is based on the land care approach of UNCCD where people centered community participation as [17] is important to ensure sustainable land management to protect dry lands and reverse the degradation of productive lands. Land care provides a sound, knowledge-based approach from the bottom up, and it is similar with the White’s (1996) active community participation which further is linked with the general Participatory Rural Appraisal (PRA) approach.

According to the report of the district crop production team leader, currently though there are around eight community groups/teams that are established to execute the task of environmental protection activities, only peasant development association is active, others are passive, pseudo groups and even some of them are on the verge of demolish. Therefore, the researchers were interested to draw samples from this group for questionnaire and the team leaders, together with the district crop production department and the head of environmental protection were addressed through interview.

The eight community organizations established for combating LD in the study area includes: Peasant Development Associations, 1 to 5 Development Associations, Central Committee Association, Youth’s Association, Cell Management, Civil Servant’s Association, Evaluation Team and Women’s Team.

Trend/Extent of CP

The perception of farmers towards CP for combating LD and the trend of participation are discussed. To do so respondents from the vulnerable and the less-vulnerable areas were asked four questions. Table 2 summarizes the questions asked and the responses.

Government takes the lions share in motivating the people to participate in SLM projects. The tendency for such activities to be emerged from the people is found to be low in both groups of participants. It shows that the domination of “planner centered” approach or the top-down type of community participation

adopted by Theron one-way flow of information from the planners to the community which is labeled as non-inclusive and less effective level/type of participation. Bersisa and Melesse [17] further founded that natural resource conservation approaches were not based on genuine CP.

Table 2

Trend of CP at Shebel Berenta District

No.	Item	Response	Vulnerable kebeles		Less Vulnerable kebeles	
			Freq.	%	Freq.	%
1.	the level of CP	Increasing	41	27.6	30	13.7
		Decreasing	108	72.4	189	86.3
2.	Who motivates the you to engage in protecting LD	Government	98	65.7	158	72
		The people	24	16	20	9.3
		NGOs	36	24.3	41	18.7
3.	Reason to participate in protecting LD	Fear of punishment	109	73	61	27.8
		Peer pressure	25	16.8	156	71
		To save nature	15	10.2	2	0.9
4.	Incentives by the government or NGOs	Yes	63	42.3	201	91.7
		No	86	57.7	18	8.3

Source: own sample survey, May 2019.

This argument was also supported during the FGD discussion held at Ansheb kebele. Discussants said that all of environmental protection projects are initiated totally by the government bodies and they lack consistency (FGD, Ansheb May 2019).

(73%) of respondents said that fear of punishment is the major reason to participate in combating land LD vulnerable areas. In less vulnerable areas the reason is found to be peer pressure (71%) and to some extent fear of punishment at is supported by 27% of them. The tendency to use forceful measures had been practiced in similar activities in Ethiopia during 1976 and 1988 as Berhe and Chadhokar stated. Popular participation should be based on the interest rather than intimidation and punishments from the side of the government. In any case, it can be a witness that the people have negative attitude towards community participation.

42.3 % of the respondents from vulnerable areas said that there are incentives coming from either governmental or NGOs, whereas 97.1% of the respondents from the less vulnerable areas said that incentives in the form of trainings, supply of improved seeds and other farming technologies are available. Hence one can infer that vulnerable areas are a little bit marginalized as far as incentives are concerned.

As Badege [6] argues economic incentives are very important aspects of PRA and should be implemented by rural people which may involve supplying seeds and seedlings, either free of charge or at a nominal price, ensuring an

adequate supply of hand tools, temporary food aid and encourage them to engage in environmental conservation activities, as it was done during 1970s and 80s by WFP. In due course the absence of incentives as in the case of the vulnerable areas makes the community to be bored and reluctant to preserve the environment.

The role of Governmental and Non-Governmental organizations for CP

Agri-service, Red Plus, Safety Net and PFM (Participatory Forest Management) are some of the NGOs working in the area. An interview with the head of the district environmental protection office shows that NGOs are mostly engaged in delivering trainings, biological works like afforestation and establishing “model rehabilitated sites” so that it can be shared by farmers and expanded to other areas.

Table 3

The role of Government and NGOs in supporting CP

No.	Item	Response	Freq.	%
1.	the kind of support gained from government and non-government sectors	Material	19	5
		Trainings	298	80.9
		No support at all	51	13.8
2.	When you visited by such agents	During field work time	25	6.7
		After the field work	187	50.8
		Before the field work	105	28.5
		Before and after field work	51	13.8
3.	the role of these agents when they came to you	As a facilitator	46	12.5
		As a visitor	225	61
		As evaluator and punisher	97	26.3
4.	describe the level of support	Sufficient	21	5.7
		Medium	61	16.6
		Insufficient	286	77.7

Source: own sample survey, May 2019.

Accordingly, 80.9% of the total respondents said that the support coming from concerned bodies is in the form of trainings while 13.8% of them replied that they don’t get any kind of support. They added that such bodies visited them mostly after the field work as it is supported with 50.8% of the respondents. 28.5% of them however said that they are visited even before the field works. Insignificant number of respondents argued that the visit is during the field work (5%). This argument was supported with the FGD held at Yeduha town (March 2019). The Ethiopian environmental policy assures that the government shall provide the necessary technical, material and financial supports to empower and participate local communities in resources and environmental management.

Key informant interview at Geda Eyesus was found important with the above table. It stated as

“The kebele extension and crop production officers are always busy at meetings at district level; they meet with the local rural community some days usually on Sunday or during some particular religious’ monthly festival. It is

rarely possible to get them with the community at the filed. They consider themselves as a king and we frightened them” (interview with a farmer at Geda Eyesus, March 2019).

Finally, the level of support from government and non-government bodies is rated as insufficient by 77.7% of the respondents and medium by 16.6% of them.

Challenges of Community Participation in Relation to Land Degradation

It is important to rank the challenges to community participation and the overall SLM practices in their order of influence. Reminding that vulnerable and less vulnerable areas may face different challenges and they will rate according to their respective order of influence.

Table 4

Challenges of CP in vulnerable and less vulnerable areas

No.	Factors influencing CP negatively	Vulnerable areas			Less vulnerable areas		
		Rank	Freq.	%	Rank	Freq.	%
1.	Expansion of open grazing land	1	67	44.9	1	85	38.8
2.	low commitment of government	2	63	42	2	72	32.8
3	Geographical barriers (steepness, aridity and remoteness)	3	54	36	8	30	13.6
4.	Low level of awareness	4	46	30.8	7	38	17
5.	Shortage of land	5	40	26.8	6	48	21.9
6.	Lack of consistency	6	38	25.5	4	66	30
7.	No incentives	7	27	18	3	70	31.9
8.	low community willingness	8	23	15	5	54	24.6

Source: own filed survey (March, 2019).

As indicated in table 4.4 above, eight influencing factors are identified which affects the low level of community participation in the study area. Expansion of open grazing land and low commitment of government contributes a lot for the passive trend of community participation in both vulnerable and less vulnerable areas as it is ranked first and second by 44.9 % and 42% in vulnerable areas and 38.8% and 32.8% in less vulnerable areas respectively.

Geographical barriers like, (steepness, aridity and remoteness) of the area is the third factor curbing community participation. According to the interview data gained from the district agriculture office, kebeles near to the Abay gorge (bordering Wollo [18]) are very susceptible to land degradation and drought problem as the physical topography is not comfortable to SLM works. To the opposite, topography is relatively no longer a bigger challenge for the less vulnerable areas.

Lessons where Vulnerable Kebeles Could Learn from the Non-vulnerable Ones

There are indigenous and modern techniques SLM practiced in the study area mainly to conserve the environment and curb LD and related problems. They

are grouped in to physical and biological works. Physical works includes those activities done on the topography to change the structure so that it could be more conducive for curbing soil erosion and other problems. Examples of physical works are terracing, area closure, check dams etc. Biological works are those activities which are done to preserve the biodiversity for instance afforestation, community forestry programs, production and cultivation of seeds, trees and other plants and adopting model areas. These tasks are implemented in both areas. But due to geographical barrier vulnerable areas do not get adequate incentives from the concerned governmental and NGOs. Researchers observed that all the model areas (biological tasks) have been done in less vulnerable areas, which are near to the town. In addition, the community resided in vulnerable kebeles should build infrastructure, especially road and increase the accessibility of the locality to transportation so that it can get adequate incentives and support from the concerned bodies.

Concluding Remarks

As the El Niño global climatic event significantly affected the 2015 meher/summer rains on the heels of failed *Belg/ Spring* rains in 2015, driving food insecurity, malnutrition and serious water shortages in many parts of the country and particularly Shebel Berenta is one of such areas which seriously threatened.

The results show that the community is found to be more effective in their private plots than communal tasks. The willingness for community participation is low, fear of punishment from the government and peer pressure is the motivating factor for the vulnerable and the less vulnerable areas respectively. Even though incentives are very important aspects of PRA and should be implemented by rural people to inspire them, government is failed to generate adequate incentives.

Trainings are given sometimes for group leaders, but there is no government body, including the kebele extension worker who visited them during the field work. Ultimately, the level of support from government and non-government bodies is rated as insufficient.

Community participation in the study area is found to be passive and faced with the following major challenges; projects lacks consistency, low commitment from the side of government and no willingness of the community, expansion of open grazing land, geographical barriers, lack of incentives, shortage of land and the like.

Recommendations

Based on the findings of the study the following possible propositions are suggested.

The old model or the top-down approach is still dominant, and it needs to be evaluated at the field than merely accepting the weekly or monthly reports. Adequate awareness about the participation, environmental problems, the possible causes and consequences of environmental problems and incentives should be given to the local community since we observed low perception of farmers

towards community participation and most of them are being hesitant probably due to lack of awareness. The district local government should adopt guidelines and can determine the maximum number of cattle per household or tightening the way where and how animals should stay.

REFERENCES

- [1] Taffa T. *Soil and Water Conservation for Sustainable Agriculture*. Addis Ababa: Mega Publishing Enterprise; 2002.
- [2] Woldeamlak B. Land Degradation and Farmers' Acceptance and Adoption of Conservation Technologies in the Digil Watershed, Northwestern Highlands of Ethiopia. *OSSERA (Social Science Research Report Series)*. 2003; 29: 65.
- [3] *Presentation of the ECA Annual Report by Mr Vitor Caldeira, President of the Court*. 2007. URL: <https://www.eca.europa.eu/en/Pages/NewsItem.aspx?nid=2970>. Accessed: 23.09.2020
- [4] Gete Z., et al. *Integrated Watershed Management Experiences in ECA Countries: Lessons from Ethiopia*. Nairobi: ICRISAT; 2006.
- [5] UN Environmental, Natural Resources, Water and Disaster Risk Management Unit Sustainable Development Department *Sustainable Land Management Project for Federal Democratic Republic of Ethiopia*. W.: US; 2014.
- [6] Badege B. Deforestation and Land Degradation on the Ethiopian Highlands: A Strategy for Physical Recovery. *International Conference on African Development*. Michigan: Western Michigan University; 2001.
- [7] ELD Initiative, UNEP. *The Economics of Land Degradation in Africa: Benefits of Action Outweigh the Costs*. 2015. URL: www.eld-initiative.org. Accessed: 20.09.2020.
- [8] Ethiopia, Areas Affected by 2015/16 EL Nino and 2017 IOD Induced Droughts. *OCHA (the UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs)* 2017. URL: <https://www.humanitarianresponse.info/en/node/140873>. Accessed: 20.09.2020.
- [9] Addis G. *Assessment of Community Participation in Sida's District Support Program Activities in Amhara Region: The case of Awabel District*. Addis Ababa University; 2005.
- [10] Genene T. *Farmers Perception of Land Degradation and Determinants of Household Food Security Status at Middle Catchments of Bilate Watershed* (MA Thesis). Addis Ababa University; 2006.
- [11] Getachew A., Wagayehu B. Determinants of Land Degradation in the Lake Tana Basin and its Implications for Sustainable Land Management: The Case of Angereb and Gish-Abbay Watersheds. *Environmental Science*. 2007.
- [12] Gebremedhin Y. *Community Participation and Sustainable Soil and Water Conservation Management: The Case of Zala- Daget Project: Dogu'a Tembien District*. Tigray; 2004.
- [13] Twyman C. Participatory Conservation? Community-based Natural Resource Management in Botswana. *The Geographical Journal*. 2000; 166 (4): 323–335.
- [14] Berry L. *Land Degradation in Ethiopia: Its Extent and Impact*. Washington, DC: The World Bank; 2003.
- [15] *CSA Summery and Statistical Report of the 2007 Population and Housing Censes: Population Size by Age and Sex*. Addis Ababa: United Nation Population Fund (UNFPA); 2008: 145–148.
- [16] Leedy P.D., Ormrod J.E. *Practical Research: Planning and Design*. Pearson; 2018.
- [17] Bersisa K., Melesse A. *Local Communities' Accountability for Natural Resource Conservation: A Comparative Study of Chiro and Fiche*. Ethiopia; 2014.
- [18] SARDP (Sida Amhara Rural Development Programme) District Development Support in East Gojjam and South Wollo Zones. *Programme Document SARDP Phase III July 2004 – June 2008 Revised in August 2005*. Bahir Dar University; 2005.

Information about the authors:

Adane Mengist – MA in Governance and Development Management, MSc in Geography and Environmental Studies, Lecturer of the Department of Civics and Ethical Studies, Debre Markos University (Ethiopia) (ORCID ID: 0000-0003-2524-7213) (e-mail: adanemengist@gmail.com).

Tsegahun Nurie – MA in Urban and Regional Studies, Lecturer of the Department of Geography and Environmental Studies, Debre Markos University (Ethiopia) (ORCID ID: 0000-0003-4705-851X) (e-mail: tsegahunnurie@gmail.com).

Mulugeta Nega – MA in Governance and Development Studies, Lecturer in the Department of Civic and Ethical Studies, Debre Markos University (Ethiopia) (ORCID ID: 0000-0002-0587-4730) (e-mail: mnega41@gmail.com).

Genanew Jmeberu – MA in Gender and Development, Lecturer of the Department of Civics and Ethical Studies, Debre Markos University (Ethiopia) (ORCID ID: 0000-0003-2524-7213) (e-mail: genanewjemberu@gmail.com).

Информация об авторах:

Менгист Адане – магистр управления и управления развитием, магистр географии и экологических исследований, преподаватель кафедры гражданских и этических исследований Университета Дебре Маркос (Эфиопия) (ORCID ID: 0000-0003-2524-7213) (e-mail: adanemengist@gmail.com).

Нури Цегехун – магистр городских и региональных исследований, преподаватель кафедры географии и экологических исследований Университета Дебре Маркос (Эфиопия) (ORCID ID: 0000-0003-4705-851X) (e-mail: tsegahunnurie@gmail.com).

Нега Мулугета – магистр управления и исследований в области развития, преподаватель кафедры гражданских и этических исследований Университета Дебре Маркос (Эфиопия) (ORCID ID: 0000-0002-0587-4730) (e-mail: mnega41@gmail.com).

Джмеберу Генанью – магистр гендерных вопросов и развития, доцент, преподаватель кафедры гражданских и этических исследований Университета Дебре Маркос (Эфиопия) (ORCID ID: 0000-0003-2524-7213) (e-mail: genanewjemberu@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-72-79

Research article / Научная статья

Implementation of E-Government as a Public Service Innovation in Indonesia

I. Farida, A. Lestari

University of Bandar Lampung,
29, Pagar Alam, Labuhan Ratu, Lampung, Indonesia, 35142

Abstract. E-Government implementation is the use of technology, information, and communication to realize more efficient and effective government practices in the process of implementing public services in order to facilitate public access to information and create principles of accountability, transparency and good public participation in the Indonesian government. This study aims to explain the implementation of E-Government in Indonesia which encourages the development of information and data systems and is adapted to existing bureaucratic processes. The method used in this research is qualitative research methods. The results showed that public service innovation organized by the government of the Republic of Indonesia was able to create relationships between elements in a country online, not inline, so that efficiency and speed in public services was not only a symbol but a reality.

Keywords: implementation, e-government, innovation, public service, Indonesia

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 29.11.2020. The article was accepted on 10.12.2020.

For citation:

Farida I., Lestari A.I. Implementation of E-Government as a Public Service Innovation in Indonesia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2021; 8(1): 72–79. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-72–79

Внедрение электронного правительства как инновации государственной службы в Индонезии

И. Фариды, А. Лестари

Университет Бандар-Лампунг,
35142, Индонезия, Лампунг, Лабухан Рату, Пагар Алам, 29

Аннотация. Внедрение электронного правительства – это пример использования информационных и коммуникационных технологий для реализации более эффективных и действенных правительственных практик в процессе реализации государственных услуг с целью облегчения доступа общественности к информации и создания принципов подотчет-

© Farida I., Lestari A., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ности, прозрачности и надлежащего участия общественности в деятельности правительства Индонезии. Это исследование направлено на объяснение особенностей внедрения электронного правительства в Индонезии, которое способствует развитию информационных систем и баз данных и адаптировано к существующим бюрократическим процессам. Данное исследование опирается на использование качественных методов. Полученные исследовательские результаты показали, что инновации в сфере общественных услуг, организованные правительством Республики Индонезия, смогли сформировать отношения между участниками коммуникации в стране в режиме онлайн способствовал реальному росту эффективности и скорости предоставления государственных услуг.

Ключевые слова: внедрение инноваций, электронное правительство, инновации, государственная служба, Индонезия

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 29.11.2020. Статья принята к публикации: 10.12.2020

Для цитирования:

Фарида И., Лестари А. Внедрение электронного правительства как инновации государственной службы в Индонезии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1. С. 72–79. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-72-79

Introduction

E-Government implementation in Indonesia is not only understood as a form of transferring the work of government institutions from manual labor systems to computerized or online-based systems. However, philosophically, the implementation of E-Government according to Aritonang [1] is a form of bureaucratic work that dynamically experiences distortions in the external environment of the organization or there are demands that require change. So clearly the implementation of E-Government is part of the change in the mindset of the bureaucracy, which has been considered slow and has many openings for mistakes to occur. Implementation of E-Government requires the development of information and data systems and alignment with existing bureaucratic processes, so that by utilizing information communication technology will support the bureaucratic process optimally. Implementation of E-Government requires planning and design of a mature model by looking at the following needs: a) compatibility between the vision, mission and objectives of E-Government with the vision, mission and objectives of government; b) there is a synchronization between the data information system and the bureaucratic process; c) appropriate strategies; d) have a structured and gradual process; and e) the existence of adequate human and financial support [2].

Based on this explanation, it can be seen that the implementation of E-Government is the use of technology, information and communication to realize more efficient and effective governance practices in the process of implementing public services, to make it more affordable and to expand public access to information, so as to create the principle of accountability, transparency and high public participation in government. In the implementation of E-Government in

Indonesia, the services provided by government institutions can minimize bureaucratic work and ultimately services that are efficient, effective, economical and just for the community at large [3].

By looking at the benefits that will be generated from the implementation of E-Government in Indonesia, it can be said that implementation is a must in order to create better public services [4]. In Indonesia, the development of E-Government has been determined by the government through Presidential Instruction of the Republic of Indonesia No.3 of 2003 concerning National Policy and Strategy. According to the Instruction, E-Government Development is an effort to develop electronic-based government administration in improving the quality of public services effectively and efficiently [3; 4].

In preparing the strategic plan for E-Government development, the government of the Republic of Indonesia has a role as a policy provider regarding the E-Government development strategy by providing directions on the preparation of E-Government strategic plans to all government agencies in accordance with the context of each of these agencies. E-Government or electronic-based government is increasingly playing an important role for all decision makers [4]. Traditional government which is identical to paper-based administration has begun to be removed and changed [5]. Thus the implementation of E-Government in every government institution from central to regional will provide services without the intervention of public institution employees and a long queue system just to get a simple service, the use of technology that makes it easier for the public to access information can reduce corruption by increasing corruption. transparency and accountability of public institutions, it is possible for the public to be actively involved in decision making or policies by the government, which can improve the productivity and efficiency of the bureaucracy and increase economic growth in Indonesia.

Research Methods

In this study, the method used is qualitative research methods through literature study. Qualitative research is research that produces descriptive information and data contained in the text under study [6; 7]. The data used comes from secondary data relating to the implementation of E-Government in Indonesia. The research data collection method is carried out by the method of documentation that refers or collects documented materials [8; 9]. Meanwhile, the data collection tool used is documentation study, namely study by studying data in the form of books, research reports, journals, seminar papers, writings of experts, and the laws of the Republic of Indonesia relating to research material. The research data were analyzed using content analysis. Content analysis is carried out on all secondary data collected, but content analysis is mainly carried out on documents in the form of books, laws and regulations and relevant journals.

The Concept of Innovation in Improving the Quality of Public Services

Innovation is something that introduces new ideas, new goods, new systems, new approaches or even renewable ways of service so as to provide more benefits

for the wearer. In particular, innovation in the public sector can be defined as the application of new ideas in implementation, characterized by a significant change in steps, so that the implementation process will have a significant impact on organizational changes and the organizational structure of the public sector [10].

Innovation in public services has a distinctive characteristic, namely its intangible, because service and organizational innovation is not based solely on unseen products but on changes in the relationship of the perpetrator, namely between service providers and service receivers or relationships between various parts of the organization or partners an organization [2]. The process of forming an innovation can be driven by various situations, generally innovation in public services can be created in the form of initiatives such as:

- a. Partnerships in public service delivery, both between government and government (G2G), government with the business sector (G2B), Government with society (G2C), and government with employees (G2E);
- b. Use of information technology for communication in public services;
- c. Procurement or establishment of service institutions that clearly increase the effectiveness of services (health, education, law or public safety);
- d. Increasing the enrichment of the role of the internal government system that previously existed in society [11].

Innovations in service methods are new changes in interacting with customers or new ways of providing services [12]. Innovations in system interaction include new or updated ways of interacting between actors in the governance framework. We can see the typology of public sector innovation based on Figure 1 below:

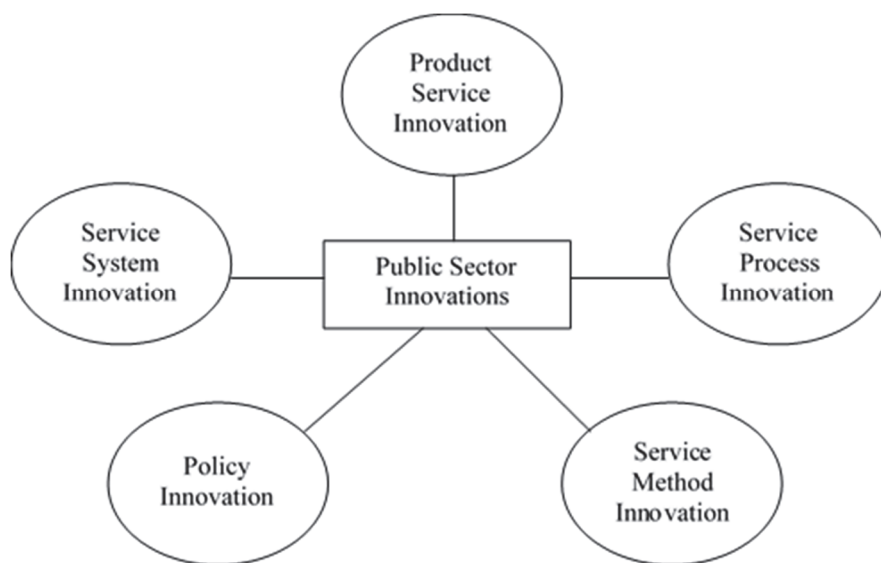

Figure 1. Typology of Public Sector Innovation
Source: Gonçalo [13].

Innovation in the public sector is one way to overcome the impasse of public organizations. The characteristics of the public sector system are known to be rigid, rigid and tend to be status quo, so they need to be disbursed through the

transmission of a culture of innovation. Based on the opinion of Gonçalo [5] as a public sector organization can adopt innovation through the following stages:

a. Initiation or pioneering.

This stage consists of the general setting and matching phases, where initiation is the initial stage in the introduction of situations and problems faced by the organization. The agenda setting stage is carried out as a process of identifying and prioritizing needs and problems. This stage often takes a very long time, where at this stage, a performance gap or performance gap is usually identified. The gap that appears is what will trigger the innovation search process in the organization. Next is the matching phase, which is the stage where problems have been identified and adjustments need to be made to the innovation to be adopted. This stage ensures the feasibility of the innovation to be applied to the organization's performance.

b. Implementation or application.

In the initiation stage, a decision has been made to seek and accept innovations that are considered to be able to solve organizational problems, then at the implementation stage there are redefinition, clarification and routineization phases. In the redefinition phase, all the innovations that are adopted begin to lose their foreign character. Innovation has gone through a re-invention process, so that it is closer to accommodating the needs of the organization. In this phase, both innovation and organization have redefined each other and have undergone a process of change to suit each other. In general, there are at least changes to the organizational structure and patterns of leadership approaches in the organization.

Implementation of E-Government as a Public Service Innovation in Indonesia

The implementation of public services is a state effort to fulfill the basic needs and civil rights of every citizen of goods, services and administrative services [14]. An objective assessment of the services provided to public service providers shows that they are still not effective, efficient, economical and do not even see aspects of social justice so that they have a dimensional impact on the bureaucracy with the emergence of public service practices that deviate from the government [15].

Changes from the impact of globalization, which resulted in the acceleration of change dynamically delivered a message to every modern organization to be responsive to technological advances and the rapid flow of information that can be captured by the wider community [16]. Because this change is the best solution for organizations, especially public sector organizations, in meeting the aspects of transparency, accountability and public participation. Integration of government administration systems through an integrated online information network. This needs to be developed, especially in the provision of services through accessibility which includes the availability of data and information in agencies that can be analyzed and utilized quickly, accurately and safely [17].

E-Government is an internet-based application product which is realized based on the needs of the current internetization era. E-Government is managed

by the government for online services that connect a relationship between government and government (G2G), government and business actors (G2B), and government and civil society (G2C). The following is an illustration or description of the patterns and references to standardization of web-based public services in local governments [18]:

Implementation of E-Government in Indonesia which has been commonly implemented and regulated is the creation of a government website, where the website is a strategy in implementing the development of the E-Government concept systematically through realistic and measurable stages. The objectives of implementing E-Government in Indonesia in general are as follows:

- a) Creating a better business environment;
- b) Creating online consumers who are more effective and efficient in serving and receiving services;
- c) Strengthen to be good governance and expand public participation;
- d) Increase government productivity;
- e) Improve the quality of life and public interest. [18; 19].

The implementation of good public services, depending on the condition of the bureaucracy in a country. The bureaucratic condition provides its own climate for the implementation of optimal public services. Efforts to make a good bureaucracy by prioritizing effective and efficient values can be answered with the concept of E-Government which is part of innovation in changing the mindset of the bureaucracy that has been rigid and convoluted. E-Government with a real concept and making bureaucratic flow easy is an indispensable innovation in the development of public services [14].

The E-Government approach cannot be developed in a bottom-up manner, this fact is that if it is carried out bottom-up, the more difficult it is to integrate the results to the top. This condition requires a leadership commitment (political will) to determine the policy direction of implementing e-Government. The right solution is to find the right leadership pattern for the application of the E-Government concept, so that it can be realized in a sustainable manner. The definition of political will mentioned provides the main concept developed by Indrajit [19] in the framework of planning and developing E-Government. Without a leadership political will, it is impossible for E-Government to be successfully implemented nationally, so that the political will is:

1. Support for political leadership has a sustainable commitment;
2. Availability of allocated funds that have been budgeted and are ready to be disbursed;
3. Agreement to carry out cross-sectoral coordination;
4. Intention to start compiling related regulations in support of initiatives for implementing E-Government;
5. Readiness of government resources to learn and change the way of working in accordance with the desired transformation; and
6. Efforts to make system improvements so that E-Government can take place in a sustainable and consistent manner [20].

The good application of E-Government in the regions needs to get great attention for the central government to harmonize and implement it nationally so

that E-Government is not only understood by a handful of groups who want change, but that change must be formulated into the big agenda of this country in facing global challenges. currently. Based on the above opinion also, that E-Government cannot be carried out or implemented bottom-up, but must be strengthened from above, considering that investment in the application of E-Government will be very costly and require long stages to be implemented, then the key The success lies in the visionary leadership to commit to change through the application of E-Government as the basis for implementing public services that can create prosperity for the community at large. There are complex problems faced in the application of the E-Government system to improve governance. The main problem is resistance and indecision when facing new innovations to break old habits. Siagian [4] summarizes three major aspects of the problem in the application of the E-Government system, one of which is the cultural aspect which becomes a real problem, this can be seen from the resistance and rejection of the public and government against the E-Government system. This is an obstacle for the government of the Republic of Indonesia to innovate.

Conclusion

Based on this description, it can be concluded that in the implementation of E-Government as the basis for public service innovation organized by the government of the Republic of Indonesia, it aims to create relationships between elements in a country online, not inline. E-Government provides a signal for public sector organizations that have a priority in the public interest to provide services without bureaucratic intervention in creating services that are simple and highly valuable, efficient and effective. This condition is inseparable from realizing a good governance framework in reforming its services by changing service procedures and changing the mission and culture of the bureaucracy from a culture of controlling behavior to a culture of making it easier for citizens to obtain public services in Indonesia.

REFERENCES

- [1] Aritonang D. The Impact of E-Government System on Public Service Quality in Indonesia. *European Scientific Journal*. 2017; 13 (35): 99–111. DOI: 10.19044/esj.2017.v13n35p99
- [2] Asmuni W. *Opportunities and Challenges in Implementing E-governance in the Context of Regional Autonomy*. Surabaya: Airlangga University; 2019.
- [3] Dwiyanto A. *Realizing Good Governance Through Public Services*. Yogyakarta: Gadjah Mada University Press; 2018.
- [4] Farida I., Setiawan R., Maryatmi A.S., Juwita M.N. The Implementation of E-Government in The Industrial Revolution Era 4.0 in Indonesia. *International Journal of Progressive Sciences and Technologies*. 2020; 22 (2): 340–346.
- [5] Mansour F. *The Collapse of Development Theory and Globalization*. Yogyakarta: Insist Press, 2018.
- [6] Setiawan R. Peranan Etika Aparatur Sipil Negara Dalam Pelayanan Publik Pada Dinas Kependudukan Dan Catatan Sipil (Disdukcapil) Kota Bandar Lampung. *Jurnal e-JKPP*. 2016; 2 (2): 46–57 (In Indon.).
- [7] Thoha M. *Bureaucracy of the Indonesian Government in the Reformation Era*. Jakarta: Kencana Prenada Media Group; 2011.

- [8] Creswell J.W. *Research Design: Qualitative, Quantitative and Mixed Approaches*. Yogyakarta: PT Student Library; 2015.
- [9] Mustafa D. *Government Bureaucracy*. Bandung: Alfabeta; 2017.
- [10] Farida I., Setiawan R. Leadership in Cope With Prostitute in Social Department of Bandar Lampung. *International Journal of Social Sciences And Development*. 2018; 2 (1): 1–8. DOI: <https://doi.org/10.24967/saburaiijssd.v2i1.325>
- [11] Moleong L. *Qualitative Research Methodology*. Bandung: Remaja Rosda Karya; 2013.
- [12] Robbins S.P. *Organization Theory: Structure, Design, and Application*. Jakarta: Arcan; 2015.
- [13] Gonçalo P.D. Fifteen Years of E-Government Research in Ibero-America: A Bibliometric Analysis. *Journal Elsevier/ Government Information Quarterly*. 2019; 36 (3): 400–411. DOI: [10.1016/j.giq.2019.05.008](https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.05.008)
- [14] Setiawan R., Abdurahman A., Pertiwi P.G., Saputri S. Reaksi Perekonomian Rusia Ditengah Pandemi Covid-19. *Adalah*. 2020; 4 (1). DOI: [10.15408/adalah.v4i1.17935](https://doi.org/10.15408/adalah.v4i1.17935)
- [15] Setiawan R. Partisipasi Publik Dalam Program Bantuan Listrik Pedesaan Masyarakat Kabupaten Mesuji. *Jurnal e-JKPP*. 2017; 3 (3): 82–92.
- [16] Sanjaya P. *Public Administration Theories and Applications of Good Governance*. Bandung: Rafika Aditama; 2016.
- [17] Sedarmayani *Public Administration Reform, Bureaucracy Reform, and Future Leadership*. Bandung: Refika Aditama; 2017.
- [18] Setiawan R., Melinda E. Optimization of the Implementation of Village Government in Indonesia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (4): 352–360.
- [19] Wibawa S. *State Administration of Contemporary Issues*. Yogyakarta: Graha Ilmu; 2018.
- [20] Widodo J. *Building Performance-Based Bureaucracy*. Malang: Bayumedia Publishing; 2019.

Information about the authors:

Ida Farida – Lecturer of the Department of Public Administration, University of Bandar Lampung (Indonesia) (ORCID ID: 0000-0002-7408-4214) (e-mail: ida.farida@ubl.ac.id).

Annisa Lestari – Lecturer of the Department of Public Administration, University of Bandar Lampung (Indonesia) (ORCID ID: 0000-0002-9598-5679) (e-mail: annisaikalestari313@gmail.com).

Информация об авторах:

Фарида Ида – преподаватель кафедры государственного управления Университета Банда-Лампунг (Индонезия) (ORCID ID: 0000-0002-7408-4214) (e-mail: ida.farida@ubl.ac.id).

Лестари Анниса – преподаватель кафедры государственного управления Университета Банда-Лампунг (Индонезия) (ORCID ID: 0000-0002-9598-5679) (e-mail: annisaikalestari313@gmail.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-80-88

Научная статья / Research article

Каспийский регион в условиях новых геополитических вызовов и новые задачи государственного управления

И.И. Абдуллаев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119192, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, 27б, корп. 4

Аннотация. Статья посвящена исследованию геополитических особенностей Каспийского региона и факторов, определяющих его значимость для России. Подробно анализируются риски изменения обстановки на Каспии в условиях геополитических вызовов, в числе которых война и завершение конфликта в Нагорном Карабахе, изменение внешней политики Турции и санкции Евросоюза против Турции. Также в статье затрагивается вопрос о возможном изменении сотруднических связей прикаспийских государств в связи с последствиями пандемии COVID-19 для имиджа КНР на международной арене.

Ключевые слова: Каспийский регион, Каспийское море, геополитические вызовы, санкции, Нагорный Карабах, Иран, пандемия

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 01.11.2020. Статья принята к публикации: 01.12.2020.

Для цитирования:

Абдуллаев И.И. Каспийский регион в условиях новых геополитических вызовов и новые задачи государственного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1. С. 80–88. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-80-88

The Caspian Region in the Conditions of New Geopolitical Challenges and New Tasks of Public Administration

I.I. Abdullaev

Lomonosov Moscow State University,
27b, bld. 4, Lomonosovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 119192

Abstract. The article is devoted geopolitical features of the Caspian region and the factors that determine its importance for Russia. The author analyzes in detail the risks of a change in the

© Абдуллаев И.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

situation in the Caspian in the face of geopolitical challenges, including the war and the end of the conflict in Nagorno-Karabakh, changes in Turkey's foreign policy and EU sanctions against Turkey. The article also touches on the issue of a possible change in the cooperation ties of the Caspian states in connection with the consequences of the COVID-19 pandemic for the image of the China in the international arena.

Keywords: *Caspian region, the Caspian Sea, geopolitical challenges, sanctions, Nagorno-Karabakh, Iran, pandemic*

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.11.2020. The article was accepted on 01.12.2020.

For citation:

Abdullaev I.I. The Caspian Region in the Conditions of New Geopolitical Challenges and New Tasks of Public Administration. *RUDN Journal of Public Administration*. 2021; 8(1): 80–88. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-80-88

Трансформация глобальных политических процессов, которая стала очевидной в 2020 году, изменила геополитическую реальность и обострила многие вызовы в стратегически важных для России регионах. Одним из таких регионов в настоящее время может считаться Каспийский регион, который представляет интерес для ряда субъектов мировой политики, в том числе нерегиональных государств. Например, интерес к территории Каспийского региона присутствует у США, Китая, Турции, ЕС и других акторов мировой политики. Так, Пак Чжон Кван пишет, что «важным фактором, влияющим на отношения России и Центральной Азии¹, является не только столкновение и пересечение ее интересов с интересами таких крупных геополитических центров, как США, Китай и Турция, но также и с некоторыми влиятельными странами исламского мира, такими как Иран или Пакистан, и из азиатских стран, такими, как Япония и Южная Корея» [1].

Итак, к числу факторов, определяющих стратегическую важность региона и повышающих его значение в глазах других государств, можно отнести следующие.

1. Первым и наиболее важным фактором является наличие значительного объема запасов углеводородного сырья. На сегодняшний день «доказанные и частично разведанные потенциальные запасы нефти Каспия составляют 48 млрд баррелей, а природного газа – 8,2 трлн кубометров» [2]. Как справедливо отмечают А.В. Дмитриев, П.Л. Карабущенко и Р.Х. Усманов, «занимая центральное положение в Азии, Каспий становится своеобразным геополитическим центром притяжения интересов многих стран – в основном из-за его природных ресурсов» [3]. Территории с месторождениями нефти и газа традиционно привлекают внимание стран, небогатых энергоресурсами,

¹ Особенностью Каспийского региона является то, что в его состав входят государства Центральной Азии (Казахстан и Туркменистан), Южного Кавказа (Азербайджан) и Среднего Востока (Иран), поэтому рассмотрение Каспийской зоны подразумевает учет геополитических особенностей всех указанных регионов.

а также государств, имеющих высокий потенциал потребления², вследствие чего формируется или может быть сформирована зависимость от стран-поставщиков углеводородов. К числу стран с высоким потенциалом потребления относятся наиболее явные нерегиональные игроки, которые пытаются повлиять на обстановку в Каспийском регионе, а именно: США и Китай, в меньшей степени – ЕС. Наконец, на борьбу за полезные ископаемые также часто решаются государства, экономики которых ориентированы на ресурсную составляющую.

Важность Каспийского региона объясняется не только наличием большого объема нефти и газа, но и ожидаемого дефицита этих ресурсов в среднесрочной перспективе. Как пишет К. Симонов, «мы вступаем в период серьезного дефицита энергоресурсов, где у продавцов будут более привилегированные позиции, чем у покупателей» [4].

Несмотря на то, что ключевой интерес составляют запасы нефти и газа, по мнению ряда авторов, уникальные биоресурсы также привлекают внимание нерегиональных акторов. Особенно рыбные ресурсы, которые оцениваются в 2,9 млн тонн, и «90% мировых запасов осетровых рыб, дающих не менее важный для потребления и экспорта товар – икру» [2].

2. Расположение региона.

Как пишет К. Симонов, не будет преувеличением назвать бассейн Каспийского моря и государства Центральной Азии регионом, в котором будет решаться судьба мира³, они «объективно будут привлекать внимание ведущих мировых игроков» [4]. Итак, высокая значимость региона обусловлена его выгодным географическим положением. Так, отдельные авторы определяют Каспийский регион как «стратегический энергетический эллипс», поскольку он связывает два важнейших углеводородных резервуара – Каспийское море и Персидский залив [5]. Особенностью данной территории является наличие 70% мировых запасов нефти, свыше 40% природного газа, расположенного в странах Персидского залива и бассейна Каспийского моря [6].

К. Симонов предлагает назвать указанную зону геополитическим квадратом, «сторонами» которого выступают Россия, США, Китай и исламский, в первую очередь арабский мир. Следует отметить, что если термин «стратегический энергетический эллипс» имеет географическую привязку, связанную, в первую очередь, с расположением богатых месторождений нефти и газа, то «геополитический квадрат» – категория, отражающая политическую заинтересованность различных субъектов, в том числе не имеющих геогра-

² Например, доля потребления энергии США от мирового объема составляет 24%, что почти на 30% превосходит национальное потребление. В связи с этим американская экономика и политика существенно являются весьма энергоориентированными. Как следствие, интерес к запасам нефти и газа Каспийского региона объясняется стремлением снизить зависимость от поставок от стран Персидского залива.

³ Следует отметить, что из трех новых независимых государств Каспийского региона две (Казахстан и Туркменистан) входят в Центральную Азию, а с учетом того, что при построении внешнеполитических стратегий в отношении Каспия США задействует соседние с прикаспийскими государства, многие выводы о значимости Центральной Азии могут быть отнесены и к Каспийскому региону.

фических границ с регионом (например, в случае с США, которые не являются частью региона в географическом смысле, но являются участником его политических процессов). Все перечисленные субъекты заинтересованы в упрочении своих позиций в регионе, поскольку понимают, насколько важен контроль над энергоресурсами данного региона. Каждая из сторон «геополитического квадрата» имеет свои интересы в зоне Каспия и стран Центральной Азии, которые входят в очевидное противоречие в главном – стремлении контролировать добычу углеводородного сырья и снизить влияние оппонентов. К. Симонов предполагает, что возможен вариант развития событий, при котором взаимодействие всех четырех сил окажет влияние на каждую из его республик. В случае проявления интереса к региону со стороны Евросоюза «геополитический квадрат» может превратиться в «геополитическую звезду».

Другими словами, регион не только сам богат природными ископаемыми, но и находится в непосредственной близости с территориями, также богатыми углеводородным сырьем, которые уже «осваиваются» американскими компаниями (Ближний Восток), либо территориями, которые планируются к разработке, например, страны Центральной Азии.

Вне зависимости от того, что авторы по-разному характеризуют причины привлекательности Каспийского региона, все они сходятся во мнении, что регион является ареной геополитической игры между крупнейшими мировыми игроками.

Помимо выгодного географического положения, расположение региона привлекательно и с военно-политической точки зрения. Размещение военных баз здесь позволяет одним странам (таким, как США и ЕС) осуществлять военные кампании на Ближнем и Среднем Востоке, другим, напротив, гарантировать себе безопасность от военных ударов западной коалиции или проникновения на территорию экстремистских территорий из Афганистана, Пакистана и других стран.

3. Каспийский регион представляет собой разветвленную сеть транспортных морских, сухопутных и трубопроводных маршрутов. В Экспертном докладе Института Каспийского сотрудничества «Проблемы региона накануне IV Каспийского саммита» регион называется стратегически ценным транспортно-коммуникационным участком Евразии: «в силу своего уникального географического положения Каспийский регион является генеральной коммуникационной развязкой центральной части Евразии, где сходятся границы Среднего Востока, Южного Кавказа, Центральной Азии и Юга России, соединяющего по линии Волго-Донских гидроузлов бассейны Каспийского и Азовского морей. Это создает исторические предпосылки для формирования современного международного транспортного перекрестка, включающего сушу, акваторию, воздушное пространство, береговую линию и русла рек» [2]. С данной точкой зрения согласен также Р.Х. Усманов, который пишет, что «велико транспортное значение Каспия как „водного узла“ на путях „Север–Юг“ и „Запад–Восток“» [7].

4. Присутствие в составе региона «новых» независимых государств, стремящихся утвердить собственную государственную значимость, но не

имеющих четких геополитических интересов и ресурсов (в первую очередь, дипломатического и имиджевого) для их реализации. Как следствие, данные государства становятся привлекательным объектом для манипуляций, транслирования воли и политических решений более сильных акторов мировой политики, в первую очередь США.

5. Наличие совокупности противоречий внутреннего и внешнего характера у стран, входящих в состав региона, которые сохраняют возможность актуализации религиозных, межнациональных и территориальных конфликтов, и, как следствие, делают их привлекательным объектом для возможного разжигания межнациональной и межрелигиозной розни, дестабилизации обстановки и создания формата «управляемого хаоса» не только в самом регионе, но и в сопредельных территориях: Центральной Азии, Ближнего Востока, КНР и России.

6. Наконец, отсутствие у молодых стран региона устойчивых политических, экономических систем и правовых традиций, что делает их территории привлекательными для реализации технологии «цветных революций» и «транзита демократии», которые предшествуют энергетической экспансии США в различные страны мира. К сожалению, большая часть стран, обладающих углеводородными запасами, является странами с нестабильными политическими режимами, что дает возможность США оказывать на них давление и добиваться контроля над их природными ресурсами.

7. Для прикаспийских государств – России, Ирана, Азербайджана, Казахстана и Туркменистана – рассматриваемый регион важен с точки зрения не только ресурсных богатств, но и прежде всего, создания зоны устойчивого социально-экономического развития, военно-политической безопасности. Именно это позволит сформировать базу экономической стабильности, повысить качество жизни и, следовательно, оказать позитивное влияние на развитие самих прикаспийских государств.

Все это особенно актуально в условиях, когда нерегionalные субъекты мировой политики в лице США стремятся утвердить свое доминирующее влияние в Каспийском регионе, осознавая его стратегическую важность для достижения приоритетных позиций в мире и установления выгодного для себя внешнеполитического баланса сил, ведут геополитическую борьбу с государствами прикаспийского региона (в первую очередь, с Россией и Ираном), а также отдельными его соседями (Ирак, Сирия).

С учетом складывающейся международной обстановки, особенно в условиях реализации США и Евросоюзом санкционной политики в отношении России, каспийский вектор становится для Москвы не менее значимым, чем ее продвижение в Юго-Восточную Азию.

Вместе с тем следует отметить, что в 2018 году, наконец, завершился процесс определения политико-правового статуса Каспийского моря и была подписана Конвенция о правовом статусе Каспия, работа над которой велась 22 года. Проблема статуса Каспийского моря актуализировалась с распадом Советского Союза, поскольку советско-персидский договор 1921 года о равном пользовании двух государств морем утратил силу с появлением трех новых независимых прибрежных государств. В результате пять прикаспий-

ских государств имели различное понимание будущего статуса моря. Наиболее серьезные разногласия имелись у Ирана и Азербайджана из-за месторождения, которое в зависимости от метода деления дна моря будет принадлежать либо одному, либо другому государству. Однако помимо этого существует еще несколько факторов, которые лежат в основе формирования претензий государств. Так, бывшие союзные республики были заинтересованы не только в получении углеводородного сырья, от которого напрямую зависит благополучие ресурсозависимых экономик данных государств, но и в получении определенного статуса и влияния в регионе. Непропорциональные права государств на выход к Каспийскому морю и доступу к нефтегазовым ресурсам неминуемо будут сказываться и на их «удельном весе» в регионе. Особенно это заметно на примере Азербайджана, который, в соответствии с пропорциональным делением получит наибольшую часть дна моря и ожидает роли регионального лидера. Подобные ожидания в азербайджанской элите культивируют США и Турция. Конвенция позволила достигнуть компромисса, поскольку определяют, что основная площадь водной поверхности остается в общем пользовании сторон, а дно и недра делятся между соседними государствами на участки по договоренности между ними с учетом международного права, тем самым Конвенция определяет возможности диалога между соседними странами и снимает вопросы о статусе моря в целом. Кроме того, документ отражает важнейший для России принцип недопущения присутствия на Каспии вооруженных сил и военных баз государств, не являющихся частью региона.

Одной из причин успешного подписания Конвенции можно считать достижение согласия между Россией и Ираном о необходимости завершения процесса и допущении уступок «новым» независимым государствам, поскольку этого требует безопасность региона в условиях длительной дестабилизации политической обстановки в странах Ближнего и Среднего Востока и примеры демонтажа ряда политических режимов у границ прикаспийских государств.

К числу новых факторов, которые актуализировали значимость Каспийского региона, следует отнести, в первую очередь, конфликт в Нагорном Карабахе, который завершился фактической победой Азербайджана, присоединением спорных территорий и беспрецедентное укрепление азербайджанско-турецких связей, получивших выражение в совместных военных действиях против армии Армении. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что несмотря на участие России в прекращении военных действий, руководство Азербайджана в обозримом будущем будет ориентироваться при выборе внешнеполитических ориентиров именно на позицию Турции. В данном контексте следует отметить и второй факт, который также способствует изменению обстановки в регионе. Речь идет об осязательном изменении внешнеполитической позиции Турции, актуализации исламской риторики и политики пантюркизма, усиленном стремлении Реджепа Эрдогана способствовать получению Турцией статуса новой исламской державы в пределах Центральной Азии, а впоследствии и Ближнего и Среднего Востока. Возрождением турецкой нации сам президент страны назвал превращение Айя-Софии в мечеть [8]. Очевидной становится и ин-

тенсификация исламской риторики, направленной на осуждение других государств. Так, некоторое время назад Реджеп Эрдоган был вовлечен в обсуждение статуса Иерусалима, после чего активно осуждал действия Израиля. В октябре 2020 года президент Турции высказался о том, что Иерусалим и все является турецким городом, как некогда завоеванный Османской империей [9]. Последним и наиболее ярким примером стремления нынешнего турецкого руководства взять на себя миссию по защите мусульман стал конфликт с Францией и лично с президентом Эммануэлем Макроном после убийства французского учителя из-за демонстрации во время урока карикатур на пророка Мухаммада.

Страны Евросоюза в ночь на 11 декабря ввели санкции против Турции из-за ее несанкционированных действий у берегов Греции в Средиземном море [10]. Санкционное противостояние Турции и стран ЕС также способно дестабилизировать обстановку в регионе и заставить каспийские государства выбирать между экономическими партнерами.

Изменение внешней политики Турции может обострить также некоторые религиозные противоречия в Каспийской регионе. Так, стремление Турции стать лидером исламских государств может привести к недовольству со стороны Ирана, который является лидером шиитской ветви ислама, но привлекателен для многих мусульманских государств из-за активной антиамериканской позиции и защите мусульман от последствий американской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Турция и Иран представляют разные ветви ислама, что также может стать причиной для разногласий, особенно в случае целенаправленной провокации со стороны Реджепа Эрдогана, включающего в свои публичные выступления последних месяцев самые острые обвинения лидерам других государств. В этом контексте возможна и радикализация позиции Азербайджана, который не был доволен руководством Франции, выразившей готовность поддержать Армению во время конфликта в Нагорном Карабахе, и в целом может стремиться к роли союзника нового потенциального лидера региона.

Пандемия, которая существенно повлияла на экономику и геополитический статус Китая, оказала влияние и на внешние связи каспийских государств. Так, усилившееся взаимодействие России, Китая и Ирана в конце 2019 года в сфере безопасности продолжается даже в условиях ограниченного взаимодействия государств из-за эпидемиологической обстановки. В конце 2019 года три страны провели четырехдневные военные учения «Пояс морской безопасности» в Персидском заливе, Оманском заливе и Индийском океане, т.е. водах, которые традиционно считаются подконтрольными Пятому флоту ВМС США [11]. В сентябре 2020 года войска Ирана, Китая и России провели совместные учения на Кавказе. Вероятно, что стремление трех государств усилить свое взаимодействие будет укрепляться в дальнейшем, поскольку пандемия COVID-19 стала причиной попыток США подорвать статус КНР на международной арене, это выразилось в предложении США Большой семерке переименовать коронавирус в «вирус Ухань», навсегда закрепив за ним китайское происхождение [12], в предложениях о привлечении Китая к ответственности, в том числе финансовой, за пандемию, а также к лишению Пекина права проведения зимних Олимпийских игр в 2022 году. Активная

антикитайская позиция США вполне вероятно может привести к тому, что дальнейшее сотрудничество Китая, Ирана и России усилится. В условиях параллельного укрепления азербайджанско-турецких связей это может привести к появлению более сильных противоречий внутри Каспийского региона, чем те, которые были на стадии подготовки Конвенции о статусе Каспия.

Таким образом, можно утверждать, что в новых геополитических условиях перед государственным управлением России стоит ряд актуальных задач, в числе которых первоочередной является обеспечение безопасности Каспийского региона. В свою очередь, обеспечение безопасности невозможно без сохранения режима, предусмотренного Конвенцией о правовом статусе Каспия, запрещающего присутствие в регионе вооруженных сил не граничащих с морем государств. В настоящее время существует вероятность развития азербайджанско-турецких связей в этом направлении, а значит, может быть нарушен установленный правовой режим, что может послужить примером для других прикаспийских государств.

Кроме того, Россия в настоящее время нуждается в сохранении баланса внутри исследуемого региона с предотвращением потенциально возможных конфликтов между Турцией и Ираном. Вместе с тем использование сотрудничественных связей с Китаем, в том числе в военной сфере, может и должно развиваться.

Целесообразно предположить, что ухудшение отношений между Турцией и странами Евросоюза при грамотном управлении может дать возможность улучшить отношения и способствовать появлению и реализации ряда экономических российско-турецких проектов.

Во внутренней повестке России важно сохранить баланс в сотрудничестве с Арменией и Азербайджаном, что позволит сохранить роль объективного арбитра в возможных будущих конфликтах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Пак Чжон Кван. Геополитические проблемы в отношениях Российской Федерации со странами Центральной Азии. Монография. М., 2009.
- [2] Проблемы региона накануне IV Каспийского саммита. Экспертный доклад. М., 2014.
- [3] Дмитриев А.В., Карабузченко П.Л., Усманов Р.Х. Геополитика каспийского региона (взгляд из России). Астрахань, 2014.
- [4] Симонов К. Энергетическая сверхдержава. М., 2006.
- [5] Kemp G. Energy Superbowl. Strategic, Politics and the Persian Gulf and Caspian Basin. Wash., 1997.
- [6] Жильцов С., Зонн И. США в погоне за Каспием. М., 2009.
- [7] Усманов Р.Х. Модель современной архитектуры международной безопасности в Каспийском регионе //Россия в современной архитектуре международной безопасности: вызовы и перспективы: Материалы научной конференции (Нижегород, 28-30 сентября 2015 г.) / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство Московского университета, 2016.
- [8] Эрдоган назвал превращение Святой Софии в мечеть исправлением ошибки // Известия. 15.07.2020. URL: <https://iz.ru/1035549/2020-07-15/erdogan-nazval-prevrashchenie-sviatoi-sofii-v-mechet-ispravleniem-oshibki>. Дата обращения: 15.07.2020.
- [9] Эрдоган: Иерусалим – это наш город, мы покинули его в слезах // EAdaily. 02.10.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/10/02/erdogan-ierusalim-eto-nash-gorod-my-pokinuli-ego-v-slezah>. Дата обращения: 02.10.2020
- [10] Divisés, les Vingt-Sept adoptent des sanctions minimales contre la Turquie // Le Monde. 11.12.2020. URL: <https://www.lemonde.fr/international/article/2020/12/11/les-vingt-sept>

s-accordent-sur-des-mesures-restrictives-contre-la-turquie_6062984_3210.html. Дата обращения: 11.12.2020.

- [11] Choksy J.K., Choksy C.E.B. China and Russia Have Iran's Back // *Foreign Affairs*. 17.11.2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-17/china-and-russia-have-irans-back>. Дата обращения: 11.17.2020.
- [12] Conti M. Il virus, la guerra fredda tra Cina e Usa e il monito di Laocoonte // *Il Messagero*. 26.03.2020. URL: https://www.ilmessaggero.it/blog/qui_montecitorio/lo_scontro_tra_superpotenze-5134577.html Дата обращения: 26.03.2020.

REFERENCES

- [1] Pak Chzhon Kwan. *Geopoliticheskie problemy v otnosheniyah Rossyiskoy Federacii so stranami Centralnoy Azii. Monographya*. [Geopolitical Problems in the Relations of the Russian Federation with the Countries of Central Asia]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [2] *Problemy regiona nakanune IV Kaspiiskogo Sammita. Ekspertnyi doklad* [Regional Problems on the Eve of the IV Caspian Summit. Expert report]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [3] Dmitriev A.V., Karabuschenko P.L., Usmanov R.H. *Geopolitika kaspiiskogo refiona (vzglyad iz Rossii)* [Geopolitics of the Caspian Region (View from Russia)]. Astrakhan; 2014 (In Russ.).
- [4] Simonov K. *Energeticheskaya sverhderzhava* [An Energy Superpower State]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [5] Kemp G. *Energy Superbowl. Strategic, Politics and the Persian Gulf and Caspian Basin*. Wash., 1997.
- [6] Zhiltsov S., Zonn I. *USA v pogone za Kaspiem* [USA in Pursuit of the Caspian]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [7] Usmanov R.H. Model' sovremennoi arhitektury mezhdunarodnoi bezopasnosti v Kaspiiskom regione. *Rossia v sovremennoi arhitekture mezhdunarodnoi bezopasnosti: vyzovy i perspektivy. Materialy nauchnoi konferencii (Nizhnii Novgorod, 28–30 sentyabrya 2015 g.)* [Model of Modern Architecture of International Security in the Caspian region. Russia in the Modern Architecture of International Security: Challenges and Prospects: Proceedings of a Scientific Conference (Nizhny Novgorod, September 28–30, 2015)]. Moscow: Press of Moscow State University; 2016 (In Russ.).
- [8] Erdogan nazval prevraschenie Svyatoi Sofii v mechet' ispravleniem oshibki [Erdogan Calls the Transformation of Hagia Sophia into a Mosque a Correction of the Mistake]. *Izvestia*. 15.07.2020. URL: <https://iz.ru/1035549/2020-07-15/erdogan-nazval-prevrashchenie-sviatoi-sofii-v-mechet-ispravleniem-oshibki>. Accessed: 15.07.2020.
- [9] Erdogan: Ierusalim – eto nash gorod, my pokinuli ego v slezah [Erdogan: Jerusalem Is Our City, We Left It in Tears]. *EAdaily*. 02.10.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/10/02/erdogan-ierusalim-eto-nash-gorod-my-pokinuli-ego-v-slezah>. Accessed: 02.10.2020
- [10] Divisés, les Vingt-Sept adoptent des sanctions minimales contre la Turquie. *Le Monde*. 11.12.2020. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2020/12/11/les-vingt-sept-s-accordent-sur-des-mesures-restrictives-contre-la-turquie_6062984_3210.html. Accessed: 11.12.2020 (In Fr.).
- [11] Choksy J.K., Choksy C.E.B. China and Russia Have Iran's Back. *Foreign Affairs*. 17.11.2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-17/china-and-russia-have-irans-back>. Accessed: 11.17.2020.
- [12] Conti M. Il virus, la guerra fredda tra Cina e Usa e il monito di Laocoonte. *Il Messagero*. 26.03.2020. URL: https://www.ilmessaggero.it/blog/qui_montecitorio/lo_scontro_tra_superpotenze-5134577.html. Accessed: 26.03.2020 (In It.).

Информация об авторе:

Ильхам Исмаил оглы Абдуллаев – соискатель факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: ilkham.msu@mail.ru).

Information about the author:

Ilkham Ismail ogly Abdullaev – Applicant for the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation) (e-mail: ilkham.msu@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-89-106

Research article / Научная статья

Employees' Post-service Plans and Options in Nigeria

U.C. Okolie

Chartered Institute of Personnel management of Nigeria
Edo State Study centre,
1 Cipm Ave, Alausa, Ikeja, Nigeria, 100001

Abstract. One of the greatest challenges that faced typical employees throughout their working life is life after retirement. Despite government roles at providing social security, retirement epoch has been a tension provoking and overwhelming phenomenon in Nigeria and other emerging economies of Africa, Asia and Latin America. A close observation of many retirees in Nigeria society and the problems they are facing draw the attention of all and sundry. These problems seem to range from sudden death, dwindling status, lack of occupation, loss of the usual monthly salary, decreased strength and deteriorated health condition, physical disabilities, aging and anxiety about a residential home. In Nigeria, the regular non-payment of pensions and gratuities benefits has brought untold hardship and sudden death to many retirees, thereby making retirement something that is dreaded by workers. This problem is further compounded to lack of planning and management of post-service epoch and conditions. It is against this backdrop that this paper seeks to identify and discusses strategies available for managing post-service condition in Nigeria. The paper calls on Nigerian workers to embrace one of the options to remain moderately productive and healthy after retirement. The paper suggests, among others, that both employers and government should undertake regular pre-retirement training for their workers in order to save the country the embarrassment of seeing their retirees going to early graves or turning into destitute on the streets.

Keywords: retirement, planning, strategies, retirees, Nigeria

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 18.09.2020. The article was accepted on 15.11.2020

For citation:

Okolie U.C. Employees' Post-service Plans and Options in Nigeria. *RUDN Journal of Public Administration*. 2021; 8(1): 89–106. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-89-106

© Okolie U., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Планы и возможности сотрудников по окончании службы в Нигерии

У.Ч. Околи

Сертифицированный институт управления персоналом Нигерии
Государственный учебный центр Эдо,
100001, Нигерия, Икейя, Алауса, Прост. Кинм, 1

Аннотация. Одна из самых серьезных проблем, с которыми сталкиваются граждане, – это жизнь после выхода на пенсию. Несмотря на роль государства в предоставлении социального обеспечения, проблема пенсионного возраста провоцировала напряженность в Нигерии и других странах с развивающейся экономикой в Африке, Азии и Латинской Америке. Наблюдение за многими пенсионерами в нигерийском обществе и проблемами, с которыми они сталкиваются, привлекает внимание исследователей. Это в первую очередь проблемы риска внезапной смерти, ухудшения статуса, отсутствия занятости, потери обычной ежемесячной заработной платы, снижения силы и ухудшения состояния здоровья, проявление физических недостатков и процессов старения, а также обеспокоенность по поводу домов-интернатов. В Нигерии регулярная невыплата пенсий и премиальных привела к трудностям и гибели пенсионеров, что заставило многих служащих опасаться выхода на пенсию. Эта проблема еще больше усугубляется отсутствием планирования и управления в этой сфере и условиями после службы. Именно на этом фоне в данной статье делается попытка определить и обсудить стратегии, доступные для управления состоянием после выхода в отставку в Нигерии. Статья предлагает несколько путей решения проблем, направленных на сохранение продуктивности и здоровья после выхода на пенсию. В тексте статьи как работодателем, так и правительству предлагается, среди прочего, проводить регулярную подготовку своих работников перед выходом на пенсию, чтобы избавить страну от затруднений, связанных с тем, что их пенсионеры рано уходят из жизни или превращаются в нищих на улице.

Ключевые слова: выход в отставку, планирование, стратегии, пенсионеры, Нигерия

Заявление о конфликте интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 18.09.2020. Статья принята к публикации: 15.11.2020.

Для цитирования:

Околе У.Ч. Планы и возможности сотрудников по окончании службы в Нигерии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1. С. 89–106. DOI: 10.22363/2312-8313-2021-8-1-89-106

Introduction

Retirement is perceived as a threat to many employees rather than an issue of interest. This is so because a close observation of many retirees in the Nigerian society and the problems they are facing draw the attention of all and sundry. The problems seem to range from sudden death, dwindling status, lack of occupation, loss of the usual monthly salary, decreased strength and deteriorated health condition, physical disabilities, problems associated with old age and so on. In Nigeria, the regular non-payment of pensions and gratuities benefits has brought untold hardship and sudden death to many retirees, thereby making retirement

something that is dreaded to workers. This problem is further compounded to lack of planning and management of post-service epoch and conditions.

One of the greatest challenges that face typical employees throughout their working life is life after retirement. Retirement concerns emotional, psychological, as well as financial challenges that workers have to prepare well for ahead of time [1]. In most developing countries and Nigeria in particular, government restrict working age of public civil servants to prevent an ageing labour force by allowing entrants of young-able-bodied labour for increasing efficiency and productivity [2; 1; 3]. This has become absolutely necessary because as a worker become older his Marginal Physical Productivity of Labour (MPPL) will decline. Thus, retaining such a worker in employment at this point will amount to running the organization at a loss. Fajana [4] added to this view that from the employer's point of view, such an employee must go if the employer should minimize losses. This is why in Nigeria, statutory working age in the public service is fixed at sixty (60) years or thirty-five (35) years of unbroken active working service before retirement; whichever comes up first. However, the Retirement Age harmonization Act of 2012 puts the retirement age of academic staff of tertiary institutions and judicial officers at 65 and 70 years respectively because of the belief that the 'older, the wiser' in those sectors. Similarly, in the private sector, retirement age varies between 55 and 60 years of service and the factor of 35 years in service is not applicable [5].

It has been observed that in most of our organizations, both in the private and public sectors, workers are not adequately exposed to pre-retirement training before they are finally discharged from employment. This has negative consequences on the life of the retirees. Abdullahi and Jummai [1] have rightly observed that many people enter into retirement without any personal plans or pre-retirement counseling. Employers of labour on their own part have not done much to enlighten the labour force on the need for planning for retirement. Hence, many workers enter retirement as destitute. It is important for both employers and government to undertake regular pre-retirement training for their workers in order to save the country the embarrassment of seeing their retirees going to early graves or turning into destitute on the streets. Obviously, retirees in Nigeria today are more like beggars especially those who retire without planning. Therefore, the need to cope with retirement life should be considered as a critical issue both by employers and employees, most especially where the retiree is a family-head. This is so because by circumstances of their position as family-head, they are more prone to face difficult situations in the context of the present depressed state of the Nigeria economy. The purpose of this study is to review the various available literatures on employees' post-service plans and options and challenges waiting retire at retirement in Nigeria.

Conceptual and Theoretical Framework

Retirement from active service is a sine-qua-non in the life of every employee both in public and private sectors. It is a stage that every worker must surely reach whether he or she prepares for it or not. Retirement is a fluid concept

because it connotes different things and is fraught with different experiences for different people [2. P. 112]. We observe over time that retirement life is not a homogenous experience for everyone. While some individuals view it positively and anticipate it with nostalgia, others dread its eventuality with great anxiety. Therefore, different people perceive retirement in different ways. The idea of retirement is of a recent origin, being introduced in the 19th and 20th centuries. The standard retirement age varies from country to country, but it is generally between 55 and 70 years.

The restriction in the labour working age is to prevent an ageing labour force by allowing entrants of young-able-bodied labour for increase efficiency and productivity. Thus, retirement is an inevitable stage of ageing where the individual gradually disengages from the mainstream of active work, social work and is eventually replaced with younger ones [6]. In his words, Bur [7] looked at retirement as the act of leaving the service either voluntary or compulsorily where such an employee has completed a specified period of service years or is removed from office by way of compulsory retirement, lay-off, dismissal (for acts of insubordination or misconduct), death, illness, disability or by voluntary withdrawal from service. Also, Nwachukwu [8] sees retirement as a socially accepted means of withdrawing from one's occupation or business in later life to enjoy leisure, freedom or simply to cope with health problems. Similarly, Egbuta [9] regarded retirement as the withdrawing of individual from gainful employment in the later part of his or her life in order to enjoy a period of leisure till death. Nafisat [10] remarks, that retirement is a process that separates an individual from a job role or as termination of a pattern of life and a transition. This supports the assertion of Olatunde and Onyinye [11] who posits that retirement is a real transition, transition in the sense that it is the passage from one place, stage of development to another. Aina [12] was also of the opinion that the transition could mean passage from the former business career of active services to another, a second stage of life development.

Robinson and Davidson [13] cited in Esene and Akeni [14] was of the view that retirement is the act of someone stopping work permanently usually on reaching an age at which a pension can be received. Similarly, Cole [15] views retirement as a period when an employee reaches the end of his working life. He posits further that retirement comes, and it tends to emphasis separation from job and concern for the future. Retirement is indeed a period of withdrawal from active job of one's means of livelihood. The causes of separation may be due to old age, poor health, social pressure or apathy. Aina [12] found that lay-offs, retirement and dismissal are indefinite separation from the payroll due to factors such as loss of sales, shortage of materials, seasonal fluctuation, production delays or due to major administrative shake-up as have been witnessed in public service in the 1980s. In a study by Iyortsuun and Akpusugh [16] it was found that most employees do not invest towards retirement as a result of the inadequate pay package given to them by their employers and that the challenges faced by retirees is due to poor preparation towards their retirement period. Therefore, many people especially those who never thought of retirement as a necessity often looked dejected, depressed and frustrated when suddenly they found themselves retired.

There is a plethora of benefits that accrued to a retiree who has planned properly for his/her retirement. Some of these benefits that planning brings about for a retiree include:

- a. It provides adequate good health in later life.
- b. It provides adequate security for life after retirement.
- c. It eases the process of adjustment to a completely different lifestyle.
- d. It reduces concern and burden of money.
- e. It provides some kind of pre-occupation by removing the burden of idleness in later days or years.

Similarly, lack of planning for retirement can bring about the following problems:

1. A condition of financial frustration and anxiety.
2. Impairment of health, strength, attitude and general well-being.
3. Loss of contact with colleagues.
4. Untimely death within a few years of retirement.
5. State of boredom and distress
6. Feeling of dissatisfaction and unfulfilled life.

Therefore, the need to be prepared and plan for retirement in conformity with the organization policy cannot be over emphasized. It therefore becomes necessary to plan ahead for how you would like to spend your retirement, and to prepare yourself mentally and financially. In a nutshell, planning and retirement are concomitant. With effective planning, a retiree is sure of experiencing a pleasant post- retirement life and ability to cope with some challenges inherent in retirement.

Forms of Retirement

Retirement can be in many forms. In Nigeria, three major forms of retirement are identified in the literature [17; 18; 1; 2; 10]. They are voluntary retirement, compulsory retirement and mandatory retirement.

Voluntary or Self Retirement: This occurs when individual decides to quit active service for personal reasons(s) irrespective of age, experience, length of service or retirement policies. This type of retirement depends more on the employee than the employer.

Compulsory or Forced Retirement: This is a situation in which the individual is forced or compelled to retire against the individual's expectation and when he or she is ill-prepared for it. It is usually viewed negatively in that it is unplanned and reasons might include inefficiency, old age, ill-health, indiscipline. This type of retirement is in the interest of the organization, therefore the need for reduction of the workforce.

Mandatory or Statutory Retirement: This is the normal (or expected form) in the sense that the person involved has reached the statutory age of retirement as specified in the condition of service of the establishment. For instance, in Nigeria the age is specified for civil servants while judges and lecturers retire at 70years or when an individual has put in 35years of service.

Retirement Age

The age of retirement varies from country to country according to the climatic conditions and the average expectation of longevity of life. The age of retirement is generally fixed by the statute but in certain important cases it may be fixed by the constitution. In the United States, the retirement age of employees is 65-70 years, in Britain 60-65years, in India 55-60years. In Nigeria, the statutory retirement age is dependent on the sector. For instance, it is sixty-five (65) years or thirty-five (35) years of active working service for staff of tertiary institutions other than professors. Those on the professorial cadre retire at the age of 70 in respective of years of service. It is to be noted too that judges at the court of Appeal and Supreme Court levels retire at 70 while those at the High Court level retire at 65. However, it is 60 years of age in other public service and private sector or 35years of unbroken active service which ever come first [19]. However, the 35years of active service is not applicable to workers in the private sector.

Recently, however, large numbers of workers have been pushed into premature retirement in Nigeria the victims of organizational downsizing. Whether the trend in early retirement will continue as more baby boomers enter retirement age is open to speculation. Nevertheless, Eyitayo, Bamilola and Obadofin [20]; Olufemi and Fashiku [3] and Thakur and Jain have argued that if workers in service know some of the good things they could do in their retirement, it might fortify them towards early or voluntary retirement instead of records falsification often linked to fear of retirement, in their bid to remain longer than necessary in service. Therefore, the knowledge of the opportunities for success that awaits retirees at retirement might equip workers to take advantages presented by retirement as soon as they become retirees. Reflecting on the issues of early retirement, Korn [21] argues that for early retirement to be successful and possible, it involves adopting three fundamental strategies or options: aggressive investment, planning your healthcare needs that will most likely impact you during the retirement period and exploring the possibility of what he calls ‘filling the hours’-working during the period of your retirement.

Preparing for Retirement

While most people eagerly anticipate retirement, many are bitterly disappointed once they reach this stage of life. Employers may offer pre-retirement planning programmes to help make employees aware of the kinds of adjustments they may need to make when they retire. These adjustments may include learning to live on a reduced, fixed income and having to cope with the problems of lost prestige, family problems and idleness that retirement may create. The pre-retirement programmes typically should include seminars and workshops on pension plans, health insurance cover, social security and medical care, personal financial planning, wellness and lifestyles, and adjustment to retirement. This supports the assertion of Kolawole and Mallum [22] who posits that retirement pension is typically one of the largest social security components of public interventions for the retired public civil servants. Except, otherwise, mandatory retirement is expected to be a blissful transition in the life of an

employee. In western countries and some planned economies of the world like America, United Kingdom, Britain, Russia, Cuba, Malaysia, Yugoslavia, etc., where pension schemes are functional, majority of the retired workers live comfortable with their pension allowances without any distortion in their family economic stability. Government in these countries made available adequate resources and infrastructural provisions to cushion post-service conditions.

Despite several moderations of benefits for workers in Nigeria, pension fund has been characterized by outright corruption, embezzlement, mismanagement and diversion of fund over the years. More so, the delay in payment of pensions and gratuities has become so pervasive and this has resulted in untold hardship, frustration and sudden death of retirees. As point out by Denga [23]; Nwajagu [17]; Maji [2], the uncertainty that characterized the retirement life bothers serving workers to the extent that some workers falsify their age and career records in order to postpone retirement date. This problem is further compounded by the fact that post-retirement welfare of workers is not even a top priority of Nigerian government. Therefore, in addition to the epileptic government pension plan, workers should also make every effort to have their own pension plan, estimate their sources of income, developing friendship (social network) and establishing business in own area of specialization.

Preparing for retirement entails planning for the inevitable – the period in one’s life when he or she withdraws from active service. This is why Weirich and Koontz [24] defines planning as the examination of the future of a subject-matter, deciding what needs to be achieved and then developing a plan of action towards actualizing the objective. Retirement is a major change and should be prepared for. The decision to retire is determined by both micro and macro conditions. At the micro level, individualistic factors are the dominant factors that influence one’s decision to retire while at the macro level, wider factors beyond an individual’s control have the most influence in the decision to retire. Berry [25] in Iyortsuun and Akpusugh [16], identified four factors at the micro level that influence the decision to retire. These are: “finance, health, care responsibilities and family” while at the macro level, he identifies the factors as “an ageing society, the pensions system and the economic change”. This supports the assertion of Bohlander and Snell [26] who posits that the major factors affecting the decision to retire are the individual’s personal financial condition and health and the extent to which he or she receives satisfaction from work. They further state that attractive pension benefits, possibilities of future lay-offs, and inability to meet the demands of their jobs are also among the reasons workers choose to retire early.

Iyortsuun and Akpusugh [16] argue that employees need to plan, adopt and implement strategies to ease the pain and problems associated with retirement. Since retirement is not what one could avoid except death, it is advisable and appropriate to start preparation immediately one gains employment. Therefore, in order to ensure a smooth landing and get rid of anxieties in retirement, strong foundation or strategies have to be laid or adopted to ease the pain of retirement. One of such strategies, which is compulsory for those in the public and private sectors in Nigeria is the monthly contributory pension scheme. With this strategy,

employees are expected to open a retirement savings account in his or her name with any reputable pension fund administrator of their choice.

Other strategies that can be adopted include maintaining a personal savings account or a fixed deposit account with a bank to enable an employee save towards retirement, investing in small sideline business, investing in skill acquisition and training, ownership of property genuinely acquired, investment in shares and stocks, establishing business in own area of specialization and acquiring an insurance policy (Sickness, accident, loss of property) among others [16; 2; 27]. Therefore, there are four simple steps to arrive at an ideal retirement plan:

Step 1: Planning adequately and determining how much your financial need in retirement is very important. In planning towards this, one must take into account his family responsibilities, state of health and expected life expectancy.

Step 2: Calculate the sum to be received in lump sum (terminal benefits) on retirement time e.g., income from investments such as dividends, capital appreciation, vital income as well as pension and retirement benefits.

Step 3: Select the suitable retirement plan that enables you to cater for your post- retirement requirements, preferably, choose the right investment avenues, which can provide you with potentially greater returns in the future.

Step 4: Start investing immediately you gains employment, and you can enjoy the power of compounding. And increase your financial stability.

Below is the ideal retirement plan diagram which aptly describes the retirement planning process.

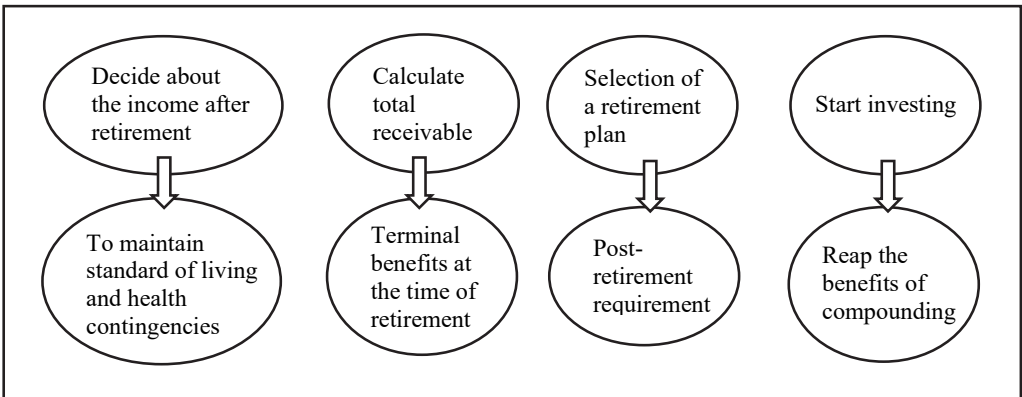

Fig. 1. Retirement planning process

Source: Thakur and Jain [27]: retirement planning and social security concept in India context.

Obviously, from the foregoing, retirement in life is one of the milestones and it requires a great deal of planning and managerial ability. Eyibe and Eyibe [28] stressed that planning ahead will enable an individual to look at all the factors that have bearing on life in retirement and pursue the realities from the on-set. Kolawole and Mallum [22] rightly observed that where adequate planning is nursed, frustration and anxiety in retirement will be eliminated. Maji [2] equally observed that workers around the globe who fail to plan for retirement always experience some avoidable problems in post- retirement life, such as (i) state of

boredom (ii) a condition of financial anxiety (iii) distress (iv) loss of contacts or social relation with colleagues (v) feeling of dissatisfaction and unfulfilled life and (vi) often experience psychosomatic and phobic reactions. Agada equally cautioned that retirement planning if given priority will facilitate a sure smooth landing for retirees. Attendants benefits of effective and functional retirement plan include: a. Good health in post- retirement life; b. Adequate security provisions for life after retirement; c. provision of some kind of pre-occupation (or vocation) by removing the burden of idleness in post- retirement years; d. Reduce concern for money and e. Eliminate feeling of uselessness and not being tolerated or wanted. Therefore, retirement plan should not be overlooked by any worker considering the fact that labour wage in Nigeria is far from being a living wage and also expectancy of long life after retirement is obviously good news, but it makes retirement very expensive too. So, it is very imperative to do proper planning ahead and be financially prepared at the time of retirement age.

Post-Service Strategies/Options

The fear of the unknown and the desire to maintain the status quo forces most employees to attempt avoiding retirement. But of course, retirement ‘is a necessary ill’ which cannot be avoided. Therefore, every striving worker in the 21st century should know that the Nigerian economy is facing serious challenges, hence, there is need for pre- retirement planning strategies to combat and manage the impending pains and problems (misery and hardship) associated with retirement. Nuss and Schroeder [29] have argued that transition provide individuals with the opportunity to take stock of and take charge of their lives and they posits further that to cope with transition effectively involves assessing one’s situation, self, support and strategies of coping. In order to experience a pleasant post- retirement life, the following are some post-service activities that retirees are advised to consider:

1. *Establish Business in Own Area of Specialization:* Retirees should identify and start a post-service/ retirement business suitable to the retiree’s lifestyle. Identifying and starting a business in one’s area of specialization or where the retiree’s skill is greater could be a real avenue to engage after retirement [2]. Suggestion of such occupations include: Running a consultancy services or business undertaking in your area of specialization; writing books and articles; editorial consulting; pursuit of hobbies into income etc.

2. *Invest in Small Sideline Business:* This is popularly referred to a small-scale business. Sideline business has to do with running small business while one is still fully in employment of government or statutory bodies. This could include: retail outlets, running restaurants, clinics or hospital, soap production, nylon production, computer services, garri production, home laundry services, designing and making children dresses, baby cots and toys, transport business, cake baking, ice block production, chairs, canopies and plates production, decoration, beautification and arranging of foods for parties, gardening, keeping of poultry, piggery and goatry, establishment of schools, veterinary services, snail rearing, table water business, food and beverage production, concrete block production,

hair and body cream production, establishment of recreation business, foam production business, aquaculture farming and selling of farm products, musical and choral band, editorial work, consultancy firms, land surveying, telephone operation, operating a barbing salon and hair-dressing, tailoring and plumbing business, plastic crushing, fish farming, grass cutter rearing, palm kernel oil production, among others. These are vocations that do not only create wealth, provide employment opportunities for the youth but have the potentials that drive economic growth and development. A little extra income from sideline business can go a long way to making life comfortable in post-retirement life and at retirement, when the structures are on ground retiree can fall back on it, modify it to test and pre-occupy the body and mind.

3. *Bank Fixed Deposits*: In a bank fixed deposits, an investor deposits a lump sum of money for a fixed period of time say five years and above, on a fixed rate of return. That is, investor gets a principal +Interest at the maturity of the deposit. Bank fixed deposits are traditional saving scheme open to an average investor. Bank fixed deposit is expected to increase your financial stability during retirement.

4. *Open a Retirement Saving Account*: Workers in both the public and private sectors are encouraged to open a retirement saving account with any pension fund administrators (PFAs) of their choice. The amount an employee is to receive on retirement is contributed jointly by employee and employer into the retirement savings account so that at retirement, there should be something for employee to fall back on as a guaranteed income for him/her or for his/her dependents. One of the opportunities of the contributory pension scheme in Nigeria is that participants are allowed to open individual Retirement Saving Account (RSA) where contributions are accumulated till retirement.

5. *Invest in Stocks and Shares*: A lot of income and other benefits can be realized through investment in stocks and shares. A share or stock is a certificate issued by a company. Therefore, shares are paper commodities and ownership rights in a company. The Stock Exchange, an important member of the capital market provides facilities of the purchase and sale of stocks and shares. Therefore Ross, Westerfield and Jordan [30] defines a Stock Exchange as an organized market with physical location and facilities for trading in stocks and shares through professional intermediaries known as stockbrokers. Investment in stocks and shares are expected to support and guarantee a steady and continuous flow of income for the retiree.

6. *Real Estates Investment*: Real estate investments relate to landed properties owned by an individual. Investment in real estate is of prime importance because they appreciate in value continuously. It is not an exaggeration to say that real estate offers a return on investment which is superior to other investments on a long-term basis. Therefore, is advisable to invest in real estate to ensure high capital appreciation during retirement.

7. *Hobbies*: It is wise to cultivate hobbies and develop areas of interest, which can assist retiree in their social life. The health and wellbeing should be the most important consideration of a retiree as noted by Iyortsuun and Akpusugh [16]. Interest such as sports athletics, painting, travelling, gardening, fishing,

sewing, photography and hunting among others should be of interest to retirees and be cultivated. These hobbies are expected to support and give much pleasure and happiness during retirement.

8. *Retirement Annuity*: An annuity is a special form of life Assurance policy in which the retiree (annuitant) pays a lump sum of money at retirement to a life assurance company. In return the life Assurance Company undertakes to pay the retiree a monthly amount called annuity for a specified period or for the remaining days of his life. When a worker is retiring from employment and he is paid entitlements, it is advisable that he uses a good percentage to procure an annuity. Since retirement imposes a considerable change in lifestyle, there is need to develop a financial plan to match the new standard of living with the retiree's income.

9. *Participation in Politics*: Politically speaking, retirement could enhance retirees' active participation in politics, both at the grassroot, state and national levels [31; 32; 3]. In Nigeria, for instance, notable politicians are retirees. E.g. Late Adebayo Adefarati (one-time Governor of Ondo State) was a retired secondary school principal before veering off into politics. Also, Olusegun Obasanji (ex-Nigerian President). David Mark (ex-senate president), Prince Olagunsoye Oyinlola (one-time Governor of Osun State), etc. are all retired military personnel who veered off into politics in their retirement, a feat they would not have achieved while in service [33].

Challenges of Retires in Nigeria

1. *Physical Disabilities and Ageing*: Researchers such as Adegoke [34]; Okam [35] have argued that certain problems are associated with old age, particularly for those employees who might not have planned for their retirement. These problems which relate to their feelings about retirement are intellectual, physical, behavioural, emotional and spiritual in nature.

2. *Intellectual Problems*: Muddled thinking, lack of problem-solving ability, analysis paralysis, funnel vision, inability to take decisions etc.

3. *Physical Problems*: Lack of energy, anxious appearance, tense posture, and hyperactivity.

4. *Behavioural Problems*: Ignoring others' feelings, withdrawing socially, changing management style abruptly and becoming careless.

5. *Emotional Problems*: Dullness of spirit, lack of responsiveness to encouragement, loss of achievement orientation.

6. *Psychological Problems*: Initial shock and anger, drop in morale, self-esteem, self-confidence, stress, boredom, apathy, anxiety and feeling of dissatisfaction with almost everything.

Adegoke [34] noted, however, that the severity and effect of these problems on the retirees depend on the proximity to retirement. That is, the nearer the retirement date, the more acute are the problems faced by the retirees. Semone [36] recounts that the worst thing about getting retired and or becoming old is not getting sick but receiving the dehumanizing looks of others. These looks and actions by the non-old imply that the old and the retired are generally unattractive, worthless, worn-out and out of the way. These expressions of disdain are the

consequences of commonly held stereotypes about the elderly including the retired. This class of individuals according to Abdullahi and Jummai [1], are believed to be unfortunate-poor, isolated, neglected, sickly, senile and depressed. Similarly, Okam [35] revealed that the elderly persons usually display highly visible traits that make them different from the majority. These traits include the following:

- a. Possession of aged bodies;
- b. They are relatively powerless;
- c. Their behaviour and traits are stereotyped and regularly depreciated and devalued by the dominant group;
- d. And most- importantly, because of their age, the retired and the elderly are often singled out for differential and unfair treatment.

The notions are based only partly on fact. For the most part, however, these stereotypes are generalizations that do not fit the majority of the elderly and the retired persons in Nigeria.

1. *Planning and Management Stage*: As a result of their unpreparedness many have faced lots of psychosomatic problems and some exhibit psychophobic reactions [1]. Today, civil servants in both public and private sectors in Nigeria perceive retirement as most intractable problems. According to IBTC pension Manager [37], retirement planning as an exercise in the world over is fraught with many challenges. For Nigerian civil servants who are especially challenged by low level of income and savings as well as huge family and social responsibilities, retirement planning can be more complicated. Some of the social issues that affect effective retirement planning in Nigeria include the size of the family, polygamy and the additional responsibilities of the extended family and inadequate access to medical facilities.

2. *Reduction in Income*: Retirement exposes retirees to a sharp reduction in income [38; 39]. This reduction in income may be aggravated by delay in payment of retirement benefits like pensions and gratuity [40; 41; 3]. Indeed, in Nigeria, it is a common knowledge particularly in the public sector that payment of pensions to retirees is not well co-ordinate. Cases abound of retirees who are reported to have given up the ghost while on queue to collect their pension allowances. Also, it's a common incident to see retirees visit their former places of work (particularly a day or two following the payment of salaries) to beg for money from their former colleagues. This unpleasant situation may have been caused by delay in the payment of their retirement benefits or inadequate pre-retirement planning, or both factors. Therefore, some of these retirees exhibit some undesirable behaviours in the form of defence mechanisms such as drinking, smoking, gambling, etc., perhaps to make up for their seemingly dehumanizing lifestyle.

3. *Domestic Violence*: Domestic violence is another challenge to retirees. Here domestic violence refers to control by one partner over another in a dating, marital or live-in relationship. The means of control include physical, sexual, emotional and economic abuse, threats and isolation. Retirees face many obstacles in trying to end the abuse in their lives. Although most are psychological and economic entrapment, physical isolation and lack of social support, religious and

cultural values, fear of social judgement, threats and intimidation over custody or separation [42; 43; 1]. Therefore, retirees are subjected to internal domestic violence with their family's members.

4. *Corruption in the Pension Scheme*: Despite several moderations of retirement benefits for workers in Nigeria, pension fund has been characterized by outright corruption and embezzlement, mismanagement and diversion of fund over the years. Corruption in the pension scheme has become so pervasive. The embezzlement and corruption manifests in different shades and colours [2]. Fapohunda [44] revealed that of the 141, 790 pensioners listed on the government payroll, only 70, 657 were said to be genuine, while the police pension officer also alleged collected N5 billion monthly as pensioner's claim against the actual requirement of N500 million. She further revealed the recently multi-million pension fund scandals pervading many strata of the Nigerian society like the pension unit of the office Head of civil service of the Federation, PENCOM and the Nigerian Police Pensions. A recent National Assembly public hearing on pension revealed that six (6) civil servants stole N24 billion from the police pension funds. The same persons were alleged compliances in the illegal diversion of another N24 billion from the police pension funds. Similarly, N189.8 billion. Pounds were recovered after the conduct of Biometric Data capture exercise on pensioners since 2010 [10]. Obviously, millions of pensioners who served this country have their latter years enmeshed in suffering due to the greed of some uncultured public office holders.

5. *Sudden Death*: Yet another issue that comes to mind regarding challenges to retirement is sudden death in service or as well as death during retirement. Here Retirement Act provides that where a contributor dies during employment, the balance on his/her Retirement Savings Account will be transferred to his/her known beneficiary named in the will, which is his or her spouse, children, next of kin or the administrator of his/her estate as determined by the Pension Act. The same provision also applies to retirees who have started receiving benefits through programmed withdrawal [45]. And are not made to retirees' beneficiaries at their deaths.

6. *Anxiety about Residential Home*: Anxiety about a home into which to retire is another challenge faced the retirees in Nigeria. More often than not, some retirees who do not have their own building or houses but stay in rented apartments, which they must vacate at retirement, are either exposed to societal ridicule or encounter financial difficulties in payment of house rent [33]. Also, Abdullahi and Jummai [1] noted that a lot of retirees in Nigeria reach the age of retirement without personal residential home. This problem persisted due to the fact that Nigerian workers are paid low wages, which make investment to have residential home very difficult. Esene and Akeni [14] stressed that an employee should endeavour to own at least a retirement building between ages 35 and 60 years. They posit further that the retirement phase in one's life is not the time to continue in paying rents to landlords. Therefore, having a home into which to retire gives an individual a secured feeling and enhances his/her status in the society.

7. *Other Challenges*: At retirement, retirees usually have difficulties in cutting down already-formed pattern of spending while in service 37. Also, how

to budge for time and use time wisely, worries about what to do in order to continue to earn the respect of immediate family members in retirement as when in service, difficulties arising from reduction in social network due to loss of contact with office friends, workmates, and clients at retirement, including society's negative perception of the retirees as people who have wasted their opportunities while they were young are some other challenge facing retirees in retirement [46; 33; 39; 3].

Economics of Healthcare in Retirement

Better healthcare is a primary human need. Apart from the income component at retirement, healthy engagements of the mind, body and even the soul should be of primary concern to the retirees. Economics of health in retirement is the harnessing of resources that are available within the environment or locality of a retiree for optimal utilization for healthy living [2]. Obviously, an employee in service has hope for monthly salary to meet his/her body needs but at retirement when salary ceases, such hope could be dearth.

Bohlander and Snell [26]; Bhagwan and Bhushan [47] and Maji [2] stressed that post-retirement is another phase of life that is associated with changes not only in income but physical fitness and health conditions. A retiree at the age of 65 years (and above) that is less in active service, by Nigeria's standard may be prone to old age sicknesses (like osteoarthritis, diabetes mellitus, hypertension, obesity, etc). It therefore becomes necessary for a retiree to think of how to cope with the body needs by harnessing and utilizing resources within his/her reach for healthy living during retirement. According to Nwachukwu [48] knowledge of this will enable an individual (retiree) to be an active participant in his/her healthcare. He posits further that a healthy eating plan can reduce the risk of developing hypertension, diabetes and lower an already elevated blood pressure. The following are tips for managing healthcare conditions during post-retirement:

a. Develop a dietary eating plan that emphasizes eating more of fruits fresh vegetables and plant products, low fatty foods, poultry, fish, moyin moyin, akara and less in-take of red meat, sweets, salt, sugar, beverages, processed or refined food products. In post-retirement and considering the age at that period, these food menus are recommended for longevity.

b. Post-retirement task should be done with ease and moderately. Trying to do much work at a time can leave you weak or damage your health at that old age (of 65 years +). Therefore, avoid any activities that will sap your energy.

c. Warm up with a low impact exercise like walking, jogging, swimming, running, cycling, dancing, recreation, playing table tennis, golf and the like. This can improve body image, fitness of the heart and lungs and very good in the management of hypertension.

d. Visit your Doctor/hospital regularly to check your blood pressure (BP), blood glucose, etc. At post-retirement this is very necessary. Besides, most hospital do not even charge for checking a patient's BP.

e. In addition, all health-conscious individuals (including retirees) can possess medical kits like blood pressure machine, glucometer for measuring blood

pressure and sugar level on their own (with significant doctor's or other health workers monitoring) respectively.

f. Drink plenty of fluids. When doing any activities, sweating means you are losing fluid and this has to be replaced. Water is usually the best choice.

g. Take rest and sleep when getting exhausted. Allocate time to observe these. Remember that a little relaxation goes a long way in boosting your energy level.

h. Participate in self-care programme that could promote self-cleanliness e.g. personal and environmental hygiene.

Policy Recommendations

The following policy recommendations are made to address the challenges faced by the retirees in Nigeria:

1. Government should strengthen the regulatory and supervisory framework and empower it to successfully and effectively check earring pension fund administrators in the country. This will no doubt improve social security delivery for the retirees and prevent event of seeming financial anomaly.

2. Employers and government should organize timely, adequate pre-retirement orientations/seminars/workshops for their workers in order to save the country the embarrassment of seeing their retirees going to early grave or turning into destitute on the streets.

3. Employees and retirees should be encouraged to invest in shares and real estates so that at retirement they can earn additional income to supplement their pension income at retirement.

4. As a way of preparing for life after retirement, the retirees and employees are encouraged to invest in themselves by self-sponsor to retirement seminars and workshops where the employers and government are failing to do so.

5. Workers in addition to the new contributory pension scheme should also hold life Assurance Policies and embrace Retirement Annuities. This will no doubt encourage self-reliance in post- retirement.

6. Government should establish a National Public Services Rehabilitation and vocational centre to provide a series of skills acquisition training and counseling programmes for workers about to retire from active service. In addition, government should mandate and empower the centre to reward retirees with concrete achievements and excellent character. This will encourage all serving public officers to work hard with dedication, loyalty and honesty.

7. The issues of regular medical check-ups should not be over- looked since retiree may be prone to old age sicknesses like hypertension, obesity, diabetes, osteoarthritis, etc.

The authors are of the opinion that if the precautionary advice and recommendations are adhered to, retiring workers would have a pleasant and fulfilling retirement life.

Conclusion

Retirement without planning is likely to result in total failure and frustration at the point of retirement. Therefore, necessity rest on every employee to begin to

consider the issue passionately since life at retirement can be blissful or painful depending on the level of preparedness and planning. Whichever way, the choice is yours. It is obvious that the pension reform Act 2014 is a key component of the general economic reform implemented by the federal government. The present state of the pension market has reflected the extent of government political will and commitment to ensure the successful implementation of the scheme. This paper commends the effort of the government for establishing the Army Resettlement Centre at Oshodi, where soldiers who are about to retire are trained in one handicraft or the other, such as, tailoring, carpentry, soap making, refrigerator repair, etc, with the purpose of getting them skilled in one trade or the other in order to get a means of livelihood after retirement. It is hope that more of this kind of resettlement centre will be establish for other paramilitary officers and civil servants across the country. Finally, we are confident that with the effective implementation of Pension Reform Act 2014, the stories of pain and death associated with payment of pension and gratuities to retirees will be a thing of the past.

REFERENCES

- [1] Abdullahi G., Jummai M. Retirement Challenges and Sustainable Development in Nigeria. *European Journal of Business and Management*. 2014; 6 (39): 94–98.
- [2] Maji A. Managing Post-retirement Conditions in Nigeria. *Journal of Good Governance and Sustainable Development in Africa*. 2014; 2 (2): 10–121.
- [3] Olufemi O.O., Fashiku C.O. Workers’ Knowledge of Prospects and Challenges Awaiting Retirees at Retirement in Nigeria. *Asia Pacific Journal of Education, Arts and Sciences*. 2015; 2 (1): 44–52.
- [4] Fajana S. *Human Resource Management: An Introduction*. Lagos: Labofin Publishers; 2006.
- [5] Federal Republic of Nigeria. *Public Service Rules*. Abuja: Federal Government Printing Press; 2008.
- [6] Buckley J.C. *The Retirement Handbook*. New York: Harpers and Row Publishers; 1974.
- [7] Bur, A. *Retirement Management: Re-organizing the Nigeria Civil Service*. Makurdi: Benue State Government Printers; 2001.
- [8] Nwachukwu C.C. *Human Resource Management*. Port Harcourt: University of Port Harcourt Press; 2000.
- [9] Egbuta A. *Managing Older Employees*. Lagos: Inte University Press; 1991.
- [10] Nafisat A. Pension Scheme in Nigeria: History, Problems and Prospects. *Arabian Journal of Business and Management Review*. 2015; 592: 1–12.
- [11] Olatunde A., Onyinye T. Problems and Prospects of Retirement Adjustment on Families of Retirees Among Civil Servants in Ekiti State. *Journal of Management and Society*. 2008; 1 (3): 28–33.
- [12] Aina S. *Managing Human Capital in Nigeria*. Lagos: Fountain Training; 1992.
- [13] Robinson M., Davidson G. *Chambers 21st Century Dictionary*. New Delhi: Allied Chambers Ltd; 2006.
- [14] Esene R.A., Akeni B.A. Planning for Retirement in the Public and Private Sectors in Nigeria. *The Nigerian Journal of Research and Production*. 2010; 16 (2): 1–7.
- [15] Cole G.A. *Personnel and Human Resource Management*. London: Thomson Learning; 2002.
- [16] Iyortsuun A. S., Akpusugh K.T. Effective Management of Life After Retirement and its Impact on Retirees from the Public Service: A Case Study of Benue State. *Global Journal of Management and Business Research Interdisciplinary*. 2013; 13 (5): 1–8.
- [17] Nwajagu C.I. Procedure for Processing of Retirement Benefits and Computation. An Unpublished Seminar Paper Submitted to the Department of Public Administration and Local Government. Nsukka: University of Nigeria; 2007.

- [18] Okechukwu E., Ugwu S.C. The Law and Administration of Retirement in Nigeria: A Historical Approach. *Kuwait Chapter of Arabian Journal of Business and Management Review*. 2011; 1 (2): 25–33.
- [19] Federal Republic of Nigeria. *Pension Reform act*. Abuja: Federal Government Printing Press; 2004.
- [20] Eyitayo A.C., Bamilola L.I., Obadofin B. Ascertaining Post-retirement Counseling Preferences of Workers in Selected Areas of Lagos Metropolis. *Conference Proceedings for the 33rd Annual National Conference of the Counseling Association of Nigeria*; 2008: 81–89.
- [21] Korn D. Strategies to Employ for an Early Retirement. *Black Enterprise*. 2000; 31 (3): 121–126.
- [22] Kolawole S.A., Mallum A.Y. *Retirement Counseling: Challenges, Opportunities and Coping Strategies*. Paper Presented at the Annual Conference of the Counseling Association of Nigeria. Maiduguri; 2004.
- [23] Denga I. *Human Engineering for High Productivity in Industrial and Other Work Organization*. Calabar: Rapid Educational Publishers; 1996.
- [24] Wehrich H., Koontz H. *Management: A Global Perspective*. New Delhil: Tata Megraw-Hill; 2003.
- [25] Berry C. *The Future of Retirement*. London: The International Longevity Centre; 2010.
- [26] Bohlander G., Snell S. *Managing Human Resources*. USA: South-western Cengage Learning; 2007.
- [27] Thakur S.S., Jain S. Retirement Planning and Social Security Concept in Indian Context. *International Journal of Commerce and Management Review*. 2017; 3 (2): 35–40.
- [28] Eyibe S.C., Eyibe U. *Harmony in the Workplace: Essay in Personnel Management*. Onitsha: Innoson Publishers; 2000.
- [29] Nuss E., Schroeder C. Life Planning: Preparing for Transition and Retirement. *New Directions for Student Services*. 2002; 98 (83), 133–147.
- [30] Ross S.A., Westerfield R.W., Jordan B.D. *Fundamentals of Corporate Finance*. Boston: Irwin McGraw-Hill; 2002.
- [31] Adewuyi T.D.O. Counseling Retirees for Political Participation. *Proceedings of the 30th Annual National Conference of CASSON*. 2006: 20–29.
- [32] Williams A. Attitude Toward Retirement and Strategy for Counseling Retirees for Possible Political Participation. *The Counselor*. 2006; 23: 148–155.
- [33] Onyemowo C.O. Pre-retirement Counseling: A Panacea for Active Political Participation. *Proceeding of the 30th Annual Conference of CASSON*. 2006: 292–300.
- [34] Adegoke A.A. *Advanced Human Resource Management II*. Lagos: Chartered Institute of Personnel Management of Nigeria; 2013.
- [35] Okam C.C. *The Challenges of Retirees in Nigeria*. Paper Presented at a Workshop on Planning for Resourceful Retirement. Katsina; 2013.
- [36] Semone D.B. *The Coming of Age*. New York: Warner Paperback Library; 1973.
- [37] Olatomide O.O. Challenging Facing Civil and Public Service Retirees in Ekiti, Ondo and Oyo States: Implication for National Development and Increased Life Expectancy. *Nigeria Journal of Educational Research and Evaluation*. 2010; 9 (2): 85–94.
- [38] Olatomide O.O., Akomolafe M.J. Assessment of Pre-retirement Teachers in Public Primary Schools in Two Local Government Areas in Ondo State, Nigeria. *Ife Journal of Educational Leadership, Administration and Planning*. 2012; 10 (1): 1–13.
- [39] IBTC Pension Managers. Planning for Your Retirement. *IBTC Bulletin*; 2008.
- [40] Akinade E.A. *Towards Satisfaction Retirement: A Socio-psychological Approach*. Lagos: kola Okanlawon Services ltd.; 1993.
- [41] Bukoye R.O. Problems Associated with Retirement Anxiety among Retiring Civil Servants in Kwara State. *The Counselor*. 2005; 21 (4): 207–215.
- [42] Gbenda B. Factors affecting preparation for and retirement among civil servants in Benue State. *The Counselor*. 2005; 21 (4): 227–237.
- [43] Etadon F.I., Jimoh A.M. *Psychological Effects of Retirement on Wellbeing and Adjustment to Life among some Nigerian Military Personnel*. Ibadan: Brightways Publishers; 2012.

- [44] Fapohunda T.M. The Pension System and Retirement Planning in Nigeria. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2013; 4 (2): 25–34.
- [45] Oniye A.O. Problem Associated with Retirement and Implications for Productive Adult Life. *Nigeria Journal of Gender and Development*. 2001; 2 (1): 55–64.
- [46] Arogbofa S. Immediate Post-Retirement Problems. *Preparing for Retirement: Processes and Problems*. Ed. by O. Adejuyigbe. Akure: Josmos Printing Press; 1997.
- [47] Bhagwan V., Bhushan V. *Public Administration*. New Delhi: Nirja Publishers; 2012.
- [48] Nwachukwu J. *Preventive Management of Hypertension, Diabetes and Stress*. Lagos: Corporate Medicals; 2003.

Information about the author:

Ugo Chuks Okolie – PhD Student of the Department of Political Sciences, Delta State University (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0002-0448-2938) (e-mail: ugookolie3@gmail.com).

Информация об авторе:

Уго Чакс Околе – аспирант кафедры политических наук, Государственный университет Дельта (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0002-0448-2938) (e-mail: ugookolie3@gmail.com).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
